

Польская революция

САМИЗДАТ

ПОЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

THE POLISH REVOLUTION

*With a foreword
by Mario Corti*

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1985**

ПОЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Вступление — Марио Корти

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1985**

POLSKAIA REVOLIUTSIIA
With a foreword by Mario Corti

By kind permission of «Arkhip Samizdata»
first Russian edition published in 1985
by Overseas Publications Interchange Ltd
8, Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

ISBN 0 903868 96 2

Cover design by Andrzej Krauze

Printed in West Germany by Polyglott-Druck

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга — не первая и не последняя самиздатская работа, посвященная польским событиям последних лет, написанная в Советском Союзе.

Об огромном интересе, который эти события вызвали и все еще продолжают вызывать во всех слоях советского общества, имеется довольно много свидетельств. Среди них — захватывающие репортажи американских корреспондентов Дэвида Саттера и Кевина Клоза из шахтерского города Донецка, опубликованные соответственно в Лондонской газете „Файнаншел таймс” и в „Вашингтон пост” в начале 1981 года. Опрашивая рабочих Донецка „на автобусных остановках, на пустынных площадках перед шахтами и в коммунальных квартирах, в которых вода просачивается из потолка”, западные корреспонденты получили возможность убедиться, с каким огромным вниманием советские рабочие следят за событиями, разыгрывавшимися тогда в Польше. Из Самиздата известно, что во время забастовок, которые имели место в 1981—1982 годах на автобусном заводе (ПАЗ) г. Павлово Горьковской области, циркулировал лозунг: „Если норма будет больше, то мы сделаем, как в Польше”. Борьба польских рабочих за экономические, социальные и политические права довольно подробно освещалась в советском Самиздате, в частности, в Информационных бюллетенях Свободного межпрофессионального объединения трудящихся. И это естественно, ибо СМОТ единственный действующий еще по сей день в СССР зачаток независимых профсоюзов.

О реакциях на польские события советских граждан разного социального положения можно еще судить по ответам на вопросы анкеты парижского журнала „Альтернатива”, тоже получившим распространение в Самиздате.

Чтобы не обременять далее читателя этим длинным перечнем, напомним лишь одну работу, имеющую хождение в Самиздате. Это „Письмо русским рабочим по поводу польских событий” московского математика Вадима Янкова,

ныне отбывающего четырехлетний срок в советских застенках. В этой работе Янков пытается проводить определенные аналогии между польской ситуацией и советской, а также найти приложение опыту движения польских рабочих к проблемам их советских братьев. К сожалению, снисходительно-наставнический тон Янкова снижает общее положительное впечатление, которое производит его работа.

Но из всех известных нам самиздатских трудов, посвященных польским событиям, нам кажется, что публикуемое здесь сочинение превосходит все остальные не только по объему и насыщенности информацией. Оно их превосходит еще по степени понимания исторических предпосылок, сделавших возможным появление в Польше такого массового, подлинно народного движения, которое именуется „Солидарностью”.

Неудивительно поэтому, что большая часть книги посвящена разбору событий, разыгрывавшихся в Польше в годы после нападения гитлеровской Германии. Мучительный процесс, приведший в конце концов к образованию Польской Народной Республики, рассматривается как на фоне различных международных факторов, которые сыграли немало важную роль в ее становлении (особое внимание уделяется, естественным образом, ключевой роли Советского Союза), так и в диалектике развития внутривнутриполитических и общественных сил. В частности, автор подробно исследует взаимодействие тех социальных сил, которые оказались наиболее жизнеспособными в сложной политической жизни Польши: католическая церковь, интеллигенция, крестьянство и городской пролетариат. Он четко выделяет их основной связующий элемент — повышенное национальное чувство поляков, сплотившее их сначала в борьбе с немецким оккупантом, а затем в сопротивлении навязанному извне режиму. Делая акцент именно на противоречиях между обществом и аппаратом власти, и описывает автор различные этапы внутривнутриполитического развития Польской Народной Республики.

Разумеется, не мог он обойти экономической ситуации страны как одной из основных причин общественных конф-

ликов и слишком частых для социалистического общества политических кризисов. Экономические трудности Польши объясняются как субъективными, так и объективными причинами. Среди последних отмечена главным образом зависимость польской экономики от поставок советского сырья и продовольствия и от западных кредитов. Одну из субъективных причин этого автор видит в неспособности польских правителей разрабатывать и проводить в жизнь реалистическую и здоровую экономическую программу.

Таким образом, объединенные общим национальным чувством и исходя из безвыходности экономического положения, основные общественные силы Польши стали оказывать все большее воздействие на режим, постепенно добиваясь немаловажных уступок. Именно то, что польские правящие круги вынуждены были в разное время считаться с требованиями сопротивляющихся общественных сил, и определило особое положение Польши в социалистическом лагере. Она стала самой „либеральной” — и в то же время самой нестабильной — страной советского блока вплоть до прихода к власти генерала Ярузельского.

Переломным моментом в новейшей истории сопротивления польского народа автору представляется создание в 1976 г. „Комитета защиты рабочих” (КОС—КОР), организации интеллектуалов, ставшей центром притяжения рабочих. С этим событием он связывает возникновение в Польше подлинного политического сопротивления. Он не скрывает своего восторга перед организованностью КОРа, его методами ведения борьбы как легальными, так и нелегальными, комбинацию которых автор книги и считает самой плодотворной формой сопротивления тоталитарному режиму. Благодаря разъяснительной работе, проведенной КОРом в среде рабочих, „впервые в истории коммунистической системы значительные слои рабочего класса осознали, что их экономические интересы не могут быть защищены без политических гарантий”.

Как видно, схематичным, но достаточно исчерпывающим, историческим введением автор добивается двойной цели:

определить, хотя бы в общих чертах, те узкие геополитические рамки, в которых Польша вынуждена действовать в послевоенное время, а также показать изменения, имевшие место в современном польском обществе — включая, в первую очередь, создание профсоюза „Солидарность” — в их исторической перспективе.

Итак, национальное единство основных сил, составляющих польское общество, католическая церковь как элемент сплочения и пристанище рабочих и крестьян, союз интеллигенции с массами трудящихся, ведение борьбы организованной, структурированной и сознательно политической — вот те элементы, которые — по мнению автора — способствовали становлению подлинной оппозиции режиму в Польше, сделали возможным то, что он называет „польской революцией”.

Было бы ошибочным полагать, будто бы автор считает такую схему приложимой *sic et simpliciter* к советской ситуации. Наоборот, есть все основания считать, что он четко понимает, что польское развитие не может служить парадигмой или сценарием для возможного будущего развития советского общества. Слишком уж разнятся исторические условия.

И все же, несмотря на отсутствие в СССР исторических предпосылок, аналогичных тем, которые в Польше способствовали появлению „Солидарности”, то, что произошло в Польше до объявления военного положения, и то, что происходит сегодня, сможет оказать определенное влияние на развитие советского общества. Чтобы содействовать этому влиянию, нам кажется, и была составлена эта книга. Как пишет ее неизвестный автор: „Муза истории говорит сегодня по-польски. От нас зависит научить ее русскому языку”.

Марио Корти

М. Корти работал в 1972–1975 гг. в итальянском посольстве в Москве. Был составителем нескольких сборников документов о советском инакомыслии, опубликованных в Италии. Его статьи о правозащитном движении и инакомыслии в СССР печатались и продолжают печататься в разных странах западного мира.

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!*¹

1. ЧТО ПРОИСХОДИТ В ПОЛЬШЕ?

События в Польше, происходящие на наших глазах — или, вернее, намеренно и систематически скрывааемые от наших глаз — имеют важнейшее историческое значение. Особые обстоятельства, в которых находится Польша, не позволяют и самим полякам называть вещи их именами. Но уже произнесено единственно правильное слово: в Польше происходит **р е в о л ю ц и я**. Я оставляю в стороне вопрос, хорошо или плохо делать революцию. Вопрос этот так же бессмыслен, как если бы кто-нибудь стал спрашивать, хорошо или плохо, когда в жизни происходит глубокая перемена. Все дело в том, какова эта перемена — хотим мы ее или нет. Психология людей, отвергающих **в с я к и е** революции, очевидна: это люди, боящиеся любых серьезных событий, бессознательно признающие свою несостоятельность перед лицом серьезных перемен. Впрочем, революция входит в мир, ни у кого не спрашивая разрешения.

1 Ф. И. Тютчев, „Цицерон”, ПСС, СПб., 1913, с. 78.

Давно уже не было подлинных революций. Поколения, выросшие в духоте, боятся освежающей грозы. Люди не понимают, что все подлинно новое тем и ново, что не похоже на бывшее прежде, что в истории нет повторения. Польская революция до сих пор была почти бескровной. Было бы наивно предполагать, что так будет до конца, до установления нового строя жизни. В истории нет повторений, но есть глубокие аналогии. Бескровным было начало французской революции, почти бескровно прошла февральская 1917 года. К сожалению, революции всегда имели кровавое продолжение. Вовсе не обязательно, чтобы так было и дальше. Но в случае нынешней Польши за бескровное продолжение нельзя поручиться.

Я ставлю себе в этих заметках очень ограниченную задачу: рассказать о польских событиях моим друзьям. Информация, имеющаяся в моем распоряжении, очень неполна, ее было бы недостаточно, чтобы составить последовательную летопись происшествий. Не сомневаюсь, что теперь этим занимаются сами поляки. Моя цель состоит скорее в истолковании того, что произошло, хотя бы в самых общих чертах. Это спешная работа, неточности и прямые ошибки в ней неизбежны. Каждый день приносит новые события — следовательно, многое произойдет за время, когда я буду писать.

Мы переживаем величественный момент истории. Слышите ли вы

...Клии страшный глас
За сими страшными стенами?

Муза истории говорит сегодня по-польски. От нас зависит научить ее русскому языку.

2. ПОЛЬСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Польша — страна крайне несчастной судьбы. В восемнадцатом веке польское королевство стало добычей соседних держав. Польшу четыре раза делили, но ей суждено было воскреснуть после первой мировой войны. Последний период ее независимого существования был с 1918 по 1939 год. Гитлер задумал напасть на Польшу после ряда захватов в Европе, удавшихся ему без применения силы, путем надувательства и шантажа. Дальнейшее продолжение таких захватов угрожало интересам Англии и Франции, и эти страны предоставили Польше гарантии, то есть обязались защищать ее в случае нападения. Все же Гитлер напал на Польшу 1 сентября 1939 года, рассчитывая на слабость и пассивность западных стран. Тем пришлось выполнить свои обязательства; так началась вторая мировая война. Гитлер боялся войны на два фронта. Он не посмел бы напасть на Польшу, если бы ожидал вступления в войну Советского Союза. Но ему удалось избежать этой опасности. Англия и Франция вели переговоры с Москвой с целью привлечь Россию к со-

противлению фашистской агрессии. Но они не доверяли Сталину, опасаясь, что он использует ситуацию, чтобы под видом помощи захватить соседние страны, и Польшу в том числе. Польское правительство не знало, какого врага ему больше бояться — с Запада или с Востока. Кроме того, после кровавых репрессий Сталина, разгромившего командование Красной Армии, английские и французские военные специалисты не принимали ее всерьез как боевую силу. По этим причинам западные державы затянули переговоры о союзе с Россией. И тогда Сталин, боявшийся Гитлера и не веривший в намерения западных стран, начал тайные переговоры с германским диктатором. В августе 1939 года Сталин заключил с Гитлером пакт о „ненападении”. В секретном протоколе к этому пакту предусматривался раздел Польши: западная часть ее предоставлялась Германии, а восточная должна была отойти к Советскому Союзу. Поэтому Гитлер не боялся войны на два фронта, нападая на Польшу: когда поляки отчаянно сопротивлялись, Сталин нанес им удар в спину, захватив свою часть добычи. Так совершился пятый раздел Польши.

Чувства поляков к России, впрочем, установились и до этого раздела, потому что она была участницей и руководящей силой четырех предыдущих. В конце XVIII века Польша перестала существовать как самостоятельное государство и была разделена между Пруссией, Австрией и Россией. Русской части Польши, названной „царством Польским”, было навязано несколько смягченное самодержавие. В 1831 году поляки восстали против русской власти. Восстание было подавлено, и Польша потеряла все остатки своих вольностей. Началась принудительная „русификация”, гонения на польский язык и культуру. В 1863 году поляки снова восстали. Царские войска затопили восстание кровью. У поляков не было никакой надежды изменить свое положение мирным путем. Польша вернула себе независимость, когда Германия и Россия ослабили друг друга в первой мировой войне — в 1918 году. Польша превратилась в непрочное, раздираемое противоречиями, но все же независимое

от иностранной власти государство. И вот в 1939 году она снова была разделена.

Германия захватила западную и центральную часть Польши, где жила большая часть польского народа. Во власти Гитлера оказалась столица Польши Варшава и важнейшие польские города — Краков, Познань, Лодзь, Гданьск. Последний из них (по-немецки Данциг) в прошлом долго принадлежал Германии, и немцы составляли значительную часть его населения. Притязания Гитлера на Данциг послужили ему поводом к войне. Гитлер не оставил полякам никакой самостоятельной жизни: они были попросту порабощены, превращены в рабочую силу немецкой военной машины. Западные области страны были присоединены к Германии, а остальная часть была превращена в „генерал-губернаторство” с немецкой администрацией. Для поляков была устроена варварская система управления, более жестокая, чем в оккупированных немцами странах Западной Европы. Согласно принятой в гитлеровской Германии расистской теории славяне считались людьми очень низкого сорта, и жизнь поляков не ставилась ни во что. Часть из них предполагалось онемечить, а большинство обратить в потомственное рабство или, за ненадобностью, истребить. Немедленному истреблению подлежали евреи, составлявшие значительную часть населения страны. Польская интеллигенция, вызывавшая у гитлеровцев особые опасения, расстреливалась без всякого предлога, в качестве предупредительной меры: таким образом хотели обезглавить польский народ.

Гитлер избрал Польшу в качестве испытательного полигона для своей машины умерщвления: на польской земле были устроены гигантские лагеря уничтожения, куда выводили обреченных из всех стран Европы. Это были евреи и цыгане, осужденные на смерть за свое происхождение, участники антифашистского сопротивления, коммунисты, социалисты и либералы, а также советские военнопленные, которых Гитлер исключил из международного права. В лагерях были газовые камеры, где евреев регулярно удушали ядовитым газом, насколько это позволяла производитель-

ность „душегубок”. В камеры шли также „нарушители режима”, продолжавшие и в лагере сопротивляться. Остальное население лагерей должно было умереть голодной смертью, отдав немецкому Рейху остаток своих сил. Ежедневно сжигали тысячи трупов; для этого были построены крематории, где работали команды заключенных. Время от времени эти команды сменяли, отправляя отработавшую смену в печь. Одежду и вещи смертников сортировали и аккуратно хранили. Отрезали волосы для матрацев, вырывали золотые зубы, из остатков человеческого жира пробовали делать мыло. На живых узниках ставили самые невероятные опыты; этим занимались гитлеровские ученые и врачи. Охрана лагерей и команды палачей состояли из эсэсовцев и украинских националистов. Самый крупный лагерь был около Освенцима; дым от крематориев закрывал в этом городе небо, и запах сожженных трупов был частью повседневной жизни. В Польше все знали. Попасть в лагерь можно было за малейшее нарушение немецкого режима, в качестве заложника за действия других или просто по прихоти какой-нибудь немецкой власти. Нетрудно понять, какой жизнью жил в это время польский народ. В немецких лагерях погибло больше шести миллионов польских граждан, то есть пятая часть населения страны.

В этих условиях возникло польское Сопротивление. В нем участвовали десятки тысяч людей, ежедневно рисковавших жизнью. В оккупированной Польше, где миллионы людей пытались выжить в условиях голода и террора, борцы Сопротивления не рассчитывали на личное спасение. Война шла от поражения к поражению; казалось, над Европой сгушалась бесконечная тьма. Поляки шли на смерть во имя идеи отечества, ставшей уже почти абстрактной; в Польше всегда находились люди, не жалевшие своей крови ради абстрактных идей, и во время оккупации обнаружилось, что польская традиция жертвенности и героизма по-прежнему сильна. Польша покрылась сетью конспиративных боевых организаций, считавших себя продолжением польской армии, принявших военную структуру и подчинявшихся эмиг-

рационному правительству в Лондоне. Так, сразу же после поражения, возникла „Армия Крайова” („Национальная Армия”). Костяк ее составляли избежавшие плена польские офицеры; в этом была ее сила и слабость. Слабость была в том, что офицеры приносили с собой в Сопротивление характерные черты касты, к которой принадлежали: консерватизм, слепое повиновение приказам, нередко — барские привычки. Трудно было найти более храбрых людей, но они совершили много ошибок. Национального единства достигнуть не удалось. В польском Сопротивлении оказалось много людей, для которых „Армия Крайова” была слишком правой: даже в оккупации продолжалась политическая борьба. Дальше мы увидим, как этим воспользовался Сталин.

В восточной части Польши водворилась сталинская машина террора. Для захвата этих территорий не было никакого приличного предлога, никакой видимости права. И вот советская пропаганда вдруг забыла свою доктрину „пролетарского интернационализма” и заимствовала у фашистов новый для нее язык. Дело в том, что восточную Польшу населяли украинцы и белорусы. Многие из них придерживались своей национальной идеологии, но одни лишь коммунисты желали соединения с Россией. Поскольку в Советском Союзе тоже жили украинцы и белорусы, было объявлено, что они — наши „единокровные братья”, что „панская Польша” втянула их в свою авантюру и бросила на произвол судьбы, а потому их надо спасти, присоединив к одноименным республикам Советского Союза (спасать поляков не считалось нужным, вероятно, потому, что у них чужая кровь!). Так в марксистскую фразеологию была введена гитлеровская „магия крови”.

Военная защита захваченных областей была поставлена из рук вон плохо, что впоследствии облегчило Гитлеру его задачу. Зато весьма энергично действовало воинство Берия, вездесущий аппарат НКВД. Захваченные территории прочесывались в поисках „потенциального врага”. Сотни тысяч людей были согнаны в лагеря, посажены в теплушки и вывезены в Сибирь и Среднюю Азию: хватали всех, кто занимал

какое-то место в жизни польского государства, проявил какую-нибудь активность, все равно в каком направлении, или просто что-нибудь имел. Относительной гарантией благонадежности была безграмотность, пассивность и наемный труд. Польские коммунисты, восторженно встретившие своих „освободителей”, были почти все истреблены. Евреи, бежавшие от Гитлера на Восток, тоже не внушали доверия и высылались в дебри Сибири. Советские чиновники, имевшие доступ в оккупированную зону, как саранча набросились на польские города. После пролетарского оскудения они купались здесь в буржуазном изобилии: самые бедные области Польши были для них богаты. Мародерство не наказывалось, честные большевики давно сгнили в братских могилах.

Особую проблему составляли пленные польские офицеры. Большею частью это были мобилизованные в армию интеллигенты, элита польского народа и возможная основа его будущего возрождения. Чтобы не допустить этого возрождения, их надо было истребить. Сталин приказал собрать их в отдельные лагеря, и в марте 1940 года десятки тысяч польских офицеров были расстреляны в Катыни, близ Смоленска. Уцелели немногие, попавшие в общие лагеря; будущей польской армией командовали люди, которых Сталин не успел расстрелять.

В таком положении Польша встретила германо-советскую войну.

Война эта была для поляков одновременно бедствием и надеждой. Бедствием потому, что война должна была прокатиться по истерзанной польской земле, потому, что война означала для них принудительный труд, насильственную отправку на работы в Германию и усиление террора. Надеждой потому, что Советский Союз воевал теперь на стороне западных демократий и можно было верить, что Польша, ради которой они начали войну, после мирного урегулирования вернет себе независимое существование. Мы увидим дальше, как была обманута эта вера.

Поляки могли понять, что нападение Гитлера было несчастьем для русского народа. Поляки могли отделать рус-

ский народ от сталинской системы правления, как прежде лучшие из польских мыслителей умели отделить его от царского самодержавия. Это было нелегко, потому что не каждый может быть мыслителем, и спокойное мышление трудно дается в час национальной катастрофы. Но были вещи, которых поляки понять не могли, пока не испытали на себе безумия сталинского террора. Поляки считали, что в смертельной опасности Россия должна забыть свои прежние захватнические планы, свое прежнее недоверие и протянуть руку своим союзникам в борьбе против общего врага. Поляки рассчитывали на некоторую лояльность, без которой нельзя вместе вести войну. Эти заблуждения можно объяснить естественной установкой приписывать другому человеку свои собственные мысли и побуждения. Но Россия не была этим „другим человеком”, ибо Россия к тому времени не имела уже ни голоса, ни лица. В России все решал Сталин, и критерии западной политической мысли не могли объяснить его поведения. Был ли Сталин сумасшедшим, представляет лишь академический интерес. В описываемое время он был, вероятно, не более сумасшедшим, чем все известные из истории тираны. Сталин жил не в реальном мире, а в мире своих собственных представлений, связанном с реальностью параноидальной психикой отщепенца. У него никогда не было друзей, ему всюду виделись враги. И, как все тираны, он не выносил никаких иных, даже близких позиций и точек зрения, видя в них коварные козни, направленные против него. В 1938 году Сталин распустил польскую коммунистическую партию, обвинив ее в троцкизме, и уничтожил почти всех польских коммунистов, бывших в пределах досягаемости. К началу войны с Германией в Польше не осталось организованной силы, на которую он мог бы опереться. Срочно собрав уцелевших в Советском Союзе польских коммунистов, он забросил по воздуху в оккупированную немцами Польшу организаторов коммунистического подполья. Почти все они погибли, но сделали свое дело. Новотко и Фидлер, именами которых названы теперь многие польские улицы и заводы, были из этих недобитых Сталиным

коммунистов. В Польше начало развиваться коммунистическое подполье, создавшее свою вооруженную силу — „Армию Людову” („Народную Армию”). По отношению к „Армии Крайовой” она составляла меньшинство; в нее вошли искренние коммунисты и сочувствовавшие им левые, ставившие „классовые” задачи на первый план и подозрительно относившиеся к „правому” подполью. Разумнее было бы отложить политические счеты до конца войны, но здесь Сталин мог использовать наследие социальной несправедливости, угнетавшей довоенную Польшу, и традиционную преданность коммунистов, все еще смотревших с надеждой на Москву.

Из коммунистического подполья вышли новые люди, не подосланные советским аппаратом. К их числу принадлежал Гомулка, начавший этим свою политическую карьеру.

Между „правым” и „левым” подпольем установились отношения недоверия и вражды. „Аковцы”^{*} считали „людовцев” агентами Москвы, „людовцы” подозревали „аковцев” в защите своих классовых интересов даже ценой соглашения с врагом. Ни те, ни другие не понимали, что им предстоит. Аковцы ожидали, что Сталин выполнит соглашения с союзниками, заключенные в 1941 году. По этим соглашениям раздел Польши, совершенный в 1939 году, объявлялся недействительным, и за нею вновь признавался государственный суверенитет. Под давлением англичан Сталин установил дипломатические отношения с лондонским правительством, и в Советском Союзе начала создаваться польская армия. Ее командующий, генерал Андерс, был извлечен из лагеря вместе с другими уцелевшими польскими офицерами. Предполагалось, что эта армия будет сражаться с немцами на восточном фронте; англичане и американцы поставляли ей оружие и снаряжение. Но скоро обнаружилось, что Сталин не доверяет полякам и не хочет использовать польскую армию в виде самостоятельной оперативной единицы, как это делается обычно с войсками союзных наций. Он хотел разделить

^{*}От АК — Армия Крайова.

эту армию на части и растворить их в советских подразделениях, что было оскорбительно для поляков и неприемлемо с точки зрения польских интересов. Польское правительство и командование польской армии защищали интересы независимого польского государства, которого Сталин не хотел. Кроме того, можно понять чувства польских офицеров по отношению к их недавним палачам. Кончилось тем, что под нажимом союзников армия Андерса была выведена через Иран на Ближний Восток; впоследствии она сражалась с немцами на итальянском фронте, понесла тяжелые жертвы и покрыла себя славой.

Отношения Москвы с лондонским правительством резко ухудшились, и вскоре произошел разрыв. В 1943 году польское правительство в Лондоне получило бесспорные доказательства преступления в Катыни. Глава правительства, генерал Сикорский, был честный патриот, но в интересах победы готов был пойти на тяжелую сделку с совестью и промолчать о Катыни. Коллеги его думали иначе, и польское правительство потребовало расследования катынского дела. Сталин разыграл праведное негодование и порвал с лондонским правительством, обвинив его в сотрудничестве с врагом. Ему нетрудно было найти предлог, поскольку немцы захватили в начале войны архив смоленского НКВД, раскопали катынские могилы, и Геббельс обвинил русских в неслыханных зверствах, имея в руках объективные факты.

Порвав с лондонским правительством, Сталин начал создавать из польских беженцев новую польскую армию по собственному вкусу. В ней всем заправляли агенты НКВД, подготовленные для этой цели, и она должна была бороться не за независимость Польши, а за ее порабощение; солдатам, конечно, говорили другое, и польские символы были сохранены. В том же сорок третьем году советские войска вступили на польскую территорию. За армией „освободителей” следовал второй эшелон, все то же воинство НКВД, и за немецким террором последовал русский, на этот раз на всей польской земле. Прежде всего расправлялись с „лондонским” подпольем. Части „Армии Крайовой”, наивно выходившие

навстречу „союзникам”, немедленно разоружались и отправлялись в лагерь, а командиры, по инструкции, расстреливались на месте. Как только об этом узнали в еще не „освобожденных” польских районах, позиция „Армии Крайовой” изменилась: в русских теперь видели врагов. В этой обстановке восстала Варшава.

Произошло это летом 1944 года, когда советские войска уже стояли на другом берегу Вислы, в немногих километрах от польской столицы. С военной точки зрения восстание могло бы сыграть важную роль, если бы было согласовано с советским наступлением на Варшаву. Но это было невозможно, потому что Сталин скрывал свои планы. Советская армия остановилась за Вислой и, по-видимому, готовилась к штурму Варшавы. „Армия Крайова” имела в Варшаве организованные силы и начала восстание, не дожидаясь советского наступления. Решение было принято в Лондоне, и не трудно понять его мотивы. Главной целью польского правительства и командования „Армии Крайовой” было восставление независимого польского государства. Ввиду неизбежного разгрома гитлеровской Германии главным врагом польской независимости был Советский Союз. Победоносное восстание в Варшаве могло поставить мир перед свершившимся фактом — польским временным правительством, вышедшим из Сопротивления. С таким фактом Сталину пришлось бы считаться, и это усилило бы позиции западных союзников на послевоенных переговорах. Конечно, своими силами восставшие не могли устоять против немецкой армии, но они рассчитывали вызвать наступление советских войск, для которых восстание в тылу у немцев представляло неоценимое преимущество. Сталин этим преимуществом пренебрег. Человеческие жертвы — и с советской, и с польской стороны — были ему безразличны. Он хладнокровно выждал, пока немцы подавили восстание, и ничего не сделал, чтобы ему помочь. Более того, он саботировал попытки американцев и англичан сбросить варшавянам оружие и боеприпасы: не разрешил их самолетам посадку за линией советского фронта. Из-за этого самолеты союзников

должны были летать без посадки через всю Германию и обратно, что было на пределе технических возможностей тогдашней авиации. Варшавяне не получили почти ничего. Под конец восстания советские самолеты тоже сбросили для вида кое-какие грузы, но они почти все попали в руки врага — случайно или нет? Повстанцы сопротивлялись, сколько могли, даже после того как район восстания был расчленен на изолированные части. Они сообщались между собой по линиям городской канализации. Наконец, командующий восстанием, генерал Бур-Комаровский, сдался с остатками своих частей. Немцы выселили все население Варшавы. Ко времени вступления советских войск Варшава дважды испытала немецкую осаду — в первый раз в 1939 году. От центра города остались одни руины. Но Сталин добился своего: на развалинах столицы подняли польский флаг не бойцы „Армии Крайовой“, а подготовленные для этой операции, нарочно отобранные поляки. Еще раньше он устроил в Люблине правительство для Польши из этих людей. Возглавил его никому до того не известный Берут — по-видимому, человек НКВД.

Итак, к моменту окончания войны Польша имела два правительства. Эмиграционное правительство в Лондоне считало себя законным преемником правительства довоенной Речи Посполитой (республики). В эмиграции власть передавалась с соблюдением юридических формальностей, и из деятелей довоенных политических партий было сформировано совещательное собрание, нечто вроде парламента в эмиграции. Это придавало лондонскому правительству вид конституционной власти. Его поддерживала не только „Армия Крайова“, но и большая часть населения страны. Вопреки утверждениям советской пропаганды, лондонское правительство не было английской или американской агентурой. Руководители польской эмиграции были люди разных взглядов и разного достоинства, но все убежденные, даже фанатически непримиримые патриоты. Конечно, эмиграция поставила их в неизбежную зависимость от западных союзников, но эта зависимость была им тяжела. У них уже не было силь-

ного лидера: генерал Сикорский погиб в авиационной катастрофе. А главное, реальная власть в Польше принадлежала Сталину, поскольку его армия оккупировала всю страну.

С другой стороны, люблинский „Комитет национального освобождения” состоял из темных, никому не известных личностей, якобы вышедших из антифашистского подполья. Всем было ясно, что это марионетки, которыми Сталин хочет воспользоваться, чтобы управлять Польшей по своему усмотрению. С ними не хотели сотрудничать ни лондонские политики, ни уцелевшие политические силы внутри страны, и лишь немногие не критически ориентированные на Москву коммунисты готовы были их поддержать. А так как западный мир не принимал этих людей всерьез, то у них был поистине жалкий политический кредит. Но они были выдвинуты Сталиным, имевшим над Польшей реальную власть, и этот факт невозможно было изменить.

Однако западные союзники не хотели мириться с этим фактом.

Польский вопрос почти непрерывно обсуждался во время войны, и о нем никак не удавалось договориться. Даже в самые мрачные дни войны Сталин не хотел уступить ни пяди польской земли, полученной им от Гитлера по бесчестному дележу. Да ему и незачем было уступать ее: союзники все равно должны были воевать с Германией и помогать советской России — в собственных интересах. Во время встреч „на высшем уровне” в Тегеране в 1943 году и Ялте в 1944-ом военная обстановка уже прояснилась, и союзники попытались нажать на „дядю Джо”. Правда, Рузвельт не очень понимал, что представляет собой советский диктатор, и надеялся найти с ним общий язык, постепенно разъясняя ему долговременные интересы России. Но Черчилль, разгадавший к тому времени некоторые черты кремлевского владыки, понимал, что Сталина может остановить только сила. И все же союзники помнили, что война началась из-за Польши, и считали независимость Польши важной гарантией безопасности в Европе. В Ялте им удалось добиться от Сталина некоторых обещаний. Он обещал включить в люблин-

ское правительство, переехавшее вслед за советским фронтом в Варшаву, нескольких представителей „лондонских” поляков и обещал провести в Польше свободные выборы. Впрочем, он обещал это и для других оккупированных стран, и по поводу этих обещаний ни у кого не было иллюзий. Но союзники рассчитывали, что политическая обстановка в послевоенной Польше не позволит Сталину навязать ей „советский” режим: предстояла оккупация ряда стран Восточной Европы, население которых было враждебно России, Польша лежала непосредственно в тылу еще более враждебной „восточной зоны” Германии, между тем как советская армия была обессилена долгой войной, а советская экономика была на грани истощения. Очевидный политический расчет должен был подсказать Сталину некоторые уступки, чтобы избежать в Польше гражданской войны. Мы увидим, как Сталин все это рассчитал. Он вызвал в Польшу войну, подготовил почву для мятежа в „восточной зоне”, а разорением России пренебрег. В польском вопросе разумный политический расчет еще раз (который раз уже!) столкнулся с примитивной силой безумия. Можно ли думать, что это больше не повторится?

Впрочем, позиция союзников в этих переговорах зависела и от других соображений. Война еще продолжалась, и если было уже маловероятно, что Сталин заключит с Гитлером сепаратный мир, то от него зависело замедлить наступательные операции и затянуть войну; наконец, оставалась Япония, и со Сталиным нельзя было рассориться, потому что требовалось его участие в дальневосточной войне. Надо было сначала выиграть войну, а потом уже спасти Европу от русского нашествия.

Война близилась к концу, и союзники настаивали на выполнении соглашений. Сталин не отказывался выполнять их, но не выполнял; он без конца затягивал переговоры, чтобы выиграть время. Польша была в его руках, и он принялся прочесывать и организовывать ее теми же методами, как всегда. Ему надо было обескровить и обесцветить ее, подавить в ней всякую волю к сопротивлению, а затем уже

разыграть комедию выполнения ялтинских соглашений. Наконец, лондонские поляки были приглашены. В „люблинское” правительство было включено несколько министров, представлявших умеренные политические течения, и деятель крестьянской партии Миколайчик стал заместителем премьера.

Очень скоро обнаружилось, что „лондонские” министры могли контролировать лишь собственные кабинеты. Всякая попытка вмешаться в дела управления сталкивала их с налаженной машиной надувательства и террора. Все это называлось Польшей, сохранялось знамя, сохранялся польский орел, сохранялись даже законы республики, но за этими фикциями стояла реальная власть Москвы. Советский маршал Рокоссовский, поляк по происхождению, был переведен в польское гражданство и командовал Войском Польским. Все ключевые посты в администрации заняли поляки, подготовленные и проверенные аппаратом Берии. Конечно, и в Польше был создан такой аппарат, и во главе его Берия поставил своих людей. „Армия Крайова” и другие организации сопротивления были объявлены иностранной агентурой, сотрудничавшей с врагом. Люди некоммунистического подполья были исключены из общественной жизни, а те из активных деятелей, кого еще не успели расстрелять, ждали своей очереди за колючей проволокой новых лагерей. Самые энергичные, впрочем, ушли „до лясу” (в лес) и снова начали партизанскую войну, на этот раз против русских оккупантов и их польских „сторонников”. „Сторонники” эти были в большинстве польские рабочие и крестьяне, мобилизованные в армию, и полицейские силы режима. Часть из них искренне поддерживала этот режим, переноса на возникшую ситуацию традиционные концепции классовой борьбы: это были коммунисты и сочувствовавшие им люди левой ориентации. Должно было пройти время, чтобы эти люди поняли, какой станет новая Польша и каков будет ее „правлящий класс”.

В Польше шла гражданская война, и длилась она четыре года: последние очаги вооруженного сопротивления были

подавлены в 1949 году. Разумеется, исход этой войны был решен советской оккупацией.

„Лондонские” министры вскоре были вытеснены из правительства, и Польша приняла обычные черты „народной демократии”. Прежде всего была организована „правящая партия”. Как уже говорилось, подлинную коммунистическую партию Польши Сталин распустил в 1938 году, так как она была недостаточно покорна ему. В 1942 году взамен ее была создана ППР („Польская рабочая партия”), в которую вошли многие старые коммунисты и сочувствовавшие им левые. Одним из таких сочувствовавших был и Гомулка, ранее работавший в профсоюзах (если верить его официальной биографии). Таким образом, хотя ППР была основана по приказу из Москвы заброшенными по воздуху людьми, в эту возрожденную коммунистическую партию вошли многие поляки, вовсе не считавшие себя орудием иностранной власти, а искренне верившие в идеи социальной справедливости и интернационализма. Они не понимали, что на родине Октябрьской революции эти идеи уже потерпели¹ поражение, сторонники их были расстреляны, а власть захватил провокатор с темным прошлым, возглавивший новый правящий класс — советскую бюрократию. Понять это было нелегко, потому что контрреволюция в России пользовалась революционным языком.

Вначале Сталину выгодно было использовать остатки левого энтузиазма. Он допустил даже на некоторые должности людей, в самом деле вышедших из подполья, а не из московских питомников НКВД. Энтузиасты должны были выполнять грязную работу — расправиться со всеми остатками „буржуазной” Речи Посполитой, а потом их можно было убрать. Трудно судить, был ли Гомулка когда-нибудь убежденным коммунистом. Поскольку ему достался пост первого секретаря ППР, он был скорее всего с самого начала ловким игроком. Но он проиграл свою игру: вместе с другими „вышедшими из подполья” он был обвинен в „буржуазном

¹ В тексте „понесли”.

национализме” и в 1948 году посажен в тюрьму. Ему нетрудно было понять, что его ждет. В том же году остатки некогда сильной партии социалистов (ППС) были принудительно включены в ППР посредством „объединительного съезда”, и сформированная таким образом организация была названа „Польской Объединенной Рабочей Партией” (ПОРП). Так началась история этой „правлящей партии” современной Польши. Согласно нынешней официальной истории ПОРП, в том же 1948 году начались „бюрократические извращения” и „отклонения от принципов социализма”. Таким образом, в „неизвращенном” виде ПОРП никогда не существовала: с самого своего возникновения она превратилась в бюрократическую машину того же рода, что и в Советском Союзе. Описание такой машины, пожалуй, излишне: ее знают все. Чтобы сохранить видимость выполнения соглашений, была устроена бутафорская „многопартийная система”: для крестьян была приготовлена „Крестьянская партия”, носившая имя действительно существовавшей до этого партии польских крестьян („Стронництво Людове”), а для интеллигенции — „Демократическая партия” („Стронництво Демократычне”). По образцу Верховного Совета был устроен Сейм, где ПОРП имела, конечно, абсолютное большинство, но все партии всегда голосовали единогласно. Выборы устраивались так же, как у нас, и вообще неожиданности шли не снизу, а сверху. Рабочие были лишены всяких прав и загнаны в казенные профсоюзы. Крестьяне были загнаны в колхозы и совхозы. Органы безопасности занимались теми, кто не был в восторге от таких порядков.

Началось безумие „индустриализации”, бессмысленное лихорадочное строительство „тяжелой индустрии”.

Теперь уже вся Польша была в лагере — в „лагере социализма”.

Вряд ли надо подробно описывать систему, навязанную Польше после войны. Система эта должна была подготовить страны Восточной Европы к полному лишению государственного существования — они должны были, как только позволит международная обстановка, превратиться в „рес-

публики" СССР. „Плебисциты" в Прибалтике и присоединение „единокровных братьев", Западной Украины и Западной Белоруссии, не оставляли сомнения в том, как это должно было произойти. Сталин не видел внутренних слабостей своей империи; он вообразил себя великим полководцем и стремился к ее безграничному расширению. Страны Западной Европы поняли нависшую над ними угрозу, создали вместе с Соединенными Штатами военный союз и решительно воспротивились попытке Сталина захватить Западный Берлин. Но Восточную Европу им пришлось оставить Москве: для защиты ее не было ни физических, ни моральных сил. Таким образом, вторая мировая война, начатая для защиты Польши от гитлеровского господства, завершилась тем, что и Польша, и вся Восточная Европа оказались под властью другой тоталитарной диктатуры. Англичане, американцы и французы могли торжествовать победу, позабыв о п р и ч и н а х войны. Но поляки их забыть не могли.

3. ПОЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР

Сталинская система просуществовала в Польше с конца войны до осени 1956 года. Она не достигла целей, поставленных диктатором, но вовсе не потому, что сменившие его правители России добровольно отказались от контроля над своей империей. Они постепенно теряли этот контроль по не зависевшим от них причинам. В Польше были силы, тормозившие и затруднявшие ее советизацию.

Самой очевидной из этих сил — и единственной, сохранившей самостоятельную организацию — была католическая церковь. Польша была католической страной тысячу лет. Это наложило глубокий отпечаток на весь склад польского мироощущения. Апологеты православия обычно утверждают, что их религия глубже католической, больше связана с непосредственным религиозным переживанием, тогда как католическая более поверхностна, больше связана с внешним авторитетом, с ритуалом и механизмом церковной организации. Конечно, это неверно: здесь допускается неправомерное сравнение своего „хорошего” с чужим „плохим”,

причем „плохим” объявляется, естественно, то, чего своему не хватает. Католическая церковь соединяет религиозную глубину с культурой и организацией, которых православие всегда не хватало. Сверх того, она всегда ревностно защищала свою независимость от любой светской власти, никогда не преклонялась перед нею, имея собственную власть в Риме. Вам может нравиться или не нравиться католическая культура и организация, но вы не можете ею пренебречь — в особенности в такой стране, как Польша, где очень долго не было своей государственности и церковь стала единственным хранителем национальной традиции. Большинство поляков отождествляет национальное чувство с религиозным, и это придает церкви особую силу. Отсюда вовсе не следует, что большинство поляков сохранило до нашего времени религиозный пыл и благочестие былых времен. Религиознее всего в Польше крестьяне, потому что в деревне в наибольшей степени сохранилась средневековая традиция семейной и общинной жизни, в которой церковные обряды были связующим началом, а священник — учителем и советчиком во всех трудных делах. Несмотря на значительное разложение этих отношений, польская деревня остается католической в своих привычках и в чувстве принадлежности к церкви, составляющем для польского крестьянина важный элемент его самопонимания. Поскольку преследование церкви производилось теми же властями и в то же время, что и коллективизация, ясно, что церковь приобрела для крестьянина особое обаяние мученичества, и судьба церкви связалась в его представлении с его собственной судьбой. Можно сказать, что крестьяне в Польше не более религиозны в своих чувствах и мыслях, чем их предки, значительно менее религиозны в своей повседневной жизни, но составляют естественным образом крестьянскую католическую партию. И понятно, почему нынешние польские власти так отчаянно сопротивлялись возникновению этой партии под именем „независимого крестьянского профсоюза”.

В Польше городское мещанство¹ испытало в XIX веке те

1 В тексте „Польское городское мещанство”.

же культурные влияния, что и в других странах Европы, и в большинстве своем стало достаточно равнодушным к религии. Но после второй мировой войны, вследствие „коллективизации” и „индустриализации”, произошла массовая миграция крестьян из деревни в город, разбавившая рабочий класс крестьянским элементом. Поэтому в молодом поколении послевоенных рабочих — теперь старшем поколении — католические тенденции были достаточно сильны.

Наконец, польская интеллигенция всегда была разделена на „радикальный”, как правило, безбожный, и „консервативный”, как правило, католический, лагерь (в отличие от России, где вся интеллигенция была радикальной, а консервативная партия всегда была неинтеллигентной). Во время войны и после нее радикальная польская интеллигенция понесла большие потери. Католическая же интеллигенция, при всех ее жертвах, продолжала воспроизводиться, потому что в Польше никогда не исчезало традиционное религиозное воспитание.

Таким образом, католическая церковь сохранила в Польше все свое влияние. Она сохранила и свою о р г а н и з а ц и ю. Мы в России плохо представляем себе, что такое организованная церковь, потому что русская православная церковь унаследовала от Византии раболепие перед светской властью, со времен Петра Великого лишилась даже формальной автономии и подчинилась правительственному учреждению — Синоду. У католиков все иначе. Католическая церковь исторически сложилась как независимая иерархическая система с единым центром — папской курией в Риме, и единым главой — Папой Римским, которого пожизненно избирают высшие сановники церкви из всех стран мира — кардиналы. В средние века и даже в новое время, до итальянской революции, существовало независимое папское государство, обширная область в Средней Италии со столицей в Риме. Лишь в 1870 году папское государство было упразднено, войдя в состав объединившейся Италии, но и после этого католическая церковь сохранила свой суверенитет над папской резиденцией, обширным Ватиканским дворцом

с его окрестностями, где папские учреждения недоступны контролю светских властей. Католическая иерархия только выиграла в отношении организации и сплоченности, лишившись светских владений: священники и монахи, епископы, архиепископы и кардиналы не имеют личных интересов и личного имущества и неразрывно связаны с церковным аппаратом. Это единая армия, управляемая из Рима. Чем слабее бывало правительство какой-нибудь католической страны, тем большую роль играла в ней церковь. Между тем Польша всегда имела слабое правительство, даже во времена независимого королевства, поскольку Польша была единственной в своем роде феодальной республикой с выборным, ненаследственным королем, зависевшим от выбиравшего его дворянства, так называемой шляхты. При такой системе не было преемственности власти. Тем более не было ее в послевоенной Польше, где правительство, чуждое подавляющей части народа, держалось лишь поддержкой советского оружия. Преемственность была у католической церкви. И с церковью приходилось считаться.

Другой силой, резко враждебной сталинскому режиму, было польское крестьянство. Его, конечно, загнали в колхозы и совхозы, но это была лишь видимость коллективизации. Крестьянин больше всех связан с индивидуальным, традиционным способом производства, он никогда не забывает своего клочка земли, с которым были неразрывно связаны его предки. Должно пройти несколько поколений, чтобы прервалась эта связь с землей, как это произошло с Россией — и там, где это произошло, могут быть еще люди, занимающиеся сельским хозяйством, но крестьянина уже нет. Между тем в Польше со времени насильственной коллективизации (1948-49 гг.) до крушения сталинского режима (1956 г.) прошло всего несколько лет. Отсюда видно, что в Польше не было наших „колхозников”, а были к р е с т ь я н е в подлинном исторически сложившемся смысле этого слова. Мы говорили уже, как сильно было влияние в польской деревне католической церкви. Но там были и другие виды организации, возникшие в промежутке между война-

ми. В первые годы после восстановления независимой Польши (1918 г.) она была парламентской республикой, где могли легально существовать партии и общественные организации. Даже после военного переворота, когда к власти пришли диктатор Пилсудский и его „полковники”, все же осталось достаточно места для некоммунистических организаций, поскольку режим должен был маневрировать, нуждаясь в поддержке и нейтралитете общественных сил. В польской деревне укрепились Крестьянская партия, имевшая представительство в не особенно влиятельном, но сохранившем свою формальную роль польском парламенте — Сейме. Далее, в польской деревне еще раньше утвердились различные виды взаимопомощи и кооперации. Этого не было, конечно, в части Польши, принадлежавшей России, но были и другие части, под властью Австрии и Германии, где кооперация, а также культурная и даже политическая организация крестьянства не были запрещены. Несколько поколений польской интеллигенции шли „в народ”, чтобы помочь крестьянам преодолеть вековую темноту, развить их инициативу в борьбе с бедностью и несправедливостью. Об этих польских народниках рассказал классик польской литературы Жеромский. У нас в России народники были вытеснены так называемой „революционной демократией”. Это была часть интеллигенции, возлагавшая надежды на быстрые насильственные формы политического переустройства — революцию и террор. С психологической стороны — это верно в отношении большинства, если и не всех представителей радикальной интеллигенции — революционное движение было движением нетерпеливых. У народников, напротив, было терпение. Они не верили в быстрые, управляемые сверху перемены, в искусственные, насаждаемые властью или внешним попечительством формы объединения крестьян. Они верили в „органическую” работу, в медленное развитие сельских объединений, в котором лишь первоначальные стимулы и вспомогательные средства могут прийти извне, из города, а в дальнейшем все движение должно перейти в руки крестьян, стать добровольным, демократическим процессом обще-

ственного самоуправления и самовоспитания. В нынешней атмосфере неверия и цинизма эти надежды могут показаться наивными. Но для нашего рассказа важно не то, верит ли им читатель; важно, что „органической” работе в деревне отдали свою жизнь поколения польских интеллигентов — учителей, врачей, агрономов. И работа их не прошла бесследно. Польскому крестьянству были привиты некоторые навыки кооперативной и социальной организации. И когда прежние „органические” виды крестьянского объединения и самоуправления были заменены фиктивными, бюрократическими, вроде наших сельсоветов, колхозов или комсомола, польские крестьяне могли оценить, чего они лишились: у них был уже некоторый опыт общественной жизни. Конечно, мы очень далеки от какой-либо идеализации польского крестьянства. Оно не лучше и не хуже, чем может быть по своей истории и условиям своего существования. Зародыши общественной жизни, воспитанные в польской деревне жертвенной работой интеллигенции и лучших людей крестьянской среды, часто теряются на фоне худших крестьянских традиций — узкого собственнического подхода, инертного отношения ко всем переменам и просто темноты, невежества и культурной отсталости, с которыми не справились ни народники-энтузиасты, ни тем более герои коллективизации. Церковное влияние тоже неоднозначно. Оно сохраняет, конечно, в польской деревне остатки честности и моральной ответственности, поддерживает семью, трудолюбие и любовь к земле. Но, с другой стороны, церковная опека не дает крестьянину стать независимой личностью, выделиться из общины и превратиться в самостоятельного человека. Церковь не является формой объединения самостоятельных людей: пастыри предполагают стадо.

Решающей силой, определившей весь ход событий в Польше и непосредственно вызвавшей падение сталинского режима в Польше, был польский рабочий класс. Важно отдать себе отчет в том, насколько и чем этот рабочий класс отличается от рабочего населения нынешней России. Прежде всего, у польских рабочих не столь долгий опыт раб-

ства и страха. Вот несложный хронологический расчет, объясняющий, в чем тут дело. Представим себе польского рабочего, которому в 1939 году — в год порабощения Польши, германской и советской оккупации — было 25 лет. Этот рабочий вырос в условиях относительной профессиональной (и даже политической) свободы. Несмотря на режим „санации” („оздоровления”, как демагогически называла свою власть военная клика), в довоенной Польше существовали профсоюзы и политические партии, легальные и нелегальные, в зависимости от их направления и методов действия. Весьма вероятно, что наш молодой рабочий был связан с одной из профессиональных организаций на своем предприятии и, во всяком случае, хорошо знал, что он не беззащитен перед своим работодателем, что у него есть испытанное оружие для защиты своих интересов — забастовка. Он не только слышал об этом, но, возможно, участвовал в забастовках. Таким образом, у него был некоторый опыт организации и добровольной дисциплины. Да и вообще у него был опыт жизни относительно свободной, когда высказанное мнение не обязательно приводит в тюрьму и сопротивление угнетению и унижению не обязательно наказывается смертью. Как бы ни была узка гражданская свобода в довоенной Польше, по сравнению с послевоенной в ней было м н о г о свободы! Затем наступают годы войны и террора, когда наш молодой рабочий, сцепив зубы, выносит все, что ему пришлось вынести, и работает, чтобы жить. В 1956 году, в момент познанского мятежа, ему 42 г о д а. Таким образом, самое ядро польского рабочего класса, поднявшегося против сталинского режима, самая зрелая, квалифицированная и энергичная часть его состояла из людей, имевших личный и коллективный опыт более свободной жизни и борьбы за свои права. События в Познани приводят к падению режима сталинских марионеток. При Гомулке жизнь становится свободнее — за мысли и слова н е с а ж а ю т. Правда, рабочих удается надуть патриотической фразеологией, Гомулка распускает колхозы, замедляет темп „индустриализации”, и жизнь становится более сносной. Но неизбежные законы „со-

циализма” заводят польское общество в тупик. В 1968 году на этот политический и моральный тупик бурно реагируют самые чуткие элементы народа — творческая интеллигенция и студенческая молодежь. Рабочий класс не поддерживает их, даже поддается демагогическим трюкам Гомулки. Увы, он более чувствителен к „базису”, чем к „надстройке”! Но вот перед новым 1971 годом „базис” социалистического общества преподносит полякам рождественский подарок — общее повышение цен. И тогда происходит мятеж на Побережье — в Гданьске, Щецине и Гдыне. Гомулка приказывает стрелять в рабочих. Войска госбезопасности стреляют, но оказывается, что на армию нельзя положиться. Гомулка теряет власть. Приходит Герек — снова с покаянием, снова с „обновлением”. Но уже в 1976 году происходит мятеж „в Радоме”, а в действительности — демонстрации рабочих по всей Польше против объявленного Герексом повышения цен. В Радоме были самые бурные события — взяли штурмом ненавистные отделения милиции и партийные учреждения. Герек удержался, отменив повышение. Он попытался повысить цены на мясо в 1980 году, и это кончилось революцией. Итак, 1956, 1968, 1970, 1976, 1980! Польский рабочий имеет возможность передать свой опыт, свои чувства младшему поколению. А это младшее поколение растет при Гомулке и Гереке, не всегда в сытости, но уже без прежнего страха. Это поколение, выросшее при б е с п о с а д о ч н о м социализме. Не сажают за разговоры, не глушат радио, свободно ездят за границу. Таким образом, бытие польского рабочего определяет его сознание.

(Здесь уместно грустное сравнение. Русскому рабочему, которому в 1917 году было 25 лет, сейчас было бы 88. Его уже нет в живых. Потомство его выросло в безмолвии и страхе. Поэтому мы не можем рассчитывать на успех, следуя польским образцам. Все же многому можно у поляков научиться.)

Наконец, надо представить себе польскую интеллигенцию. Она тоже очень мешала установлению и укреплению сталинского режима. Мы уже упоминали об особом виде интелли-

генции, не имевшем аналога в истории России, — о католической интеллигенции, для которой пришлось даже создать особую псевдопартию — Стронництво Демократычне. Была речь и о польских народниках, похожих на русских народников умеренного направления — земских деятелей, сельских учителей и врачей. Однако большая часть польской интеллигенции была настроена радикально и примыкала к одной из существовавших в довоенной Польше политических партий. Были и правые, националисты и консерваторы, хотя по-русски их интеллигентами и не назовешь. Эта часть польской интеллигенции в значительном большинстве погибла во время войны и обеих оккупаций или оказалась в эмиграции. Демократически настроенная интеллигенция держалась левой ориентации. Если не считать коммунистического меньшинства, судьба которого уже описана выше, польские интеллигенты были в основном либералы и социалисты. Главное отличие польской радикальной интеллигенции от русской — ее психологическая установка. Русский интеллигент ценил свою индивидуальность. Если он был малокультурен, слишком близок к своим крестьянским или мещанским предкам, к семье священника и духовной семинарии, откуда он вышел, он присоединялся обычно к какому-нибудь сложившемуся общественному направлению, слепо разделяя его программные догмы, вкладывая в коллективную деятельность свою наивную, невыработанную личность. Если же русский интеллигент обладал более развитой личностью, то он часто считал себя обязанным принести ее в жертву принятой доктрине. Итак, русский радикальный интеллигент был по преимуществу коллективист. По сравнению с ним польский радикальный интеллигент всегда был индивидуалистом. Здесь сказалось, безусловно, шляхетская традиция. Шляхта в Польше была весьма многочисленна — несколько сот тысяч — и в подавляющем большинстве бедна. Только она и пользовалась в польском королевстве гражданскими правами, была „политической нацией”. Крестьяне и ремесленники не участвовали в политической жизни, рассматривались как „быдло”, нечто вроде рабочего

скота. И очень слабо было в Польше „третье сословие”, буржуазия. Для решения государственных дел — например, для выбора короля или объявления войны — созывался Сейм, собрание представителей шляхты. Съезжалась многочисленная толпа, от всесильных магнатов до полунищих и безземельных, едва способных прилично одеться. И было на польских сеймах право вето: его мог наложить любой шляхтич, выкрикнув традиционный запрет: „Не позвѣляю!” („Не разрешаю!”). При несогласии сеймы делились на враждующие части — „конфедерации”, и спор завершался гражданской войной. Такая конституция не содействовала прочности польского государства. Она привела его к гибели. Но чувство независимости, готовность постоять силой оружия за свое мнение всегда были неотъемлемыми чертами польской шляхты. Русское дворянство, в основном служилое, этими чертами не отличалось, да и родовое дворянство не выбирало царей, а гнуло перед ними спину. Шляхта с ее глубоко укоренившимся, даже болезненным чувством чести, с ее воинственными воспоминаниями и неистовым патриотизмом была одним из главных источников польской культуры и польской интеллигенции, наложила на нее свой отпечаток. Нынешние польские интеллигенты, сохранившие эту традицию, понимают ее слабые стороны. Они стараются действовать обдуманно и рационально, обуздывают свои увлечения, всю романтическую сторону своей натуры; они пытаются подражать буржуазной деловитости своих западных коллег. Во многом они преуспели. В нынешней трудной ситуации польские интеллигенты проявляют трезвый расчет, разумный политический подход. Они знают, что политика — „искусство возможного”. Но в основе своей это все та же польская интеллигенция, с ее жгучей ненавистью к унижению. Ни репрессии сталинского режима, ни воровская система Гомулки и Герека не сломили польского интеллигента. При первой возможности дух его распрямляется, как пружина, он стряхивает с себя свои оковы. Эти свойства уцелели не только в польской интеллигенции, они сохранились и во всей массе польского народа. Как бы ни

развивались дальше польские события, Польша дала нам великий урок.

Мы описали главные черты польского общества, сделавшие его столь неподходящей почвой для сталинского режима. Общественными силами, враждебными этому режиму и сопротивлявшимися ему, сознательно или бессознательно, были католическая церковь, крестьянство, рабочий класс и интеллигенция. Психологическая установка в Польше всегда была иная, чем у нас. Там лишь небольшое меньшинство населения объясняет трудности жизни „отдельными недостатками” в работе системы. Большая часть населения сознательно отвергает всю систему в целом, не ждет от нее ничего хорошего, понимает возможность другой системы — той, которую у нас называют „капитализмом”, а на Западе — „системой частной инициативы”. Это не обязательно означает, что польский народ хочет восстановления довоенной системы власти или ей подобной. Он вряд ли задумывается так глубоко, а просто хочет иметь экономическую систему, которая „работает”, обеспечивает элементарные условия существования. „Социалистическая” система очевидным образом „не работает”, не эффективна и расточительна. Для простого человека этот вопрос предшествует всякой философии и идеологии. (Для марксиста — тоже, если он понимает свою доктрину.) Итак, поляки не были и не являются народом мыслителей и борцов, не изобрели и не знают никакой новой философии для человека. Они попросту хотят жить.

Партийные и государственные кадры не составляют в этом отношении исключения. Они хотят, конечно, жить за счет чужого труда, но прежде всего они хотят жить. По этой причине они тоже не вполне поддерживали и даже кое в чем саботировали сталинский режим в Польше, к которому мы сейчас вернемся. Дело в том, что при таком режиме ни один человек не мог быть уверен не только в своей должности, но и в своем существовании. Призрачные сцепления идей в голове диктатора приводят к периодическим судорогам террора, охватывающим всю страну. В этих сюрреалистических

условиях сколь угодно важный чинуша, наслаждающийся весь день отведенной ему властью и воровскими привилегиями, по ночам ждет стука в дверь, означающего его „физическую ликвидацию”. Аппарат хочет спокойно переваривать свою добычу. Энтузиасты ушли в лагеря, сделав свое дело, и на всех местах остались люди вроде Берута, желавшие прежде всего остаться в живых. Поэтому они пассивно сопротивлялись непрерывному потоку безумной деятельности, исходящему из Москвы. Так было везде, даже в самой Москве. Конечно, страшно было не выполнить указания, но страшно было и выполнить их. Лучше всего было делать вид, что указания выполняются, и тем временем „спускать на тормозах”. В Польше, как и у нас, были „процессы”, приговоры и расстрелы. Но вот очень долго Берут не „судил” Гомулку, держал его в тюрьме, но не „судил”, и на неоднократные напоминания из Москвы врал, будто Гомулка болен, при смерти... Почему это? Никак нельзя поверить, чтобы человек вроде Берута хотел спасти Гомулку с риском для себя; скорее всего он хотел спасти себя с риском для кого угодно. Зная повадки Сталина, можно предполагать, что на „процессе” Гомулки „выяснились” бы „улики” против других, кто работал с Гомулкой, подписывал с ним документы и т. д. Естественно, Берут и его коллеги тормозили вращение мясорубки, потому что не хотели в нее попасть. Гомулке повезло: Сталин умер, и он остался жив. На следующем этапе эволюции режима пришлось воспользоваться бывшими узниками, престиж которых состоял в том, что их держали в тюрьме и пытали их товарищи по партии. Так появились Гомулка, Кадар и Гусак.

Это лишь наиболее яркий пример того процесса „торможения”, который возникает в сложившемся аппарате и имеет целью самосохранение этого аппарата. Здесь нет ничего специфического для Польши, так же обстояло дело и у нас. Без этого явления нельзя понять обстоятельства последних лет жизни Сталина и его смерти. Разница была в том, что Сталин встретился, по существу, с одним только сопротивлением аппарата. Народ был доведен до повиновения, не

оставлявшего желать лучшего, и мечта диктатора разбилась о кибернетический запрет, не позволявший желательную ему систему власти, — сопротивление аппарата было попросту законом природы. Тираны всех времен разбивались об этот закон — увы, натворив перед этим много дел.

В Польше было, сверх того, сопротивление народа. Едва наметилось после смерти Сталина ослабление террора, как пружина начала распрямляться. По-видимому, первой усилила сопротивление церковь, лучше всех осведомленная и организованная сила. Примечательно, что примас польской церкви кардинал Вышиньский был арестован в с е н т я б р е 1 9 5 3 г., через полгода после смерти Сталина. Напряжение в стране нарастало, и даже внутри партийного аппарата чувствовалось приближение катастрофы. В июне 1956 г. восстали рабочие Познани. Гнев их был направлен в особенности против сотрудников госбезопасности, и теперь вызывающих в Польше сильные чувства. Их избивали, а некоторые были убиты. Мятеж был подавлен, войска стреляли в рабочих. 75 человек были убиты, ранено свыше 500. Но в аппарате чувствовали, что это лишь начало неизбежного процесса, который силой задержать нельзя. Прямая поддержка Москвы могла бы ускорить общий взрыв, а в этом польские аппаратчики уже тогда не были заинтересованы. Если восстание будет подавлено оккупационными войсками, то русские, конечно, перестроят весь аппарат, и от уже сложившейся системы мало что останется, а деятели этой системы смогут поразмыслить о своих ошибках в камерах МГБ под Москвой. Бесцеремонность, с которой Москва устраняет отслужившие свой срок орудия, позволяет понять очень осторожное отношение польского руководства к перспективе „братской помощи” с Востока — и прежде, и теперь.

Давление снизу привело к перестройке аппарата. Гомулка был освобожден из тюрьмы и восстановлен в должности первого секретаря. „Мученик” сталинского режима должен был провести „обновление” партии и государства, сохранив по возможности структуру власти и привилегии пар-

тийных бюрократов. Поскольку утвердивший это пленум ЦК произошел в октябре 1956 года, первое польское „обновление” стало называться „польским октябрём”.

4. МЕХАНИЗМ РАСТЛЕНИЯ

Что принес Польше этот „октябрьский переворот”? Прежде всего, это был переворот с в е р х у, с целью предотвратить народное движение и обмануть польский народ. Гомулка пошел на некоторые уступки, проявив несомненный демагогический талант в их пропагандистской эксплуатации. В особенности он использовал национальные чувства. Чувства эти были направлены главным образом против русских, и использовать их надо было осторожно, чтобы не вызвать раздражение Москвы. В первый момент Хрущев хотел, по-видимому, вмешаться, как он вмешался в Венгрии, но не решился: может быть, его остановили размеры страны или воспоминания о польском сопротивлении. В конце концов Хрущеву пришлось пожать Гомулке руку и предоставить этому ренегату-оппортунисту устраивать внутренние дела по своему усмотрению.

Гомулка не пытался изменить внешнеполитическое положение Польши. „Варшавский пакт”, названный по имени польской столицы, остался в силе, более того, необходи-

мость была превращена в добродетель, и военный союз с Москвой был изображен как единственная гарантия независимости Польши и неприкосновенности ее послевоенных границ. Эта пропагандистская выдумка Гомулки используется польским партийным аппаратом и по сей день, а потому заслуживает отдельного рассмотрения.

„Послевоенное урегулирование” дало Польше новые границы. Западная Украина и Западная Белоруссия, входившие до „разделов” в Польское королевство, отошли к Советскому Союзу после комедии „всенародного голосования”. Чтобы прервать исторически сложившиеся связи с Польшей, значительное польское население этих территорий было переселено в Польшу. Изгнание коснулось многих сотен тысяч людей, предки которых жили в этих местах; как обычно, никто не интересовался их мнением, но в послевоенных условиях многие поляки и сами предпочли уйти из родных мест, чтобы иметь, по крайней мере, возможность говорить на родном языке. В густо населенной и разоренной Польше этих людей трудно было разместить. Сталин решил „компенсировать” Польшу восточными областями Германии и направить туда поток бездомных поляков. Этим одновременно достигалось несколько политических целей. Прежде всего, можно было говорить союзникам на Потсдамской конференции, что Польша не так уж обижена, что после насильственной перекройки она вышла не меньшей, чем была, что она получила Силезский угольный бассейн, важный для нее доступ к морю с портами Гданьском (Данцигом) и Щецином (Штеттином), и т. д. Затем, можно было внушать полякам, что им возвратили исконные польские земли, некогда захваченные немцами при их завоевательном „Дранг нах Остен” („стремлении на Восток”). Это была правда, но, как мы увидим дальше, не вся правда. И, наконец, отделение значительной части Германии должно было довершить расчленение этой страны, еще более затруднить ее воссоединение.

Трудно сказать, был ли здесь еще провокационный замысел — сравнить между собой немцев и поляков; может

быть, подозревать такой замысел значило бы слишком уж переоценивать дальновидность диктатора, вовсе не хотевшего дать Польше развиваться в неизвестном направлении, а видевшего в ней одну из будущих союзных республик. Но так уж выходило у Сталина, что все его затеи неизбежно превращались в провокации. Дело в том, что „возвращенные польские земли” принадлежали немцам несколько столетий, и немцы, родившиеся и выросшие на этих землях, считали их, естественно, своей родиной. Такие чувства предшествуют, конечно, всякой политике, и человек с такими чувствами вовсе не обязательно фашист. Конечно, когда-то Бреславль (Бреслау) был польским городом, и еще в прошлом веке от этого польского происхождения оставались заметные следы. Конечно, задолго до Гитлера существовал немецко-польский антагонизм, и с обеих сторон было шовинистическое воспитание. Но даже самый просвещенный и гуманный немец, родившийся в Бреслау, мог считать его своим родным, н е м е ц к и м городом, слышал там немецкую речь и не особенно задумывался над историей. Вообще, так называемая историческая справедливость — весьма абстрактная конструкция, всегда сталкивающаяся с конкретной человеческой справедливостью. Русскому, родившемуся в Ленинграде, могут сказать, что это, собственно, финская земля, захваченная несколько веков назад, да и Москва — слово финского корня. И совсем уже легко представить себе массовое выселение русских из Риги или Ташкента. Кстати, финны и в самом деле вспоминали во время второй мировой войны, на чьей земле стоит Ленинград, а латыши и узбеки могут в один прекрасный день выразить свои чувства по поводу не столь отдаленной истории. Изгнание целых народов под предлогом восстановления исторической справедливости или под каким-нибудь другим предлогом — это и есть подлинный фашизм, и отсюда только один шаг до и с т р е б л е н и я целых народов, под каким угодно предлогом. Неважно, под каким предлогом выселяли чеченцев и крымских татар: здесь уже нельзя было сказать, что они жили на исконно русских землях. Важно, что при „пересе-

лении” погибла треть или половина этих народов. Такова была сталинская „справедливость”.

К моменту вступления советских войск „исконные польские земли” были эвакуированы гитлеровцами. Немецкое население угнали на запад, в глубь Германии, угрожая ему зверствами русских солдат, и поведение этих солдат в „логове зверя”, как называла Германию сталинская пропаганда, наглядно подтверждало эти угрозы. Но несмотря на повальный грабеж и массовые насилия над женщинами, намеренно допущенные советским командованием, немцы не хотели покидать родные места. Может быть, половина населения осталась в Силезии и Померании, и этих упрямых немцев пришлось выселить в „восточную зону” Германии, которой предстояло превратиться в ГДР. Сталин лгал на Потсдамской конференции, будто эти земли обезлюдели и их надо срочно заселить поляками перед весенним севом. Он, видите ли, заботился об урожае! Между тем немецкие крестьяне готовы были все стерпеть и не двигались с места, как в былые времена жители осажденных крепостей, отданных на разграбление солдатам. Они были изгнаны, и была восстановлена, в конечном счете, „историческая справедливость”: „древние пястовские земли”, некогда принадлежавшие полякам, получили польское население и польские названия. Но немецкие беженцы не могли забыть свои родные очаги. Они образовали в ФРГ „союзы изгнанников”, землячества, требующие возвращения на родину. Тем временем на этой их старой родине выросло уже новое поколение поляков, и всем, кроме этих упрямых стариков, понятно, что исправить прошлое уже нельзя. Таковы плоды сталинского произвола над народами. Можно лишь надеяться, что в нынешней Германии, во всяком случае в ее независимой западной части, этот произвол не вызовет фашистской реакции, как это было после Версальского мира.

К счастью, для таких опасений нет оснований. В отличие от Веймарской республики, бывшей лишь эпизодом между двумя эпохами немецкого шовинизма, нынешняя парламентская система в ФРГ опирается на реальные перемены

в психологии немецкого народа. Немцы теперь не авторитарны и не воинственны, хотя, конечно, какая-то часть стариков цепляется за прошлые понятия, и небольшие группы молодежи поддерживают их на фоне общего равнодушия.

Гомулка сумел извлечь из этой грустной истории немалый политический капитал. Уже при режиме Берута полякам втолковывали, что их извечным врагом является Германия — и только Германия, а не Россия. Но при Беруте история фальсифицировалась очень уж грубо, так что всякое участие России в польской истории рассматривалось чуть ли не как „братская помощь”, а восстания поляков против России замалчивались или объявлялись реакционными затеями шляхты и аристократии. Гомулка повел дело тоньше. Как мы увидим, он восстановил многие страницы польской истории — конечно, не из любви к правде, а опять-таки для эксплуатации национального чувства. Но, во всяком случае, немцам отводилась гораздо худшая роль, чем русским, всё немецкое демонизировалось, а антинемецкие настроения всячески подогревались. Конечно, история немецкой экспансии на Восток, немецкого шовинизма и фашизма давала для этого обильный материал. Широко использовалась история немецкой оккупации, ужасы гитлеровских лагерей смерти. Все это должно было отвлечь внимание от того, что делали советские оккупанты, например, от Катыни. Многолетняя кампания по разоблачению гитлеровских преступлений опиралась на подлинные факты и апеллировала к человечности, эта кампания могла сыграть некоторую положительную роль в сохранении исторической памяти людей и недоверия к идеологическому безумию. Но цель этой кампании была совсем иная. Гомулку мало беспокоила судьба мучеников фашизма: он доказал это впоследствии, устроив в 1968 году травлю оставшихся в Польше евреев. Он проделал это в стиле, достойном Геббельса, как только ему понадобилась такая провокация! Цель систематической кампании против „немецкого империализма” состояла в создании у поляков некоторого образа немца — жестокого, высокомерного, бесчеловечного хозяина и угнетателя, построившего чуть ли не

все свое благополучие на эксплуатации поляков и подавлении польской культуры. У поляков искусственно создавалось впечатление, что „немецкий реваншизм” все еще представляет грозную политическую силу, которая может при удобном случае захватить власть в ФРГ и вновь привести мир к военной катастрофе. Подхватывалось каждое слово, сказанное каждым немцем по поводу войны и послевоенной истории. Смешивались в одну кучу бредни ничему не научившихся нацистов и серьезные мысли людей, не разделявших польскую „государственную точку зрения”. Вся эта линия в польской публицистике была рассчитана на легковверного человека, не знакомого с реальными условиями в ФРГ и склонного распространять на всех нынешних немцев то, что когда-то было верно для не к о т о р о й части немцев и что другим немцам, как и полякам, приходилось терпеть. В общем, это была шовинистическая демагогия, подстрекавшая „свой” народ против „чужого” народа, и строилась эта демагогия на разоблачении „чужого” шовинизма! Как и всякая демагогия, это политическое надувательство не брезговало ничем. Однажды немецкие католические епископы сделали коллективное заявление, некий жест доброй воли, направленный к полякам, и в заявлении этом содержались слова: „Мы вас прощаем и просим у вас прощения”. Какой вопль подняла польская пропаганда! Подумать только, эти наглецы, представители „преступной нации”, осмеливаются не только „просить прощения”, но и „прощать”, и кого же — „нацию-мученицу”, их собственную жертву! Между тем епископы всего лишь воспользовались канонической церковной формулой, они не могли выразиться иначе. И так дурачат людей в католической стране, где любой священник мог бы все это объяснить.

Создание пугала „немецкого реваншизма” преследовало вполне определенную политическую цель. Если между Рейном и Эльбой возрождается немецкий милитаризм, если этот милитаризм точит зубы на „исконные польские земли”, на Щецин, Вроцлав и Гданьск, то единственной защитой, единственным гарантом польской независимости и непри-

косновенности польских границ оказывается Варшавский пакт — военное покровительство Москвы. Поэтому всякий, кто отвергает это покровительство и не питает к Москве надлежащих чувств — не относится к ней, как младший брат к старшему брату, — должен рассматриваться как вредный авантюрист, подрывающий польскую государственность, польскую „рацию стану”. По той же причине надо терпеть в Польше — в мирное время — советские войска, проводить с ними совместные маневры, готовить польскую армию к отражению нападения с З а п а д а, но никак не с Востока. Недаром даже на польском гербе клюв польского орла повернут теперь налево, а не направо, как в былые времена. Фикция опасности с Запада, угроза немецкого империализма и миф о советской гарантии, единственно обеспечивающей Польше возможность государственного существования, нужны были Гомулке, чтобы оправдать не только его политику в отношении Москвы, но и весь его режим. Полякам исподволь внушали, что союз с Москвой неизбежен, что вне его Польша не может существовать, — а тогда, естественно, в Польше может быть лишь такая система власти, какую потерпит Москва, лишь такие правители, какие внушают ей доверие. Эта психология рабства выдавалась за „реализм” и должна была служить н е з а в и с и м о с т и страны. Мы описали ее подробно, потому что польский партийный аппарат и по сей день без конца прибегает к той же демагогии, кивая на своих русских хозяев. Далее, эксплуатируя национальные чувства поляков, Гомулка принялся за срочный ремонт польской истории. Надо было представить польское национальное движение как нечто респектабельное и заслуживающее стать частью национальной традиции, в виде естественного продолжения которой предлагался новый режим. Для этого была сделана нарочитая выборка имен и событий польской истории, одобряемых в качестве „прогрессивных”, и эти имена и события были отделены от других, осуждаемых в качестве „реакционных”. Операция эта должна была создать видимость некоей единой линии развития, естественно приведшей от неопределенного „гуманиз-

ма” и „свободомыслия” просветителей эпохи возрождения и XVIII века к „стихийному материализму” и „утопическому социализму”, затем к рабочему движению и марксизму и, наконец, к коммунистической партии, как увенчанию всего этого исторического процесса, причем, разумеется, „очищенный” и „исправленный” вариант коммунистического режима, представляемый Гомулкой и его кликой, выдавался за подлинный образец коммунизма, согласного с национальной традицией. Прошлое было пересмотрено, как это изобразил Оруэлл в деятельности своего „Министерства Правды”: польская монархия, шляхетские „конфедерации”, подвиги поляков на службе Наполеона, кровавые восстания против царя — все это было реабилитировано, вытащено из забвения и окружено романтическим ореолом. Заново вычищенная польская история, восстановленные польские мундиры, всевозможные символы польской особенности и независимости были пущены в ход, чтобы обмануть польский народ, внушить ему ложное представление, будто он по своей воле воссоединяется со своим прошлым и строит свое будущее. Вся эта демагогия не прошла, однако, без следа: она упала на благоприятную почву, и были стимулированы процессы, поддерживавшие польское национальное самосознание — в школе, среди интеллигенции, в массах польских тружеников, наконец, в Войске Польском, получившем новое командование и новую „политическую подготовку”. Важно заметить, что молодое польское офицерство воспитывалось в духе этой гибридной идеологии, соединявшей преклонение перед национальной традицией с гораздо менее говорившей его сердцу марксистской догматикой. Оппортунизм Гомулки сослужил Польше некоторую службу, хотя клика его заботилась только о собственных интересах.

Католическая церковь больше всего раздражала Гомулку. Конечно, католическая иерархия, далекая от наивности человека с улицы, видела насквозь его маневры, да и все верующие могли убедиться, что у власти остались те же люди, гонители церкви, отнюдь не добровольно переменившие свои приемы. Но церковь предъявила свои требования, и Го-

Гомулка понимал, что политика есть искусство достигать компромисса. Вышиньский был освобожден и получил возможность вернуться к исполнению обязанностей примаса польской церкви. Были сделаны некоторые послабления в контроле над церковной жизнью, облегчены связи с Римом. Но партия ревниво оберегала от церковного влияния народные массы, особенно школьников и молодежь. Церкви разрешено было издавать пару еженедельных газет и журналов, ничтожными тиражами и под строгим контролем цензуры, стремившейся ограничить содержание католической печати узкими рамками культа. В Сейм была допущена горсть специально отобранных католических депутатов, всегда покорных и молчаливых. Наибольшие трудности вызвало религиозное воспитание детей. Вначале Гомулка хотел, чтобы оно происходило в рамках обычной школы, для лучшего контроля над ним со стороны властей. Это не получилось, так как структура „советизированной” школы была несовместима с таким чужеродным ей явлением, и постоянно возникали конфликты. Пришлось допустить религиозное воспитание при церквях. Но, конечно, власти постоянно во все вмешивались и всему мешали. Отношения между церковью и государством приняли характер изнурительной повседневной войны.

Кардинал Вышиньский был непримиримым, несгибаемым вождем польских католиков; он использовал все открывшиеся возможности для восстановления и укрепления церковного аппарата, для распространения религии. Усилия его не были безуспешны. Гомулка и его люди не были способны на широкий, честный компромисс с церковью. Они были мелочны и недальновидны, недооценивали роль церкви, ее значение для польского народа. Они были не столь уж проницательные политики и пытались отделаться от действительности полумерами, лишь отсрочившими надвигающийся кризис — и в этом вопросе, и во всех других. Это были

мелкие политиканы, пытавшиеся продлить свою власть и не заглядывавшие в завтрашний день. А церковь еще имеет в Польше завтрашний день.

Гомулка разыграл спектакль „демократизации” польской жизни. Газеты и радио стали говорить более „человеческим” языком, были в значительной степени устранены обязательные речевые штампы. Теперь можно было служить марксистской идеологии, пользуясь „своими словами”. В явлениях повседневной жизни признавалась теперь некоторая сложность, и не обязательно было уже считать, что все сложное — плохо. Было нарушено казенное целомудрие, и о человеческих отношениях можно было говорить теперь с некоторой свободой, больше напоминая западные, чем советские образцы. Нравы от этого не стали лучше, но лицемерная распушенность сменилась откровенной, и наивный наблюдатель мог бы подумать, что произошло внезапное разрушение этических норм. Развод и внебрачные отношения перестали быть предметом публичного разбирательства на собраниях. В действительности партия выпустила из рук бразды общественной морали, и одна церковь продолжала о ней заботиться. В журналах появились фотографии кинозвезд и вообще популярных красавиц, одетых и обнаженных. Была разрешена популярная музыка западного образца, „абстрактная живопись” и другие инфантильные виды искусства. Весь этот поток грязи, естественно, должен был создать более податливую, размягченную, глупую популяцию. Использование грязи в политических целях было в Польше гораздо более сознательной политикой, чем у нас.

Все это создавало видимость освобождения культуры. „Соцреализм” был осмеян, и художники, работавшие в старомодной манере, уже не пользовались государственной монополией. Но формальные ухищрения художников не могли скрыть их духовную пустоту. В музыке разрешены были все трюки и причуды, но композиторы, в лучшем случае, робко возвращались к церковным сюжетам. В театре и в кино был допущен некоторый натурализм, но больше в направлении порнографии. В литературе свободы было

меньше всего, и серьезные вопросы жизни по-прежнему оставались вне цензурно дозволенного писательства, но можно было дурачить людей формальными экспериментами. Все стало „современным”, грязным и плоским, как на Западе, но с тем различием, что на Западе эта „современность” обеспечивалась коммерческим путем, а в Польше — подражанием Западу и бдительностью начальства. „Игра в Европу” всегда составляла некоторую часть польской культуры; теперь полякам разрешено было играть в эту игру сколько душе угодно — лишь бы дело не касалось с е р ь ь з н о г о м ы ш л е н и я. Оно как раз и было запрещено.

Был облегчен выезд за границу. Теперь поляки могли ездить за границу, если у них была валюта, и иметь валюту было разрешено. Конечно, власти ограничивали это право для политически неблагонадежных, а обмен польских злотых на валюту почти не допускался. И все же поляки стали ездить по свету, привозя из-за границы тряпки, порнографию, но иногда также и новые понятия. В общем, эти поездки привели к значительному приближению польских вкусов к западным мещанским образцам: поляки стали гоняться за вещами и меньше беспокоиться о высоких идеалах. Но, в частности, поблекли и идеалы „социализма” у той части населения, которая подверглась обработке в годы сталинского режима.

Как обнаружилось в нынешних событиях, этот процесс вырождения польского общества, поощрявшийся режимом Гомулки (и потом Герека), не смог убить в польском народе его традиционный дух независимости и сопротивления угнетению.

Были „демократизированы” выборы в Сейм. „Мы хотим не голосовать, а выбирать” — можно было прочесть в польских газетах. Для этого на каждое место в Сейме выдвигался теперь не один кандидат, а целых три. Все три кандидатуры назначались партийным аппаратом, и один из них особо „рекомендовался”, вполне официально; желающие могли теперь выразить свою „оппозиционность”, проголосовав за одного из „нерекомендованных” кандидатов, и

объявлялось, что эти последние получили несколько процентов голосов; но выбирался всегда „рекомендованный” кандидат. Если кто-нибудь надеялся, что такая „демократия” будет постепенно расширяться, то такие надежды не оправдались: все так и осталось. Были сделаны некоторые коррективы в образе партийного функционера. Он старался выглядеть „демократичнее”: ему разрешалось носить джинсы или что-нибудь в этом роде, участвовать в умеренной выпивке, танцевать западные танцы. Стиль жизни аппарата стал все более равняться на западные образцы. А для этого надо было больше красть.

Познанский мятеж был сигналом, которым нельзя было пренебречь: надо было успокоить рабочий класс. Для этого Гомулка был подходящим человеком: ведь он был профсоюзным деятелем до войны, борцом Сопротивления во время войны, а потом узником сталинского режима. Это был человек, которому рабочие могли доверять, — и Гомулка обещал им много прекрасных вещей. Он обещал о б н о в л е н и е — обновление в партии, на предприятиях, во всей стране. Рабочие должны были стать хозяевами своих предприятий, и для этого на каждом заводе было создано „рабочее самоуправление”. Это не были профсоюзы, потому что в казенные профсоюзы никто уже в Польше не верил. Новые органы рабочей власти назывались „рабочими советами”; их выбирали с большой торжественностью, но они не имели никакой реальной власти. Предприятия по-прежнему контролировались министерствами, а права „рабочих советов” не были юридически определены. Предполагалось, что они превратятся в безобидные совещательные органы, которым в первое время можно будет предоставить видимость инициативы, дав им возможность вволю поговорить, выразить свои чувства. Когда же возбуждение улеглось, безвластными „советами” легко было манипулировать, изолировав их от рабочей массы и подкупая их членов. Очень скоро „рабочее самоуправление” полностью атрофировалось, выродившись в еще один бюрократический аппарат. Эта операция удалась Гомулке потому, что „рабочие советы” организовывались

с в е р х у, а не с н и з у: он сумел перехватить инициативу рабочей массы и, используя остатки доверия к власти, уцелевшие иллюзии „левого” рабочего движения и свой личный престиж, подменить подлинные рабочие организации поддельными. Так было выиграно время. Это время Гомулка употребил для самых необходимых экономических реформ.

Гомулка понимал авантюрный характер „индустриализации”. Он снизил темпы развития тяжелой промышленности и уделил больше внимания производству потребительских товаров. Это не означало какого-нибудь радикального изменения в управлении польской промышленностью: с помощью того же бюрократического аппарата были исправлены лишь самые очевидные нелепости. При этом наметились две тенденции, сохранившиеся надолго и важные для дальнейшего: сотрудничество с Советским Союзом и ориентация на торговлю с Западом.

Польша никогда не была замкнутым хозяйством и всегда нуждалась во внешней торговле для обеспечения своих потребностей. Бедная земля не позволяла ей производить достаточно хлеба, и хлеб всегда ввозился, главным образом из России. В Польше почти нет полезных ископаемых. Уголь в отошедшей от немцев Силезии и немного меди — вот и все ее богатства. Поэтому польская промышленность всегда зависела от импортного сырья. Еще до 1914 года, когда главной отраслью польского производства были текстильные фабрики, хлопок приходилось ввозить из-за океана: единственным резонансом существования этого производства была дешевая рабочая сила, нищие польские крестьяне, бежавшие в город из голодавших деревень. С 1945 года сырье, естественно, пришлось получать из России. Такая связь с советским снабжением ставила Польшу в сильнейшую экономическую зависимость от Москвы. Но особые свойства „социалистической системы” делали из этой зависимости нечто совсем другое: аппарат подкармливания стран Восточной Европы з а с ч е т России. С самого начала советской оккупации экономическое положение этих стран было отчаянным: они были вконец разорены. Марионеточные прави-

тельства, поставленные Сталиным, взывали к нему о помощи, опасаясь голода, разрухи и неизбежных социальных последствий — реакции еще не приученного к рабскому повиновению населения. Сталин понимал, что надо укрепить эти слабые звенья системы, а сделать это можно было только за счет „сильного звена” — России, где голодная смерть уже не вызывала волнений: с Россией можно было делать что угодно, например, вывозить из нее хлеб, когда его не хватало для пропитания. Впрочем, вряд ли Сталин когда-либо отдавал себе отчет в подлинном положении вещей. Он был уверен в неистощимости России; когда надо было послать куда-нибудь хлеб, он попросту приказывал послать, и никто не рисковал сказать ему, что этого хлеба нет. Так же обстояло дело со всем другим. Вновь захваченные страны имели приоритет, а Россия должна была за все платить. В этих странах создавались экономические системы, не дававшие им возможности себя прокормить, и тогда кормить их должна была Москва. Не щедро, но приходилось кормить. Такие отношения, сложившиеся после войны, отчасти сохраняются и по сей день. Но теперь уже нечем кормить — не потому, что Россия стала беднее, чем была в последний день войны, а потому, что режим уже не имеет прежней власти доводить ее до голодной смерти.

Итак, из России везли все, чего не имели завоеванные страны: хлеб, руду, нефть; Россия затыкала все дыры в послевоенном хозяйстве своих колоний, и делалось это вне всякого экономического расчета. Это была единственная в своем роде колониальная империя, приносившая о д н и р а с х о д ы. Польша была частью этой империи и тоже была на постоянном довольствии Москвы. Казалось бы, „польский октябрь” должен был привести к исправлению этого уродства. Но Гомулка вовсе не собирался отказаться от „московского питания”, да и не мог бы отказаться, не меняя своей системы. Напротив, он мог использовать сложившийся колониальный режим — может быть, лучше было бы сказать: антиколониальный режим — для собственных целей. Дело в том, что каждое социальное движение в захваченных

странах автоматически приводило к добавочной „помощи” Москвы, к новым потокам продуктов питания, топлива, сырья с целью поддержать тот или иной пошатнувшийся режим. Так было с ГДР после берлинского мятежа 1953 года, так было с Венгрией и Польшей в 1956 году, с Чехословакией в 1968 году, то же происходит и с Польшей теперь. Мятежников сначала расстреливают, затем подкармливают. Делается это для сохранения политического контроля над взбунтовавшейся страной. Со временем остается лишь фикция политического контроля, но Москва не может отказаться от этой фикции, готова платить за одну ил лю з и ю власти, потому что в системе нет обратной связи. Правда, платить уже нечем, и приходится как-то латать Тришкин кафтан, поддерживая самые опасные места.

Ясно, что угроза рабочего мятежа, полного развала польского коммунистического режима произвела в Москве сильное впечатление. Ведь Польша — не только крупнейшая страна Варшавского пакта (который пришлось бы, пожалуй, переименовать!), но и коммуникация с Германией; Польша занимает центральное место во всей империи. Каков бы ни был Гомулка, он поддерживает в Польше просоветский режим, совершает ритуальные поклоны в сторону Москвы, остается в Варшавском пакте. Лучше Гомулка, чем полный выход Польши из „лагеря социализма”. Вот механизм, позволивший Гомулке доить Москву — элементарный механизм ш а н т а ж а. Таким образом, последствием познанского мятежа и „польского октября” была усиленная экономическая (лучше сказать, пожалуй, н е э к о н о м и ч е с к а я) поддержка польского режима со стороны Москвы. То же повторится и теперь.

Другая тенденция связана с экспортом на Запад. „Индустриализация” превратила Польшу в промышленную страну — пусть отсталую, с устаревшими машинами, с неуклюжей организацией производства, но все же промышленную, а не аграрную страну. Конечно, промышленные товары можно продавать на Восток, т. е. России. Но открывается заманчивая перспектива продавать их также на Запад и вырывать за

них в а л ю т у. Это может со временем уменьшить патологическую связь с Россией, а пока — позволит покупать товары, столь жадно поглощаемые рынком, „привлекательные товары”, как говорят поляки. Известно, что этих прекрасных вещей не получишь с Востока, их надо покупать за доллары, фунты и т. д. На наших глазах в Испании произошло „экономическое чудо”, неожиданный промышленный расцвет; а что есть у Испании? То же, что и в Польше — д е ш е в а я , н е т р е б о в а т е л ь н а я р а б о ч а я с и л а. Так родилась мечта о польском экономическом чуде. Но если механизм доения Москвы работает и до сих пор, со всеми его нездоровыми последствиями, то валютный дождь так и не пролился на бедную польскую землю — дальше мы увидим почему. Итак, Гомулка начал стимулировать производство „на экспорт”, придавая ему приоритет перед всеми другими. Имелся в виду „валютный” экспорт, то есть экспорт на Запад, требующий высокого качества, умения торговать, правильного выбора направлений. Что касается экспорта на Восток, то здесь можно давать товары похуже, а торговля происходит сама собой, в рамках общих соглашений. Русские привезут и хлеб, и нефть, и все другое, а возьмут, что им предложат: иначе они не получают ничего, не так ли?

Экстренная помощь Москвы позволила Гомулке оттянуть кризис. А главное, ему удалось отсрочить продовольственный кризис — на этот раз с помощью очень серьезной реформы.

Самой серьезной переменной, на которую вынужден был пойти Гомулка, был р о с п у с к к о л х о з о в. Это пришлось сделать, поскольку иначе нельзя было решить продовольственный вопрос — даже с помощью Москвы. Но вряд ли эта радикальная мера была бы принята без назревавшей угрозы крестьянского мятежа. Гомулке и его людям п р и ш л о с ь пойти на уступки: они знали, что не сумеют подавить своими силами народное восстание, а прибегнуть к „братской помощи” Москвы они боялись. Гомулка помнил застенки НКВД и знал, что его ждет участь Имре Надя, венгерского Гомулки, расстрелянного Хрущевым. Впрочем,

не следует приписывать ему особую мудрость: он имел очень ограниченный выбор и спасал, как мог, свою шкуру.

Как уже было сказано, польский крестьянин не привык еще к колхозной системе, не забыл своего куса земли, и в этих условиях роспуск колхозов имел ясный смысл: каждый должен был получить с в о ю землю, стать снова хозяином, как было раньше, и производить продукты — под контролем государственного аппарата, но все же самостоятельно, а не по команде, по собственному разумению, а не по установленному шаблону. Избавившись от колхозов, польский крестьянин получил возможность прокормить себя и свою семью. Увеличилось также количество товарной продукции. Сверх обязательных поставок, крестьянин мог вывозить часть продуктов на рынок. Продовольственное положение несколько облегчилось. Но, как мы увидим дальше, частное крестьянское хозяйство не могло развиваться в условиях коммунистической бюрократии. Сверх того, не следует забывать, что Польша в с е г д а зависела от покупного хлеба и что этот хлеб поставлял ей Советский Союз. В Польше не осталось колхозов, осталось лишь значительное число „ПГР”¹ — совхозов, устроенных, как правило, на месте бывших помещичьих имений. Эти совхозы продолжали работать плохо и причиняют вред до сих пор.

Итак, Польша стала единственной социалистической страной, где нет колхозной системы, где земля составляет частную собственность крестьян.

До „октябрьского переворота” Польша имела такую же систему госбезопасности, как другие захваченные Сталиным страны, т. е. устроенную по образцу Советского Союза. Однако в странах Восточной Европы эта система имела любопытную особенность, существенную для объяснения некоторых дальнейших событий. Читатель уже знает, что мероприятия сталинского режима были не столь актами рациональной политики, сколько продуктами болезненного воображения

¹ Panstwowe gospodarstwo rolne (Гос. сельскохозяйственные предприятия).

диктатора и услужливой деятельности людей, пытавшихся угодить ему во всех его затеях. А затеи Сталина все были провокациями — совсем не обязательно выгодными для него или обещавшими какой-нибудь успех. Так вот, Берия, устраивавший органы госбезопасности в захваченных странах, применил — без сомнения, с одобрения своего хозяина — следующий трюк. Во главе этих органов он, как правило, ставил евреев. Это был очень простой, типично восточный расчет. Люди, которые должны были выполнять в этих странах самую грязную работу для своих хозяев, были отделены от их населения барьером расового предрассудка. Это не позволяло им пустить корни в стране, найти себе сторонников и друзей. Их все должны были ненавидеть, и Берия как раз этого хотел — чтобы его еврейские агенты могли рассчитывать только на него и были ему верны. С другой стороны, неизбежная ненависть населения к „органам” переносилась на всех уцелевших евреев, и это открывало возможность дальнейших провокаций.

В Польше во главе госбезопасности был поставлен некий Якуб Берман, еврей; евреи заняли и некоторые другие руководящие посты в этом учреждении. В Польше была вековая традиция антисемитизма, и провокация удалась, хотя и не принесла ее авторам никакой пользы. Как мы увидим, плоды этой грязной затеи впоследствии пожал Гомулка.

Гомулка снял с должности Якуба Бермана с его сотрудниками. Не было сказано, за что, но в Польше все знали. Берман и его люди преследовали людей „Армии Крайовой”, убивали их в лесах, расстреливали в тюрьмах и лагерях. Они устраивали провокационные дела, вели выдуманные процессы. Жертвами этих палачей пали многие доблестные борцы Сопротивления, принципиальные противники режима и просто ни к чему не причастные люди, случайно попавшие в списки обреченных. Берман и другие евреи усердствовали таким образом в то время, когда в Советском Союзе евреев травили под кличками сионистов и космополитов и готовилось их физическое уничтожение. Конечно, потом пришла бы очередь польских евреев, и Берман хорошо понимал, что

его ждет. В этой дьявольской машине и жертвы и палачи были одинаково обречены. Это не снимает, конечно, вопроса о наказании, но, насколько известно, никто из этих людей не был наказан. Да и как можно было их наказать? Следовало избегать самого вопроса об ответственности. Ведь у власти остались те же люди, заслонившись „мучеником” Гомулкой, и люди эти не хотели ворошить прошлое. В Познани было расследование после расстрела. Вели его премьер Циранкевич и член Политбюро Герек. Первый остался премьером при Гомулке, второй сменил его на посту первого секретаря. Убийцы рабочих были связаны круговой порукой, и прошлое было задернуто завесой молчания. Циранкевич и Герек выглядели вполне прилично. Они фигурировали на международной арене, им жали руки дипломаты, министры и президенты. Впрочем, мы слишком хорошо знаем это по опыту нашей страны, хотя польские убийцы выглядели более элегантно, умели себя вести в обществе и даже читать без бумажки написанные для них речи. Итак, нельзя было искать виновных, потому что виновные остались у власти. Можно было говорить о жертвах, но не слишком много, и дело изображалось так, как будто они погибли от стихийного бедствия. Нельзя было сказать ни слова о Катыни: надо было повторять лживую версию Сталина, а лучше — молчать.

Ненависть к госбезопасности приняла в Польше столь острый характер, что Гомулка вынужден был реформировать польский репрессивный аппарат. В начале 1956 года был знаменитый XX съезд КПСС, с хрущевским разоблачением „культы личности” и „нарушений социалистической законности”. В Советском Союзе была проведена, таким образом, некоторая политическая кампания, смысл которой состоял в обеспечении безопасности правящего класса; отныне деятелей партийной верхушки можно было лишь снимать с должности (что, по молчаливому уговору, делалось очень редко), но нельзя было их расстреливать. Естественно, в Польше после „октября” была принята та же система. Но в Советском Союзе не было столь серьезного давления снизу, как в Польше, и „восстановление законности” вызывалось

преимущественно внутренними законами функционирования аппарата. В Польше, после познанского мятежа, партийный аппарат испытывал уже не только страх „сверху”, но гораздо больше „снизу”. Поэтому потребовалось „восстановить законность” и ограничить произвол госбезопасности в гораздо большей мере, чем это было сделано в СССР. Гомулка провел эту операцию очень искусно. В Польше не были еще до конца перерезаны корни довоенной системы правосудия. Многие законы, изданные до войны, оставались в силе, если они не мешали интересам новой власти; сохранились кадры адвокатов и юристов довоенной подготовки и некоторые навыки формального судопроизводства, принимающего во внимание буквальный смысл закона. Устранение всех этих пережитков требует времени, а времени прошло немного, так что уголовные и гражданские дела (в отличие от политических) решались в судах с участием старых деятелей и нередко по старым законам. Гомулка сумел внушить полякам, что польская юридическая традиция будет восстановлена. Многие выжившие юристы были вновь назначены на судебные должности, были устранены некоторые вопиющие нарушения судебной процедуры. Как и в Советском Союзе, эта реформа правосудия не должна была задевать интересов правящего класса, а главный его интерес состоял в том, чтобы безнаказанно красть. Поэтому были приняты меры, чтобы дела о коррупции не доходили до суда: для этой цели у Гомулки была милиция, прокуроры и следователи, и в этих органах партийный контроль действовал достаточно эффективно. Как всегда при „реальном социализме”, роль „контроля” состояла не в том, чтобы мешать злоупотреблениям, а в том, чтобы регламентировать и охранять их. Итак, были приняты меры, чтобы аппаратные воры никогда не предстали перед судом; тем более не отдавались под суд виновные в политических преследованиях. Но уж если дело попадало в суд, то соблюдалась все приличия, и поляки могли думать, что в стране господствует закон. Как мы увидим, все эти затеи их не обманули.

Наиболее важной стороной этого „восстановления законности” было резкое смягчение и изменение форм политического преследования. Если до „Польского Октября” обращение с действительными или мнимыми противниками режима мало чем отличалось от аналогичной практики в Советском Союзе, то при Гомулке их перестали расстреливать и даже почти перестали сажать. Впервые в истории был испробован „беспосадочный социализм”; как мы увидим, этот опыт некоторое время казался удачным, но в конечном счете провалился, так что Гомулка и в этом отношении был оппортунистом, преследовавшим лишь ближайшие цели. Берут не успел перевести в Польшу всякую оппозицию: она жила и в массах польского народа, и — в особенности — в польской интеллигенции. Важное благо человека — говорить без опасения. Конечно, Гомулка не ввел никакой свободы печати, но вид польских газет и журналов заметно изменился, как мы уже видели выше. Что касается частных разговоров, то они были практически безнаказанны, и поляки привыкли говорить свободно. Деятельность госбезопасности свелась преимущественно к наблюдению за подозрительными лицами и составлению досье. Особенно активным людям по мелочам докучали: устраивали обыски, изымали печатные материалы и бумаги, иногда затевали судебные дела, но сажали очень редко и ненадолго; главной репрессивной мерой было лишение работы по специальности, но люди устраивались, находили себе заработки. Если в этом была какая-то политика, то целью ее было не допустить широкого распространения оппозиционных взглядов: небольшое число людей, на которых не влияли ни деньги, ни карьера, можно было изолировать и игнорировать. Такая тактика, заимствованная из практики „буржуазных” демократий, оказалась опасной в условиях „реального социализма”. Дело в том, что правящие системы („истеблишменты”) западных стран весьма устойчивы по отношению к любому личному мнению, даже к деятельности отклоняющихся групп; между тем „социалистический” режим крайне чувствителен к малейшей идеологической инфекции и нуждается в немедленном

изъятии всех возникающих зародышей несогласия. Но все это должно было обнаружиться лишь впоследствии. Пока же в Польше можно было говорить что угодно.

В качестве кратковременного политического средства такая система себя оправдала. Сравнительная свобода общения и более широкая информация в печати смягчили общее нервное напряжение берутовских лет. Что касается оппозиционных организаций, то наиболее активные люди, способные их создать, эмигрировали или были истреблены. После многократной политической прополки Польша казалась Гомулке хорошо ухоженным огородом, где уже не вырастет никакой сорняк. Некоторое время он мог, таким образом, проявлять великодушие: Гитлер и Сталин дали ему такую возможность. Но время шло, и люди росли.

Иногда госбезопасность во что-нибудь вмещивалась, задерживала какие-нибудь почтовые отправления, высылала какого-нибудь неприятного иностранца. Но все это не могло вызвать достаточного с т р а х а, того парализующего страха, который сковывает человека в нашей стране и по сей день. Значительное снижение уровня репрессий привело в Польше к с н и ж е н и ю у р о в н я с т р а х а.

Правление Гомулки длилось четырнадцать лет. Вначале „польское обновление” вызвало некоторые надежды — и в Польше, и за рубежом. Это была первая серьезная реформа коммунистического режима, устранившая его прямые методы насилия и, казалось, обещавшая интересное продолжение. Наивные люди рассчитывали, что в Польше будет найден, наконец, долгожданный способ соединения социальной справедливости и свободы. Они приезжали в Варшаву смотреть и учиться, точно так же, как после русского Октября приезжали в Москву. Но надежды их не могли сбыться. Гомулка проводил свои реформы с в е р х у, бюрократическим способом, и ревниво следил за тем, чтобы никакая инициатива снизу не вызвала нежелательного развития событий. За исключением отдельных поправок, весь аппарат власти сохранился, и всем народным хозяйством управляли те же министерства. После всех косметических мероприятий

осталась та же бесконтрольная, хищническая власть, кооптировавшая молодых карьеристов тем же способом, как это делается у нас. И остались те же неразрешимые противоречия режима. Гомулка лишь отсрочил неумолимо надвигающийся кризис.

Польская промышленность, построенная после войны по советским образцам и советскими методами, оказалась устаревшей уже на стадии планирования. При этом, как мы уже рассказывали, на первый план выдвигались количественные показатели, выполнение планов: строили быстро и плохо, и точно так же было поставлено производство. Ясно, что изделия польской промышленности можно было сбывать только на „социалистическом” рынке — в основном они шли в Советский Союз. При Гомулке эти изделия подверглись также некоторым косметическим процедурам: предметы широкого потребления имели „западный” вид. Но польские товары, как у нас все знают, были ненадежны и непрочны. Это неудивительно, поскольку вся польская система производства была скопирована с советской, и сбыт польских товаров на восток не сталкивался с конкуренцией. Итак, основная масса польского производства была ориентирована на восток, что увековечивало отсталость и экономическую зависимость Польши от Москвы.

Попытка выхода на западный рынок не принесла успеха. Для этого, прежде всего, надо было переоборудовать хотя бы отдельные отрасли промышленности, но не было средств: современное оборудование можно было получить лишь у капиталистов. В отдельных областях польские рабочие и инженеры кое-чего добились — главным образом, в изготовлении дешевых товаров для „развивающихся” стран. Но Польша и сама оставалась такой „развивающейся” страной или, пользуясь более старым термином — „слаборазвитой”. Польше хронически не хватало валюты. Между тем расширившиеся связи с „буржуазным” Западом, поездки за границу выработали у поляков более требовательные вкусы и привычки. Чтобы их удовлетворить, надо было приобретать

валюту любым путем, и это стало еще одним стимулом коррупции.

Сельское хозяйство тоже не процветало. Оно оставалось почти столь же отсталым, как и до войны, и давало мало товарной продукции. Как мы уже видели, Польша никогда не обеспечивала себя хлебом, а польское животноводство не могло развиваться из-за недостатка кормов. Поскольку государство заботилось только о совхозах, крестьянин попросту ничего не мог купить. Лесов и пастбищ в Польше мало, и без кормов мясо получить нельзя. Это вечная проблема „реального социализма” — даже в нашей стране с ее гораздо более щедрой природой. Польша держала в те годы сомнительный рекорд — первое место в мире по потреблению картофеля на душу населения. Голода не было, но сытость поддерживалась напряженными усилиями при постоянном подкармливании с Востока.

Всячески используя описанную выше систему шантажа, демонстрируя лояльность по отношению к Москве, Гомулка ухитрялся сводить концы с концами. Но у этого оппортуниста не было никакой экономической программы, никаких широких планов. Забавно, что впоследствии, после провала Герека с его промышленной авантюрой, Гомулка стал похвалиться именно тем, что ничего особенного не придумал. Польская экономика погрузилась в оцепенение (на ученом языке это называется с т а г н а ц и е й).

Между тем отремонтированный Гомулкой аппарат власти продолжал жить по своим внутренним законам — законам бесконтрольной бюрократии. Как мы уже видели, в Польше можно было все критиковать на словах, но ни на что нельзя было влиять. Аппарат, существующий в таких условиях, неизбежно подвергается коррупции. Прежде всего, этот аппарат практически несменяем: если и меняются иногда министры и другие важные лица, находящиеся на виду у высшего начальства, то все средние и низшие звенья практически неуязвимы, не отвечают за результаты хозяйственной деятельности и выполняют лишь ритуализованные функции, производя казенные бумаги. Польский аппарат отличается

от нашего тем, что жил более открыто, у всех на виду. В Польше все знали, кто, где и сколько крадет и каким образом проживает краденое.

Естественно, этот прогнивший аппарат раздирали внутренние распри. Авторитет Москвы опускался все ниже по мере ослабления московского режима и его контроля над странами Восточной Европы. Неудачные эксперименты Хрущева в последние годы его правления, внутренний конфликт в советском руководстве, завершившийся в 1964 году „дворцовым переворотом”, утверждение новой правящей группы — все это создавало условия, в которых Москве было не до Варшавы, и Варшава стала все меньше оглядываться на Москву. В польском правящем аппарате усилилось шовинистическое крыло, лидером которого был Мочар, возглавлявший тогда польскую госбезопасность. Из всех видов польского шовинизма этот был самым отвратительным, поскольку партийные шовинисты, конечно, должны были публично демонстрировать свою лояльность по отношению к „старшему брату” и Варшавскому пакту; эти люди вели свою политику исподтишка, понимаясь подмигивая друг другу и продвигая своих людей на влиятельные посты.

Псевдопатриотическая демагогия Гомулки в начале его правления упала на благоприятную почву: в Польше усилилось стремление к независимости, восстановилась связь с национальной традицией. Так как Гомулка под давлением нараставшего экономического кризиса все сильнее связывался с Москвой, это патриотическое настроение, в значительной мере возбужденное его же пропагандой, обратилось теперь против него. Шовинистическое крыло Мочара использовало это настроение публики в своих интересах. В конце шестидесятых годов Гомулка растерял личное обаяние и свой политический авторитет; он изо всех сил пытался удержаться у власти. Как всякий „несменяемый” руководитель, он стал терять ловкость, стал терять чувство действительности, стал делать глупости. Когда в одной студенческой компании был разыгран спектакль с Гомулкой в виде комического персонажа, первый секретарь реагировал на это

истерической мерой: главного виновника приговорили к трехлетнему заключению. Прежде такие пустяки оставались без внимания.

В обстановке нараставшего общественного возбуждения и подспудной борьбы за власть любая случайность могла привести к взрыву. Негодование было особенно сильно среди интеллигенции и студентов. Из них главным образом и состояла публика варшавского драматического театра, поставившего в марте 1968 года историческую эпопею Мицкевича „Дзяды” („Деды”). Мицкевич изобразил в своей пьесе подавление польского восстания и ужасы русского террора. Понятно, что места текста, направленные против русского господства, вызвали сочувственную реакцию зрительного зала, а у молодежи эта реакция приняла характер политической демонстрации. Тогда Гомулка распорядился снять спектакль и напечатать в газетах строгое внушение. На польскую публику эта мера произвела сильное впечатление: давно уже не было прямого гонения на патриотизм в его классическом выражении. Но Гомулка должен был как-то сдерживать этот патриотизм, потому что боялся Москвы. И вот начались беспорядки в Варшавском университете, а затем и в других вузах. Студенты устраивали митинги в аудиториях, демонстрации на улицах; к ним присоединилась некоторая часть преподавателей, значительная часть польской интеллигенции выражала им сочувствие. Это и был „мартовский контрреволюционный мятеж”, на который теперь ссылаются официальные историки Польши. Не было и тени мятежа, не было никакой оппозиционной организации — было проявление настроений, какие бывают всюду, где не боятся репрессий.

Гомулка использовал студенческие волнения, чтобы устроить крупную провокацию. Послушная ему печать подняла вопль, обвиняя во всех возможных грехах профессоров, плохо воспитывавших молодежь. Шесть профессоров Варшавского университета были уволены со своих должностей с очевидным нарушением законности, которую Гомулка когда-то клялся восстановить. Вокруг студенческих вол-

нений была развернута разнузданная демагогическая кампания, построенная на грязных инсинуациях. Среди вожаков студенческих демонстраций оказались евреи — дети тех самых деятелей госбезопасности, о которых была речь выше, а некоторые из преподавателей, присоединившихся к студентам, тоже были евреи, пришедшие с востока вместе с советскими войсками и активно участвовавшие в борьбе с „контрреволюционным подпольем”. Это дало Гомулке повод к истерической антисемитской травле. Конечно, слово „евреи” заменялось прозрачным термином „сионисты”; менее прозрачны, но столь же понятны были польской публике намеки на чуждых Польше людей, пришедших з а ч у ж о й а р м и е й с востока. Эта кампания была рассчитана на сочувствие человека с улицы и в значительной степени достигла цели. Интеллигенция и молодежь не получили общественной поддержки.

Замечательно (и очень характерно для польской политики) двуличие этой кампании. Вместе с намеками на этих привезенных с Востока агентов громко демонстрировалась преданность и дружба с Советским Союзом. Предполагалось, что все поляки понимают и о д о б р я ю т такое лицемерие! Лицемерие выставлялось как высокий образец патриотизма, но н е п а т р и о т и ч н о было выражать те же чувства честно и открыто. Вероятно, история знает и другие примеры подобной гнусности, но их надо, пожалуй, искать вне круга европейской культуры. В Европе рабство никогда не рассматривалось как естественное состояние нации, а пресмыкательство перед сильным врагом — как гражданская доблесть.

Провокация Гомулки вызвала поток грязи, показавший всему миру, какое растление стояло за фасадом его показного либерализма. Чувствуя предстоящую перетряску кадров, партийные и беспартийные чинуши соревновались в низости, пытаясь попасть в тон провокации. На пленуме ЦК ПОРП говорилось с трибуны, что в неудачах польской коммунистической партии были виновны проникшие в ее руководство евреи, такие, как Роза Люксембург. В учреждениях были развешаны плакаты „Разгромим гнезда сионизма!”, и

немногих оставшихся в Польше евреев поголовно гнали с работы. Почти все они (30 или 40 тысяч) эмигрировали, лишив этим будущих правителей Польши простейшего способа разрешения возникающих проблем.

Между тем под шум пропаганды Гомулка провел меры, ради которых и была затеяна провокация. Представ перед публикой в виде националиста и антисемита, он перехватил у Мочара ветер, раздувавший его паруса. Мочар потерял свою особую позицию и влияние. А главное — Гомулка снял с должности маршала Спыхальского, военного министра, и разогнал весь генералитет. Это позволяет нам правильно оценить смысл мартовской провокации. По-видимому, в армии назревал военный переворот — в духе лучших польских традиций, — и старый хитрец Гомулка сумел нанести предупреждающий удар. Итак, в марте 1968 года Гомулка совершил государственный переворот, прикрывшись дымовой завесой демагогии.

Избавившись от соперников, он правил теперь почти как диктатор. Он сбросил маску национализма и стал все более ориентироваться на поддержку Москвы. Военным министром был назначен генерал Ярузельский, которого он сделал в 1964 году начальником политуправления польской армии. Очевидно, это и был его главный агент в армии: должность, которую занимал Ярузельский, и связанные с нею функции не вызывают сомнений. Через два года, когда позиции Гомулки ослабли, этот верный человек его предал.

В последние годы своего правления Гомулка изображал из себя нечто вроде диктатора. Он полагал, что польское общество достаточно запугано и опозорено весной 1968 года, а в партии все ключевые посты были заняты людьми, всячески заявлявшими ему преданность и послушание. Польские газеты стали скучней и глупей: не было никакой новой демагогии, и приходилось пробавляться смесью блудливо-подмигивающего национализма и лакейских реверансов в сторону Москвы. Госбезопасность обнаглела, запугивали всех, кого можно запугать, но не было новых массовых кампаний: Гомулка знал, что это опасное средство, и без

крайней необходимости к нему не прибегал. Впрочем, это было и трудно, потому что польское общество давно уже не верило никаким лозунгам, а для террора на сталинский манер в Польше не было покорных жертв и верующих исполнителей. Террор вообще несовместим с атмосферой цинизма и воровства, он предполагает добросовестность и серьезность. Итак, Гомулка правил без славы и достоинства, никто его не любил, и его не особенно боялись. Поэтому он не был диктатором, как не был им и наш политический комедант Хрущев. Диктатура непременно должна опираться на террор, на страх, и есть лишь одно средство внушить людям достаточный страх, чтобы они ее терпели; это средство — смерть. Чтобы стать диктатором, надо начать с безжалостного истребления своих политических и личных врагов, все равно под каким предлогом, привести этим население в состояние шока, а затем поддерживать оцепенение общества периодическими казнями. Макиавелли изложил технику диктатуры в своем трактате „Князь”, но тираны всех времен знали ее, даже если не умели читать. Очень важно, что никакие более мягкие меры не достигают цели. Человек, боящийся убивать, не может быть диктатором. Лишение заработка или несколько лет тюрьмы запугают тех, кто не опасен, но не остановят тех, кого надо бояться. Недовольные останутся всегда, но есть лишь одно средство держать их разобщенными и, тем самым, бессильными: это страх немедленной смерти. Хрущев не был диктатором, он вообразил себя таковым. Не может быть диктатором и нынешний правитель Польши генерал Ярузельски, и власть его будет непрочной. Не могут быть диктаторами и московские старцы, делающие вид, будто управляют Россией.

Гомулка не был диктатором, но не встречал уже открытого сопротивления, а это вызывает всегда одну и ту же диктаторскую болезнь: он потерял чувство реальности. По-видимому, у него притупилась бдительность, этот матерый интриган прозевал новую враждебную ему клику внутри аппарата. И ничем другим, кроме потери чувства реальности, нельзя объяснить новогодний подарок Гомулки польскому народу:

общее повышение цен, объявленное в декабре 1970 года. Гомулка забыл, что цены следует повышать понемногу и украдкой, забыл о польской традиции, о рождестве, забыл о познанском расстреле, приведшем его к власти.

Ответом был рабочий мятеж на Побережье. Рабочие Гданьска, Щецина и Гдыни вышли на улицы. Навстречу им вышли войска „безпеки”, польская госбезопасность, у них был приказ стрелять, и они стреляли. Было убито 45 рабочих, ранено около 500. Ворота № 2 Гданьской верфи имени Ленина, где пролилась рабочая кровь, запомнились польскому народу. Теперь там стоит памятник, и правящая клика еще не решилась его снести.

Многое не ясно в декабрьских событиях. Ответственность за них легла на Гомулку, который, безусловно, должен был отдать приказ. Трудно будет распутать это дело, аппарат ревниво хранит свои тайны. Немногие, говорившие тогда по телефону или с глазу на глаз, знают, что им лучше молчать. Шестнадцать месяцев польской свободы не приоткрыли завесы над механизмом декабрьского побоища. Назвать какое-нибудь имя значило бы начать необратимый процесс, лавину разоблачений. Партийные чинуши были связаны круговой порукой, только этим они могли спасти свою шкуру. Убийство было осуждено, но убийц не разрешалось назвать — как и у нас после „двадцатого съезда”. Но у ворот № 2 должен был начаться поворот истории.

Мятеж на Побережье был только началом, а между тем армейские части были ненадежны. В некоторых местах, где их пытались использовать против рабочих, они отказались стрелять. Впоследствии в Польше говорили, что на запрос Гомулки, можно ли использовать армию, генерал Ярузельский дал отрицательный ответ; с этого заявления, подлинного или мнимого, и началась его популярность.

Когда армия отказывается стрелять, приходит конец власти. Партийные деятели, объединившись против Гомулки, сняли его с должности первого секретаря. Было объявлено, что он подал в отставку „по состоянию здоровья”. Поляки узнали, что их новым начальником будет Эдвард Герек, до того — первый секретарь в Катовицком воеводстве.

5. МЕХАНИЗМ РАЗОРЕНИЯ

Биография Герека началась необычно для партийного чиновника: он был вначале рабочим; более того, он вырос во Франции, знал французский язык, понимал европейские нравы и среди коммунистических деятелей мог сойти за джентльмена. Одной из особенностей перенаселенной и нищей Польши была массовая эмиграция. Польские крестьяне спасались от голода, и различные благотворительные общества облегчали им отъезд. Так создалась „Полония”: это латинизированное название Польши означает польскую эмиграцию, насчитывающую теперь около десяти миллионов. Поляки направлялись больше всего в Соединенные Штаты, а из европейских стран — во Францию, связанную с Польшей традиционной дружбой. За границей они брались за самую черную работу, поскольку это были преимущественно крестьяне без квалификации. Во Франции поляки становились главным образом шахтерами лотарингского угольного бассейна; уже и в то время, с конца прошлого и начала нынешнего века, европейские рабочие уступали нищим эмигрантам с Вос-

тока тяжелые и грязные работы, особенно под землей. Герек был шахтером во Франции и приехал в Польшу после второй мировой войны. К полякам, приехавшим с Запада, в послевоенной Польше относились подозрительно. По-видимому, Герек был очень ловким человеком; он не стал больше работать под землей, а устроился в партийном аппарате и продвигался по службе столь успешно, что, как мы видели, производил вместе с Циранкевичем официальное расследование после познанского расстрела. Циранкевич остался при Гомулке председателем Совета Министров, а Герек был членом Политбюро; ясно, что оба они принадлежали к числу деятелей, сделавших выводы из познанских событий и поддерживавших „польский октябрь”. Герек был первым секретарем в Катовицах, т. е. главным начальником Силезского угольного бассейна, от которого зависела вся польская энергетика. В качестве бывшего шахтера он искал, разумеется, популярности, и в партийных кругах полагали, что он был у себя в Катовицах популярен. С шахтерами в Польше всегда была особая проблема. Чтобы удержать людей на этой тяжелой работе, им создавали всякие льготы и привилегии, давали относительно высокую зарплату. Как мы увидим дальше, это была бесстыдная политика эксплуатации, понуждавшая шахтеров отдавать за эти подачки свое здоровье. Во всяком случае, Герек справлялся со своей задачей, как-то удерживал силезских шахтеров в спокойном состоянии, и потому в партийных кругах его считали ловким человеком. Что касается шахтеров, то я думаю, что они и тогда уже имели о таких людях собственное мнение.

Герек провозгласил второе „обновление”. Было признано, что „польский октябрь” не оправдал возложенных на него надежд, что партия снова впала в бюрократические извращения, опять оторвалась от рабочего класса, **п о т е р я л а д о в е р и е н а р о д а**. Это второе покаяние партии уже не вызывало никакого сочувствия. Если в октябре 1956 года в Гомулку поверили многие, в том числе бывшие коммунисты-подпольщики, интеллигенты старого склада, даже иностранцы, искавшие в Польше того, что чехи потом назвали

„социализмом с человеческим лицом”, если Гомулке удалось временно успокоить польских крестьян, отдав им землю, и на какое-то время обмануть польских рабочих, посулив им заводское самоуправление, то демагогия Герека производила с самого начала жалкое впечатление. Даже в польских газетах это второе „обновление” выглядело неловким маскарадом. Чувствовалось, что сами журналисты, подрадившиеся служить Гереку, решительно ни во что не верят; это были те же люди, которые служили своим пером Гомулке и окончательно изолгались, обслуживая его пропаганду на всех стадиях ее разложения. Они едва связывали концы с концами в своих статьях; было в этих статьях что-то вымученное и надрывное, вроде заклинаний отъявленного алкоголика, что он никогда больше не возьмет в рот спиртного. Эта болтовня никого уже не могла обмануть: аппарат оставался на месте, и весь смысл происходящего был в том, чтобы партийные воры могли по-прежнему безнаказанно красть. В 1971 году в Польше ни у кого больше не было иллюзий. Поэтому Герек не слишком полагался на свою пропаганду, а искал выхода из экономического тупика. Некоторый временный выход он нашел; ему могло казаться, впрочем, что он нашел радикальное лечение для своего режима. Вероятно, биография Герека содействовала этому выбору, поскольку он вырос на Западе и не так боялся соблазнов „капитализма”, как наши московские старцы.

На первый взгляд план Герека мог показаться разумным. Он видел, что Польша, со всей своей послевоенной индустриализацией, превратилась в техническое захолустье, что качество польских изделий и самый ассортимент их не позволяет Польше выйти на мировой рынок, а это не дает ей использовать единственное ее богатство — дешевую рабочую силу. На глазах у всего мира Испания пережила в шестидесятых годах „экономическое чудо”: эта страна, столь же бедная, как Польша, источниками сырья, с такой же неблагодарной землей, сумела создать современную промышленность и повысить свой жизненный уровень благодаря тому, что испанские рабочие и стремившиеся в города крестьяне

привыкли довольствоваться немногим и готовы были трудиться за небольшую долю того, что получали их собратья в более развитых странах. И они не могли потребовать слишком много, потому что полиция Франко опекала их не хуже польской „безпеки”. Почему бы не устроить польское экономическое чудо? Польские рабочие тоже получают от него какие-то выгоды, обзаведутся малолитражными машинами и оденут своих жен в модные тряпки, и все равно они останутся дешевой рабочей силой, — в этом весь фокус!

Чтобы правильно оценить план Герека, надо понять производственную систему, сложившуюся в Польше после войны, и отношение этой системы к современному мировому рынку. Как мы уже знаем, в Польше была проведена „индустриализация” по советскому образцу. Такая же индустриализация была у нас в тридцатые годы, она очень дорого стоила нашей стране, и полезно напомнить, к каким результатам она привела. По принятым тогда сталинским догмам создавалась преимущественно тяжелая индустрия, главной целью которой было производство машин. Должно было быть как можно больше тяжелой промышленности, а о легкой думали очень мало; иначе говоря, промышленный процесс не был направлен на удовлетворение человеческих потребностей, а рассматривался как самоцель. Иностранцы впоследствии называли эту экономическую систему „производством без потребления”. Важнейшими „плановыми показателями” были количество выплавленной стали, число сделанных подшипников, тракторов и автомобилей. При этом никого не беспокоило, что сталь расходовалась впустую, подшипники не нужны были для изготавливаемых машин, а тракторы и автомобили ржавели в снегу, потому что для них никто не запланировал построить сарай. Важно было лишь количество, число и проценты. Это называлось „плановым хозяйством” и противопоставлялось капитализму с его „анархией производства”. Согласованность производства должна достигаться в такой системе необычайной тщательностью планирования; но она никогда не достигается, если нет обратного воздействия потребления на производство, то есть

свободного рынка. На нынешнем кибернетическом языке это называется „системой без обратных связей”. Все это началось в годы первых „пятилеток” и продолжается по сей день.

Тяжелая промышленность была создана ценой чудовищных жертв и лишений. Были построены тракторные, автомобильные, станкостроительные заводы. Оборудование этих заводов поставили и смонтировали иностранные фирмы — главным образом американцы. Наша официальная история предпочитает об этом не вспоминать, приписывая все это отечественной технической мысли. По тем временам это были неплохие заводы, но уже при самой постройке они успели устареть, а технология их эксплуатации никогда не отвечала принятым на Западе нормам. Затем уже некогда и не на что было всю эту технику обновлять: невозможно было выжать из населения еще больше валюты, и вскоре началась война. Польская индустриализация равнялась на „передовую технику страны социализма”, которая была в действительности музеем американского старья. Это старье и должны были воспроизводить польские инженеры, многие из которых были квалифицированные специалисты, понимавшие, что происходит.

Если исключить военное производство, в конечном счете из этой системы должны были выйти товары, и кто-то должен был эти товары покупать. Польша давно уже стала промышленной страной, вынужденной вывозить свои изделия, чтобы ввозить продовольствие и сырье. Единственным рынком для польских товаров мог быть восточный рынок, главным образом, советский; на мировом рынке польские изделия не выдерживали конкуренции по той же причине, что и наши.

Дело в том, что мировой рынок представляет собой в наше время необычайно сложную систему, с точнейшей специализацией и обязательной международной кооперацией. В прошлом веке и еще в начале нынешнего почти все производимое в данной стране могло быть сделано из составных частей, сделанных в ней же; ввозились только некоторые виды

минерального сырья. В наше время так работать нельзя. Весь мировой рынок представляет теперь единое хозяйство, в котором каждый материал, каждая машина, нередко отдельная деталь вырабатывается в определенных местах, определенными предприятиями, специализирующимися на этих предметах. Их огромный технический опыт, накопленный десятилетиями, их капиталовложения, их часто уникальное оборудование позволяют им делать тот или иной предмет лучше, быстрее и дешевле, чем где-либо в другом месте. Воспроизвести или заменить все это оказывается очень дорого, а в ограниченное время просто невозможно. Поэтому всякий, кто хочет построить завод, изготовить машину или наладить производство какого-нибудь потребительского товара, должен знать, где выгоднее всего купить нужные для этого изделия. Сплошь и рядом желательный производитель находится в другой стране; приходится покупать множество всяких вещей за границей. Все решает экономический расчет. Кто не следует этому расчету и пытается сделать все собственными средствами из собственных материалов, у того качество товаров будет ниже, а затраты на их производство — выше. Но такие товары не смогут выдержать конкуренцию на мировом рынке, где спрос всегда вызывает обильное предложение. Впрочем, замкнутое народное хозяйство (автаркия) теперь невозможно уже из-за недостатка сырьевых ресурсов. Одна Россия обладает всеми видами возможного сырья, другие страны вынуждены импортировать, чтобы производить. Но и при самых богатых недрах автаркия ведет в тупик. Страна с замкнутой системой производства или включенная в систему нескольких стран, но изолированная от мирового рынка, вскоре превращается в музей устаревшей техники, и отсталость ее неизбежно растет. Она производит плохие и дорогостоящие товары, которые приходится защищать от конкуренции с помощью таможенных запретов или государственной монополии внешней торговли. И, конечно, без коренной реорганизации своей промышленной системы такая страна не может выйти на мировой рынок. Но такая реорганизация требует больших капиталов-

вложений, а необходимую для этого валюту можно выручить лишь на мировом рынке, продавая свои товары. Таким образом, автаркия заводит экономику страны в заколдованный круг.

Мы просим у читателя извинения за эти избитые истины, вероятно, известные ему по опыту нашей собственной страны. Некоторые истины столь важны, что их следует повторять, не спрашивая, насколько они известны. Согласно пословице, повторенье — мать ученья, и как раз в экономике самым очевидным образом расплачиваются те, кто не хочет учиться.

Что же делать, если нет денег на капиталовложения? Можно попытаться их занять. По этому пути и пошел Герек. Впрочем, он был не так уж оригинален. Влезли в долги и другие „страны социализма” — Венгрия, Румыния, ГДР. К тому же средству хотел прибегнуть и Брежнев — в то же время, в начале семидесятых годов; план его был скромнее плана Герека, но в том же роде, и главным содержанием его были займы. Брежнев выпрашивал займы в Америке, в Японии, в ФРГ, но ему почти ничего не дали. А Герек получил крупные займы, смог развернуть свой план и довел его до логического завершения.

На занятые деньги Герек хотел модернизировать польскую промышленность, купив на Западе новейшие машины и технологические разработки. Он ориентировал страну на трудоемкие, тонкие виды производства, требующие больших затрат квалифицированной рабочей силы, но небольшого количества сырья. Так всегда поступали страны с плотным населением и бедными ресурсами, а Польша была как раз такая страна. Польша должна была изготавливать сложные машины и приборы, электронное оборудование, все самое современное, производить все это современными методами в массовых масштабах — словом, подражать уже не испанцам, а японцам, которые и приводились полякам в пример, как образец трудолюбия, бережливости и практического смысла. Предполагалось, что поляки должны будут при этом довольствоваться, подобно японцам, скромным дохо-

дом, так что современные изделия будут дешевы и пойдут на мировой рынок, принося Польшу валюту. Тогда можно будет и расплатиться с долгами, а пока, во время реконструкции, на занятые деньги можно и кормиться. Это значит признать немножко из будущего богатства, а раз это богатство неизбежно придет — стоит ли экономить на мелочах!

Может показаться странным, что Гереку дали деньги на эту авантюру. Но он получил немалые даньги, 27 миллиардов долларов, что в расчете на душу населения представляет тяжкое бремя. Герек занял столько денег на Западе, что трудно представить себе, когда Польша сумеет выплатить свои долги. Возникает вопрос: почему Гереку удалось получить так много денег? Почему ему верили в долг?

Чтобы понять это, нам придется снова припомнить несколько избитых истин, на этот раз касающихся кредита.

Кредитор не делает одолжения своему клиенту, он вкладывает деньги с целью извлечения дохода. Это значит, что он получает с должника проценты, которые тот обязуется выплачивать в установленные сроки. Но это обычно не единственная и даже не главная цель кредита. Ростовщический кредит — торговля деньгами безотносительно к тому, на что они пойдут, — в наше время очень редок, и это совсем не тот вид кредита, который нас теперь интересует. В наше время обычно запрашивают кредит для определенной цели, для оплаты каких-нибудь закупок или проведения какого-нибудь проекта. Кредит предоставляет учреждение, заинтересованное в этих закупках или в этом проекте. Иногда это бывает фирма, желающая сбыть свою продукцию: она поставит свои товары в долг, в обмен на обязательство выплатить этот долг в определенный срок, иногда через много лет; тем временем покупатель выплачивает фирме проценты, так что в итоге товар обходится ему дороже, чем в случае покупки за наличные. Ясно, что фирма заинтересована в таком повышении стоимости товара: возвращения долга приходится ждать, но это не беспокоит фирму, поскольку тем временем поступают платежи по другим кредитам, предоставленным много лет назад. Таким образом расширя-

ется круг покупателей: наряду с „предусмотрительным” покупателем, накопившим нужные деньги и оплачивающим наличными, появляется „перспективный” покупатель, не имеющий пока наличных, но рассчитывающий их заработать за время контракта. В этом смысле надо понимать крылатую фразу „кредит — двигатель торговли”. Впрочем, предоставление кредита непосредственно фирмой, заинтересованной в сбыте своей продукции, — не очень распространенный случай в наше время. Теперь кредиты на покупку какого-нибудь товара предоставляет обычно банк, связанный с фирмой, выпускающей этот товар. Деловые отношения между банком и фирмой, которую он финансирует, доставляют банку не только проценты, поступающие от должника, но и другие выгоды, происходящие от расширения или поддержания производства. Наконец, существует еще государственный кредит, предоставляемый правительством той или иной страны через контролируемые им банки. Государственный кредит тоже дается под проценты, но эти проценты обычно меньше, чем в случае частного кредита, и цели его не столь прямолинейны. Он может, например, ставить себе целью стимулирование какой-нибудь отрасли промышленности своей страны или общее оживление деловой обстановки (конъюнктуры). В таких случаях кредит предоставляется для закупки изделий определенной фирмы или же вообще товаров своей страны. Это не значит, что государство получает за это от промышленности какое-то вознаграждение: стабилизация экономики часто является одной из главных целей внутренней политики. В других случаях государственный кредит преследует внешнеполитические цели и предназначается для стабилизации или развития экономики чужой страны или для неэкономических целей.

Ясно, что предоставление кредита, в особенности иностранному клиенту, требует гарантий. Если речь идет о фирме или учреждении в той же стране, то, очевидно, кредит может быть предоставлен в сумме, не превосходящей стоимости всего имущества клиента, с учетом всех его возможных обязательств. В случае неплатежеспособности клиента —

неуплаты процентов или основной массы долга в установленные договором сроки — кредитор обращается в суд, который налагает арест на имущество клиента и, в случае необходимости, распоряжается о продаже этого имущества с аукциона: вырученные деньги идут на покрытие долга. Неплатежеспособный клиент называется **банкротом**. Дела о банкротстве по закону подлежат публикации, так что фирма, не выполнившая своих обязательств, сразу же теряет всякий кредит, в соответствии с первоначальным смыслом этого слова („доверие”); обычно она прекращает на этом свое существование. Лица, виновные в умышленном банкротстве, подлежат уголовной ответственности. Таким образом, гарантией кредита служит имущество клиента.

Сложнее обстоит дело в случае иностранных кредитов. Если клиентом является фирма или учреждение, то, в принципе, долги могут быть взысканы через суд той страны, в которой действует эта фирма или учреждение, но для этого нужны юридические условия, создаваемые с помощью государственных договоров. Вопрос о гарантиях особенно осложняется, когда клиентом оказывается иностранное государство. Поскольку нас интересуют так называемые „социалистические” страны, где вся промышленная деятельность, финансы и внешняя торговля составляют государственную монополию, мы дальше рассматриваем именно этот случай. Возникает вопрос: каким образом можно взыскать долги с иностранного государства, когда оно отказывается платить? Легко понять, что это почти невозможно; во всяком случае, нельзя добиться уплаты долгов мирными средствами, войну же в качестве средства урегулирования платежей можно в наше время не принимать в расчет. Конечно, „государственное банкротство” представляет собой редкое явление в новой истории; в Европе когда-то бывали короли, отказывавшиеся платить долги, но это было очень давно. В 19 веке оказались банкротами Турция и Египет, монархии средневекового типа, попавшие в долговую зависимость к европейским кредиторам. Поскольку эти кредиторы имели решительное военное превосходство

над должниками, они навязали им международную финансовую опеку.

Первым примером государственного банкротства в двадцатом веке была советская Россия. Как известно, советское правительство отказалось платить „царские долги”, объяснив это идеологическими мотивами. Но международное право всегда связывало долг не с физическим, а с юридическим лицом должника: люди смертны, правительства не вечны, и тот, кто наследует имущество должника, тем самым наследует долг. Легко понять, что в противном случае вообще нельзя было бы вести дела. Поэтому и кредиторы России — государственные и частные банки — настаивали на преемственности русского долга, полагая, что советское правительство, унаследовавшее имущество царского правительства и вдобавок имущество всех частных предприятий, обязано уплатить то, что им причиталось. Банкиры нечувствительны к идеологии, они должны удовлетворить акционеров, доверивших им свои деньги. Октябрьская революция разорила не столько банкиров, сколько мелких держателей акций, особенно французских рантье, вложивших в русские займы свои сбережения. Финансовое банкротство советской России оставило тяжелый отпечаток на истории ее международных отношений. Оно задержало ее дипломатическое признание (в случае США — до 1933 года) и, главное, лишило ее кредита. Практически все заказы на оборудование приходилось оплачивать н а л и ч н о й в а л ю т о й. Ценой первых „пятилеток” была жизнь людей, из которых выжималась эта валюта, главным образом, голодающих крестьян, у которых насильственно изымались продукты для „демпинга” — продажи по любой цене на мировом рынке. Ужасы коллективизации имели, таким образом, экономическую причину: непосильные расходы на „индустриализацию” при невозможности получить кредит.

Во второй мировой войне Советский Союз оказался на стороне „западных демократий”, и им приходилось поддерживать его военную силу. Советское правительство получало оружие, материалы, продовольствие главным образом от

Соединенных Штатов — в виде займа, подлежащего возврату после войны; это был так называемый „ленд-лиз”. Ленд-лиз сыграл важную роль в победе над фашистской Германией; поскольку были периоды, когда в Советском Союзе полностью прекращалось производство важнейших стратегических материалов, сомнительно, чтобы эта победа была вообще возможна без ленд-лиза. Конечно, во время войны надо было любой ценой предотвратить крушение восточного фронта, и вопрос о гарантиях не возникал. Когда же война была выиграна, Сталин отказался платить долги по ленд-лизу, опять по идеологическим мотивам. Нас не интересует здесь основательность его рассуждений; достаточно отметить тот факт, что второе банкротство советского правительства не улучшило его шансы на кредит и обрекло хозяйство нашей страны на бесконечное прозябание автаркии.

Примеру советского правительства последовали правительства других „социалистических” стран, также отказавшихся платить довоенные и военные долги, а затем и некоторые некоммунистические режимы, возникшие после государственных переворотов. Во всех таких случаях ответственность за долги сваливалась на экспроприированных бывших хозяев, а поскольку у тех больше не оставалось имущества, то кредиторам приходилось подсчитывать все новые потери. Ясно, что в таких условиях ни одна фирма, ни один банк не хотел верить в долг „социалистическим” странам: они требовали г а р а н т и й.

После смерти Сталина советское правительство приложило много усилий, чтобы изменить это крайне невыгодное для него положение вещей. На Западе старательно поддерживалось впечатление, что „обычные”, не очень старые и не военные обязательства советское правительство все же выполняет. Действуя таким образом, Москва добилась некоторых краткосрочных кредитов для покупки самых необходимых товаров. Но это было слишком уж мало. Ведь теперь Россия должна была ввозить хлеб из Америки и Канады, мясо из Аргентины и Австралии, много такого, без чего раньше можно было обойтись. Ситуация в стране существен-

но изменилась: уже нельзя было доводить население до голодной смерти. Но кредитов недоставало, и приходилось из года в год отдавать за границу почти все добытое золото. Мы стали страной без хлебных и золотых резервов. Все это надо знать, потому что вскоре нам придется встретиться с вопросом: может ли московское правительство прокормить разорившуюся Польшу, и если не может, то почему?

При таких условиях не могло быть и речи о коренной перестройке хозяйства и выходе из технического тупика. Московскому правительству нужны были очень крупные и долгосрочные кредиты, и к началу семидесятых годов Брежнев начал хлопотать о таких займах — в то же время, что и Герек. Когда требовались капиталовложения, соразмерные с потребностями России, число возможных кредиторов сразу же свелось к минимуму. Кое-чем могли помочь ФРГ и Япония, но необходимо было получить финансовую поддержку самой богатой страны в мире — Соединенных Штатов. Естественно, американское правительство с осторожностью рассматривало перспективу модернизации своего главного политического врага, хотя бы и на деньги частных компаний. Да и частные компании, при всей соблазнительности нетронутого рынка, неисчерпаемых источников сырья и дешевой, покорной рабочей силы России, не торопились прийти на помощь Брежневу: они требовали г а р а н т и й.

Хотя внешняя торговля и составляет сравнительно небольшую часть американской экономической системы, механизм внешнеторговых операций давно установился, и вопрос о гарантиях решен американским законом. Американское правительство, заинтересованное в поддержании деловой активности, может предоставить такие гарантии американской компании, намеревающейся вложить свои деньги за границей. По закону гарантии предоставляет Экспортно-Импортный Банк Соединенных Штатов. Этот государственный банк может принять на себя обязательство компенсировать потери американского инвестора (вкладчика капитала) в случае, если его иностранный партнер откажется выполнить

свои обязательства, как это бывает в результате государственного переворота, национализации и т. п. Более того, Экспортно-Импортный Банк может, по его уставу, и дополнительно поощрить некоторое капиталовложение, предоставив тому же клиенту государственн ы й заем, не превышающий суммы частного займа. Но по тому же уставу банк имеет право предоставить гарантии лишь в том случае, когда капитал вкладывается в стране, пользующейся „режимом наиболее благоприятствуемой державы”.

Вокруг этого вопроса вращается вся машина отношений между двумя блоками, и уместно разъяснить, что означают только что приведенные слова.

Первоначально они означали определенный таможенный режим. Правительства двух стран заключали договор, устанавливавший таможенные тарифы на товары, ввозимые из одной страны в другую. Если впоследствии какая-нибудь третья страна вела переговоры с последней, то она обычно настаивала, чтобы тарифы на ее товары были не выше, чем установленные ранее. Постепенно выработалось требование, чтобы тарифы для данной страны были не выше, чем для любой другой страны, заключившей ранее таможенное соглашение; это и называлось „режимом наиболее благоприятствуемой державы”. Такой режим приходилось, естественно, предоставлять всем странам, с которыми не было особенных конфликтов; таким образом, речь идет не о какой-нибудь привилегии, а об общем правиле, и отступление от этого правила означает особое наказание для страны, не пользующейся этим режимом. Наказание может объясняться экономическими причинами (например, особой опасностью какого-нибудь товара для внутренней конкуренции) или политическими причинами, не связанными с определенным товаром; поскольку наказываемая страна не пользуется „наиболее благоприятствующим режимом”, торговля с нею облагается более высокими таможенными сборами, каждый раз по особому тарифу.

Конечно, таможенные сборы далеко не безразличны для

московского правительства, тем более, что некоторые виды современной техники и технической информации вообще запрещено вывозить в Советский Союз; но этот болезненный вопрос не может сравниться по значению с вопросом о займах. Москва много лет добивалась „режима наибольшего благоприятствования” ради американских кредитов. Американские компании всячески соблазнялись перспективами „экономического сотрудничества” с Россией — иначе говоря, эксплуатации народов России совместно с нашим правящим классом. Объективно у этого класса остался единственный выход: запродажа России иностранному капиталу, при котором партийные деятели могли бы сохранить за собой роль посредников (компрадоров). Но продать Россию трудно, да и колонизировать ее нелегко. Пока московское правительство не хочет идти на политические уступки, а затевает авантюры во всех частях света, американские правящие круги полагают, что серьезные сделки с Москвой придется отложить. Москва не может добиться „режима наибольшего благоприятствования”, а это значит — никаких гарантий и очень мало кредитов.

Посмотрим теперь, как выглядит вопрос о кредитах в применении к Польше. Польша всегда была слабым звеном советской системы, а с 1956 года в Польше были самые свободные, по меркам этой системы, условия внутренней жизни. Очевидно, всякая политика, ставящая себе целью ослабление советской системы, должна была ухватиться за это звено. Безусловно, такова была политическая линия каждой американской администрации, начиная с 1956 года, и это не могло быть иначе. Нынешняя советская пропаганда, жалующаяся на „подрывную деятельность” американцев по отношению к Польше, обвиняет их в том, что они преследуют свои собственные интересы, а не интересы Москвы. Но равновесие в мире может быть лишь результатом примирения интересов, и только советская пропаганда представляет его фантастической идиллией, в которой все народы жертвовали бы своими интересами для удовольствия московских правителей. Американцы преследовали свои интересы, но

их интересы совпадали с интересами польского народа, стремившегося к независимости от России. И если при этом мог быть разрушен сложившийся в Польше „социалистический строй”, то мы уже видели, каков был этот строй. Таким образом, американская политика ставила себе целью отколоть Польшу от советского блока, и с точки зрения польских интересов ее можно упрекнуть лишь в том, что она была недостаточно последовательна, слишком оглядывалась на Москву.

Герек разыгрывал независимость от Москвы, и хотя Польша продолжала входить в Варшавский пакт, хотя в Польше продолжали находиться советские войска, в этой игре Герека были, с западной точки зрения, определенные позитивные элементы. В самом деле, создание в Польше современной промышленности, ориентированной не на торговлю с Россией, а на мировой рынок, означало ослабление экономических связей Польши с Москвой. Как мы уже видели, мировой рынок представляет единую систему, и Польша, вмонтированная в эту систему, не могла бы без нее существовать. Каждый польский завод, построенный по западной лицензии, мог бы работать лишь при своевременной поставке материалов, оборудования и запасных частей, какие продаются лишь на западном рынке. Такое положение вещей могло быть выгодно Польше, если бы план Герека завершился успехом; но оно во всяком случае было выгодно его западным партнерам, и прежде всего американцам, преследовавшим свои политические цели. Можно понять, почему Гереку с начала его правления был предоставлен „режим наиболее благоприятствуемой державы” и, тем самым, гарантированный кредит.

Американцы, безусловно, рассчитывали отколоть Польшу от советского блока, но вовсе не ставили себе целью ее разорить. С их точки зрения, Польша могла извлечь выгоду из кредита, как извлекли ее страны Западной Европы из плана Маршалла. Они вряд ли понимали, к чему могут привести щедрые кредиты, предоставленные „социалистической” стране. Вряд ли понимал это и Герек с его кликой,

для которых это предприятие оказалось ловушкой. Герек и его люди думали только о себе. Они хотели спастись от хозяйственной катастрофы, но ухитрились ее ускорить.

Понимала ли Москва, что происходит? Если не говорить о старцах, борющихся за первоклассное медицинское обслуживание, то эксперты в Москве, каковы бы они ни были, не могли не понимать, что Польша отплывает в сторону, ведет свою собственную игру. Но к тому времени московским деятелям уже приходилось мириться с целым рядом таких явлений: каждая из „социалистических” стран мудрила по-своему в экономических делах, Венгрия ударилась в постоянный НЭП, Румыния совсем отбилась от рук, и приходилось довольствоваться жестами политической покорности, закрывая глаза на внутренние дела своих собратьев. Проще всего было не говорить старцам, что в Польше происходит что-то особенное. Не сомневаюсь, что именно таков механизм нашего нынешнего правительства.

Герек принялся за дело с большим размахом. Он искал деньги повсюду, не только в Соединенных Штатах. То обстоятельство, что американское правительство гарантировало Польше кредиты, создавало для нее благоприятную ситуацию и в других местах. Сотни частных банков и фирм решились принять участие в польском экономическом чуде; они всячески обхаживали разосланных повсюду польских эмиссаров, добиваясь заказов. Вокруг польской модернизации возник бум — небольшой по масштабам западной экономики, но для Польши совсем немалый.

У Герекки были причины торопиться. Два или три миллиона молодых людей, оканчивавших средние школы, должны были оказаться без работы: Польша всегда была перенаселенной страной, и, как только выравнивались демографические последствия войны, эта проблема встала во весь рост. Чтобы устроить эту молодежь, надо было создать миллионы рабочих мест. Это стимулировало гигантоманию, тенденцию к строительству огромных предприятий. Для этих предприятий строили новые здания, даже в тех случаях, когда можно было использовать старые: все начиналось с фундамента, за-

кладывалось одновременно множество фундаментов, и при этом очень мало думали, когда будут возведены здания на этих фундаментах, как будут связаны между собой построенные предприятия, куда они будут сбывать свою продукцию. Это был, как тогда выражалась польская пропаганда, „радостный творческий труд”: рабочие руки были заняты, и тех же кредитов хватало, чтобы наполнить желудки.

Чиновники, как всегда, следовали духу времени. Сторонники решительных перестроек и широких масштабов могли рассчитывать на поощрение; осторожные люди, делавшие возражения и подсчеты, рассматривались как консерваторы, лишенные творческого воображения. В каждом проекте выбирался самый внушительный вариант: это было залогом быстрой карьеры. В то время как во всем мире отказывались от громоздких автомобилей и переходили к малолитражным, Польша заложила автозавод, рассчитанный на производство самых дорогих машин, пожирающих как можно больше бензина. Кузова этих машин должен был штамповать прокатный стан, производительность которого была несоизмерима с этим заводом и вообще ни с чем не соотносима: его пускали в ход лишь для демонстрации, по случаю приезда разных делегаций, и отштампованных таких образом кузовов хватало с избытком. В большинстве случаев, впрочем, новые предприятия вообще не действовали, строительство без конца затягивалось, зачастую дело ограничивалось возведением огромных зданий без оборудования, и даже здания редко доводились до конца: Герек оставил потомству руины недостроенных корпусов. Чиновники всячески старались выполнить планы, любыми средствами создать впечатление, будто они выполняются. Нередко устраивались торжественные церемонии, изображавшие пуск какого-нибудь предприятия: приглашалась правительственная делегация, поворачивали рубильник, что-нибудь вертелось и стучало, а затем начальству подносили заранее припасенные изделия.

Дорогое оборудование, прибывавшее из-за границы, годами простаивало без употребления, а нередко, по хорошо

известным образцам, ржавело под дождем и снегом. Тем временем польские министерства переживали свой высший час, время неслыханных возможностей. Все допущенные к дележу кредитов запускали руки в даровую валюту. Чиновники устраивали себе под любым предлогом заграничные командировки. Когда деятелям министерства машиностроения захотелось прокатиться в Японию, решили заказать там автоматическую линию для производства станков: впоследствии никто не мог объяснить, зачем понадобились эти станки. Потом шестнадцать месяцев польские газеты рассказывали подробности этой вакханалии, называли местности, даты, имена — все шестнадцать месяцев польской свободы. И сказана была лишь небольшая часть правды, потому что было слишком мало свободы.

О чем же думали банкиры? Чтобы понять, что может выйти из кредитов в руках партийного аппарата, понадобилось бы гораздо больше воображения, чем можно ожидать от банкиров. Банкиры совсем не умны, они всего лишь специалисты. А общественное мнение Запада следовало вечной привычке — судить о других по самим себе. Конечно, на Западе предполагали, что Польша, взвалившая на себя тяжкое бремя долгов, примется работать над своей реконструкцией, работать столь же расчетливо и усердно, как страны Западной Европы, получившие по плану Маршалла кредиты для послевоенного восстановления. Конечно, никому на Западе не приходило в голову, что эти занятые деньги, которые придется в поте лица своего отрабатывать еще и следующему поколению, будут расточены, пущены на ветер или просто украдены польским партийным балаганом. Самый коварный план разорения Польши не мог бы привести к столь разрушительным последствиям — но не было такого плана: как сказал некогда Наполеон, „нет ничего более редкого, чем план”.

В Польше был поставлен исторический опыт, поучительный и для России. Надо полагать, банкиры тоже сделают из него свои выводы. Впрочем, как знать? Ведь банкиры — всего лишь специалисты. Те, кто даем им гарантии, тоже спе-

циалисты и тоже не станут платить из своего кармана. За все рассчитывается налогоплательщик.

Между тем в Польше была и прежняя промышленность, построенная в послевоенные годы или унаследованная от старых хозяев. Эту промышленность держали в черном теле, и она приходила в упадок. Правительство, устремленное к валютному будущему, относилось к ней, как к неприятной обузе. Можно было подумать, что элегантные жулики, наслаждавшиеся жизнью в Варшаве, стыдились собственного прошлого, всех этих ударных строек социализма, работая в дырявых ватниках и назойливой опеки с Востока.

Была, впрочем, одна старомодная отрасль промышленности, которой варшавские жулики уделяли внимание. Польша получила от Германии Силезский угольный бассейн, и это было для нее очень важно, поскольку страна лишена других источников энергии. В частности, в Польше практически нет нефти, и все жидкое горючее поставлял ей Советский Союз, что было экономически выгодно, но политически опасно. Уголь же в Польше есть, и ценность этого угля в семидесятые годы резко возросла в связи с катастрофическим повышением цен на нефть. Теперь выгодно было экспортировать уголь, он приносил валюту, а это было для Герека важнее всего. Он хотел получить от силезских шахтеров как можно больше угля на экспорт, но вовсе не хотел обновлять шахтное оборудование: для этого надо было в к л а д ы в а т ь в Силезии значительную часть поступающей от нее валюты, а это не имелось в виду. Как и вся „старая” промышленность, шахты ветшали, приходили в упадок. От технических условий зависит жизнь и здоровье людей, работающих под землей. Герек, как все ренегаты, относился к своим бывшим товарищам по классу с циничным расчетом. Он подкупал их подачками и льготами: это было дешевле, чем модернизировать шахты или даже содержать их в приличном виде. При всех этих подачках польский шахтер оставался самым дешевым шахтером в Европе — по этой причине польский уголь и мог выдержать конкуренцию на мировом рынке.

Когда силезские шахтеры уходили на пенсию, они были инвалиды, но далеко не все выдерживали до пенсионных пятидесяти лет. Ведь среди их болезней были силикоз, туберкулез, искривление позвоночника. И еще были взрывы и обвалы, потому что во всей Европе не было более запущенных шахт. В Силезском бассейне легче было получить квартиру, некоторые пытались развести огороды. Но воздух в угольных районах был так грязен, что овощи стали ядовиты: было официально запрещено их есть. Очень трудно было найти желающих работать на шахтах. Из семи подготовленных шахтеров оставался один.

Угольная политика Герека была не только преступлением против людей, но и технической авантюрой. Он стал на путь хищнической эксплуатации: приказано было разрабатывать шахты, не считаясь с потерями. На тонну добытого угля приходилось две или три тонны, похороненного в земле, потому что уголь нужен был как можно быстрее. Поскольку старые шахты истощались, а новые не закладывались, эта политика должна была привести к резкому падению добычи уже через десять-пятнадцать лет. Судьба польских шахт не вызывала сомнения: после Герека их ждал в буквальном смысле потоп.

Пока развертывалась вся эта промышленная эпопея, поляков надо было кормить. Некоторое время можно было кормить их на занятые деньги, но, очевидно, это не могло продолжаться долго. Польша всегда нуждалась в привозном продовольствии, особенно хлебе. С каждым годом труднее было получать продовольствие с востока, потому что возможности Москвы уменьшались. Единственным выходом было развитие собственного сельского хозяйства. Но польское сельское хозяйство не развивалось.

Как мы уже знаем, после реформы 1956 года польские крестьяне получили обратно свою землю, и Польша стала первой „социалистической” страной без колхозов. Около 15% земли осталось в совхозах, но 85% принадлежало частным владельцам. Можно было ожидать, что такая политика позволит разрешить продовольственную проблему или,

во всяком случае, уменьшить ее остроту. В советской России эта проблема исчезла (единственный раз в ее истории!) во время НЭПа, когда крестьянам — тогда еще обыкновенным крестьянам, а не колхозникам — было разрешено продавать свои продукты. Первое время, казалось, польская деревня вздохнула свободнее, и можно было надеяться, что дела пойдут лучше. Но дела шли из года в год все хуже.

Польша не похожа на Россию, и тем более нынешняя Польша на Россию двадцатых годов. Прежде всего, Россия богата плодородными землями и не очень густо населена, она всегда могла себя прокормить — до введения колхозной системы. В двадцатые годы подавляющее большинство населения жило в деревне и занималось сельским хозяйством, поэтому требовалось, в относительном выражении, не так уж много товарной продукции (избытка продукции, поступающего на рынок). Три человека, живших в деревне, могли прокормить одного горожанина даже с помощью примитивных методов хозяйства, без использования машин, химических удобрений и т. п. — достаточно было не мешать им производить продукты и не преграждать этим продуктам путь на рынок.

В Польше мало хороших земель, и больше половины населения живет теперь в городах. Сельское население все еще очень значительно, близко к городскому, но производство в крестьянских хозяйствах осталось почти столь же примитивным, как до войны. Конечно, после роспуска колхозов крестьяне не получили машин, их передали в совхозы. Формально крестьянин имеет право владеть сельскохозяйственными машинами, но ему их негде купить. Государственная промышленность производит их очень мало, ведь это старомодное производство, работающее для внутреннего потребления, и почти все, что производится, получают те же совхозы (а от них, естественно, нет никакого проку). Власть всегда рассматривала крестьянина как классово чуждый элемент, потенциальный зародыш капитализма. Ясно, что не зачем было вооружать его машинами: так он мог бы, пожалуй, разбогатеть, стать экономической и политической си-

лой. Итак, польскому крестьянину негде было взять машины. Точно так же он не мог добыть химические удобрения и ядохимикаты, чтобы повысить урожайность своей земли. Наконец, он не мог найти строительные материалы: починить дом стало для него трудной проблемой, и совсем уже невозможно было построить помещение для скота. Если прибавить еще, что в Польше невозможно было купить корма, то становится ясно, почему мясо превратилось в этой стране в социальную проблему и послужило поводом к революции.

Конечно, были исключения, для некоторых были обходные пути. В пригородных районах выгодно было торговать овощами; кое-кто преуспел, выращивая технические культуры. Появилась прослойка зажиточных крестьян, а при достаточных средствах в Польше можно было достать все. Все дефицитные вещи продавались за валюту, причем валюту разрешалось иметь на руках, и никто не спрашивал, откуда она взялась. Наконец, можно было купить что угодно у воров, от которых зависело производство и распределение, но за это надо было платить, как выражаются поляки, „соленую цену“. Такие пути были доступны немногим.

Крестьян всячески обременяли налогами и повинностями, им мешали продавать продукты, создавая всевозможные бюрократические преграды. Не допускалась никакая крестьянская самодеятельность — ни взаимопомощь, ни кооперация. Крестьянину трудно было купить даже самые обычные промышленные товары, потому что он вел в значительной степени „натуральное“ хозяйство, и если мог прокормить свою семью, то не имел свободных денег. Крестьянин не имел даже того жалкого медицинского обслуживания, какое получают горожане; в случае болезни он оказывался жертвой дорогих частных врачей. Он не пользовался правом на пенсию, не получал пособий — короче говоря, его держали в черном теле, рассматривая как гражданина второго сорта.

Противоречие между городом и деревней достигло в Польше остроты, небывалой в современной истории Евро-

пы: она стала чем-то вроде кентавра с „социалистической” передней половиной и „частнохозяйственной” задней.

Так было при Гомулке, и при Герече ничто не изменилось. Польская деревня впадала в летаргию. Бедность товарной продукции означала также недостаток средств на простое воспроизводство: крестьянское хозяйство обветшало. В Силезии полякам достались после войны превосходные крестьянские хозяйства, но их ни разу не ремонтировали после немцев. Герек и его клика не извлекли уроков из декабрьского расстрела. Они как будто не связывали работу польского крестьянина с пропитанием польского народа, рассматривали его как внутреннего врага и старались подорвать его хозяйственную силу. Мало того, Герек начал отбирать у крестьян землю, используя всевозможные предлоги. Главным предлогом было строительство: фундаменты и котлованы, подъездные пути и полосы отчуждения, склады, бараки — все это размещалось, по возможности, не на государственной и совхозной, а на крестьянской земле. Не обязательно было в самом деле строить, достаточно было заявить, что есть проект. У крестьян отбирали землю, испокон веку принадлежавшую их предкам, нередко улучшенную их трудом, и давали взамен негодную землю в неудобных местах или жалкое денежное вознаграждение. Это был крайне чувствительный удар для польского крестьянина — не только разорение, но и нравственное потрясение. Всем было ясно, что это начало зловещего плана, направленного на экспроприацию крестьянина, превращение его в городского или совхозного пролетария. Поскольку крестьянин не верил больше в долговечность своего хозяйства, он не стремился улучшить его, делая лишь то, что нужно было для пропитания семьи. Продовольствие все больше приходилось ввозить из-за границы.

Если бы Герек намеренно планировал голод, заранее создавая для него все предпосылки, он не мог бы достигнуть лучших результатов.

В середине семидесятых годов ни у кого уже не было сомнений, что второе польское „обновление” провалилось.

Занятые деньги были растрачены, а новая польская промышленность, задуманная Герексом, большей частью оставалась в виде недостроенных зданий. Да и те заводы, какие удалось пустить в ход, не оправдали возложенных на них надежд. Прежде всего, ничего не получилось с мировым рынком.

Мировой рынок был переполнен всевозможной продукцией, не находившей сбыта, и переживал глубокий спад деловой активности. Ближневосточная война 1973 года дала повод нефтяным компаниям вздуть цены на нефть; хотя нефти было еще много и не было никакой объективной угрозы, эта спекуляция вывела из равновесия неустойчивую экономику, давно вышедшую за рамки естественных возможностей. Шестидесятые годы были временем высшего расцвета для сложившейся после войны формы западной цивилизации, так называемого „общества массового потребления”. Запад научился производить невиданные до тех пор массы товаров и смог создать в так называемых „передовых” странах высокий уровень потребления. Между тем западная культура, породившая всю эту техническую организацию, потеряла к этому времени смысл существования. Дело в том, что экономика не является замкнутой системой, а существует для человека. Не может быть производства, независимого от потребления, но потребляет человек, и человек производит. Свойства человека имеют решающее значение для экономической жизни, и без учета этих свойств ее невозможно понять. Когда-то экономическая жизнь была лишь частью человеческой жизни, даже не самой важной частью. Христианская культура, из которой вышла так называемая „западная культура” нашего времени, ставила перед человеком не материальные, а духовные цели. Потребление не было для культуры самоцелью: по ее представлениям, человек был создан не для того, чтобы как можно лучше есть и одеваться, а вынужден есть и одеваться, чтобы достигнуть в своей земной жизни целей, поставленных богом. Я не пишу слово „бог” с большой буквы, потому что не верую в бога; но я пишу историю, а из истории бога выкинуть невоз-

можно. Жизнь европейских народов была невозможна без бога, религия выработала некоторый тип человека. Как все религии, христианство воспитывало в человеке честность, трудолюбие и ту особенную ответственность за свои поступки, которую русский язык обозначает словом „совесть”. Но христианство воспитывало в человеке также любознательность, хотя оно долго удерживало ее в лабиринте богословия. Потом любознательность сбросила с себя богословскую опеку, принялась исследовать окружающий мир, и тогда возникла наука. Побочным продуктом науки была технология, умение делать разные вещи как можно лучше и скорее, а главное — такие вещи, о возможности которых никто раньше не подозревал. За триста лет „технической цивилизации” весь человеческий мир переменялся. Под влиянием науки и технических достижений изменился и сам человек: он потерял веру в бога и в духовные цели жизни. Потеряло смысл религиозное воспитание, в человеке не вырабатывались больше честность, трудолюбие и требовательная совесть. Гуманисты, социалисты и другие сторонники прогресса не смогли заменить религию новой системой духовных ценностей и сами втянулись в процесс общего разложения. Таким образом сложилось „общество массового потребления”. Человек, живущий в этом обществе, лишен каких-либо целей, кроме животных потребностей и жажды общественного признания. Жадность и тщеславие заставляют его исполнять свои общественные функции, но прежней энергии в нем нет: он ленив, избалован и изнежен. Он совсем не похож на своих предков, не способен к тяжелому физическому труду, инициативе и ответственности, а попросту паразитирует на созданном предками богатстве.

Эта цивилизация, потерявшая смысл и направление, некоторое время продолжала двигаться по инерции. Техника и организация производства продолжали совершенствовать изготовление вещей. Делались вещи, какие можно было продать, а доведенное до маразма население позволило убедить себя, что нуждается во всех этих вещах и должно покупать все, что ему предлагают. Разложение общества особенно

затронуло молодежь, потерявшую доверие к своим отцам. Мораль, выпавшая из культуры, не могла больше существовать; это привело к разрушению семьи и к так называемой „сексуальной революции“. По дорогам Америки и Европы шатались длинноволосые „хиппи“, демонстрируя грязные рубахи, шприцы с наркотиками и ленивый разврат.

Древние греки считали, что человек достигает высшего расцвета своих сил примерно в сорок лет, а затем наступает упадок; они называли этот возраст словом „акме“. „Культура массового потребления“ миновала уже свой высший расцвет; по мнению ее собственных мыслителей, „акме“ ее приходится на середину шестидесятых годов. Затем наступил упадок, очевидный даже для потребителя: экономический спад. Искусственно раздутое потребление стимулировало производство, и обратно, производство искусственно раздувало потребление; финансовым выражением этого процесса было снижение стоимости денег — инфляция. Связь между „раздутым потреблением“ и инфляцией не вызывает сомнений, но механизм этой связи не вполне ясен. В прошлом всякий спад деловой активности приводил к уменьшению производства, снижению цен и, тем самым, возрастанию стоимости денег. Производство уменьшалось до тех пор, пока его не догонял спрос, а потом снова начинало расти; это был саморегулирующийся механизм, и, несмотря на периодически повторявшиеся кризисы, этот механизм регулировал западную экономику. Теперь происходит длительный спад деловой активности, но вместе с тем инфляция продолжает расти. По всей вероятности, это явление, ставящее в тупик экономистов, имеет неэкономические причины; для его объяснения надо вспомнить, что экономика не замкнутая система, и привлечь к рассмотрению человека. Но мы не можем здесь углубляться в этот вопрос. Во всяком случае, нынешняя нарастающая инфляция не имеет экономического объяснения и, как все необъяснимое, пугает.

Вспомните, как подготавливается взрыв в симфоническом оркестре. Инструменты продолжают вести свои партии, но фоном их служит медленно нарастающий гул, предваряю-

щий громовые удары финала. Инфляция — это близость конца.

В семидесятом году этого можно было не знать, но в семьдесят пятом это знали все, и каждый думал, как спасти свою шкуру в надвигающейся катастрофе. Легко представить себе, на что мог рассчитывать Герек, этот бодрый разносчик, вышедший со своим лотком продавать польские товары!

Польша была осуждена на восточный рынок. Она пыталась предложить ему некую имитацию западной продукции. Как это делалось, можно пояснить на примере. Вы знаете, может быть, польский проигрыватель „Вега”. В Польше делают его электронную и акустическую аппаратуру, за исключением звукоснимающей иглы. Высокое качество звука недостижимо без хорошей иглы, но такие иглы не умеют делать ни в Польше, ни в какой-нибудь другой стране восточного блока. Их приходится покупать в Соединенных Штатах или в ФРГ (вспомните, что было сказано выше о мировом рынке!). Поляки покупают иглы за валюту, вставляют их в свою весьма посредственную аппаратуру и сбывают ее в Советский Союз, где изготовляют деревянный футляр. Вот вам пример международной кооперации, насколько она полякам удастся: конечно, на Западе такой проигрыватель продать невозможно, но на Востоке и он достаточно хорош. В таких случаях Польша берет на себя роль посредника, сбывая в Советский Союз полузападные изделия или, гораздо чаще, товары, неосновательно претендующие на западную элегантность. Польский сатирик Лец сказал о своей стране: „Восток видит в нас Запад, а Запад видит в нас Восток”.

Кажется, читатель уже достаточно знаком с польским экономическим чудом, и можно перейти к общественным явлениям, подготовившим революцию.

Займы не могли разрешить трудности польской экономики, и это вскоре поняли сами займодавцы. В западной печати стали появляться неутешительные сведения о польских делах. Говорилось, что польское правительство не в состоянии

использовать полученные им кредиты (это было вполне справедливо), что в Польше недостает для этого квалифицированных специалистов и рабочей силы (это было отчасти верно, но далеко от подлинной причины неудач). Говорилось, что поставленное в кредит оборудование годами лежит без употребления и нередко портится от неправильных условий хранения. Оспаривалась целесообразность кредитов и выгодность дальнейших капиталовложений. Банкиры убедились, что польские министерства не могут быть надежными партнерами, что через них ничего нельзя делать. Удивительно, как они этого не знали заранее: может быть, их ввели в заблуждение европейские манеры эмиссаров Герек и видимая либеральность его режима. Не следует преувеличивать мудрость банкиров: вне своей специальности они ничего не смыслят, и в необычных условиях легко попадают впросак. Что касается чисто политических целей, то правительство Соединенных Штатов было, конечно, заинтересовано в дальнейшем отделении Польши от советского блока, и банкиры вполне разделяли взгляды своего правительства, но во всех случаях, не суливших им непосредственной выгоды, они предпочитали, чтобы расходы за хорошую политику нес налогоплательщик. Это означало, что кредитам пришел конец.

Летом 1976 года Герек вынужден был объявить частичное повышение цен. Ответом было широкое движение протеста польских рабочих, известное под именем „радомских событий”. В действительности были забастовки и демонстрации в ряде городов, но в Радоме, небольшом городе с населением меньше двухсот тысяч человек, они приняли особенно ожесточенный характер: рабочие разгромили отделения милиции и партийные учреждения. Волнения рабочих были подавлены, их избивали и разгоняли, но Герек не решился стрелять и отменил повышение цен. Он хотел сохранить „либеральное” лицо своего режима ради западных кредиторов, но дело было не только в этом. Когда надо принимать крайние решения, проявляется природа человека: Гомулка вышел из подполья, хоть и стал политическим ренегатом, а Ге-

рек был всего лишь аппаратчиком, то есть интриганом и воров. Такие люди боятся убивать. Они будут отдавать строгие приказы, из которых может произойти кровопролитие, но никогда не возьмут на себя личную ответственность за убийства.

Было арестовано около пятнадцати рабочих, но и этих скоро пришлось отпустить. Мировая печать подняла шум в защиту арестованных, что было вполне закономерно. Можно было убить миллионы людей в Камбодже, и это вызывало лишь слабую и неуверенную реакцию, потому что оттуда нельзя было получить достоверных данных, нельзя было послать туда корреспондентов и, наконец, это были азиаты, у которых такие способы обращения с собственным народом в порядке вещей. Но здесь речь шла о европейской стране, долго создававшей видимость законности и получавшей деньги на укрепление своих либеральных тенденций, в этой стране были иностранные корреспонденты, в нее трудно было не пустить юристов, профсоюзных деятелей и других заступников за права человека. Но самое главное — в Польше возникло политическое сопротивление. Группа польских интеллигентов основала КОР — Комитет защиты рабочих.

Надо отдать себе отчет в важности этого явления. В советской России режим не встречает организованного сопротивления со времени окончания гражданской войны, с 1920 года, а в 1927-28 году прекратилась и всякая политическая оппозиция внутри правящей партии. В захваченных Сталиным странах Восточной Европы были уничтожены все политические движения, а их активные деятели были истреблены. Условием существования этой системы является политический вакуум, искоренение всех зародышей политического мышления и политической организации и, вследствие этого, рабская зависимость населения от начальства. Такая общественная стерилизация целых наций приводит к закономерным результатам: существующая власть рассматривается как неизбежная внешняя действительность, нечто вроде географических или климатических условий, и всякое недо-

вольство направляется на путь нравственного протеста или какой-нибудь сохранившейся религии. Такова судьба обезглавленных наций.

Но для этого идеального порядка необходима регулярная прополка голов, иначе головы отрастают. Это и произошло в Польше, где с 1956 года не применялся террор. В Польше возродилось организованное сопротивление.

Прежде всего, это проявилось в политическом расчете. Как известно, „инакомыслящие” в Советском Союзе презирают всякий политический расчет, полагая, что только плохие люди рассчитывают последствия своих поступков, а хорошие должны непосредственно выражать свои чувства, не думая, что из этого может получиться. Такая идеология очень удобна для власти, и если бы ее не было, то начальству пришлось бы ее выдумать и внушить своим подопечным. Польские интеллигенты, учредивши КОР, не хотели облегчить Гереку его задачу. Они скрыли от властей подлинную структуру своей организации и выдвинули вперед группу известных польских писателей, ученых, художников, имевших особенные заслуги в антифашистском сопротивлении во время войны. Этих людей, занимавших почетное положение в иерархии польской культуры и польской истории, неудобно было арестовать, трудно было обвинить в том, что они агенты иностранной пропаганды. Используя все легальные возможности и не отказываясь от нелегальных, КОР установил связи с различными общественными кругами в Польше и за границей — в частности, с многочисленной и влиятельной польской эмиграцией. В дальнейшем он слился с другой организацией КОС — Комитетом общественной самозащиты — и стал называться КОС/КОР, но мы сохраним для него в нашем изложении краткое название КОР.

Теперь нам известны некоторые руководители КОР — Куронь, Михник, Модзелевский. Коровцы принадлежали к поколению людей, выросших в „народной” Польше, к началу революции им было по 40-50 лет. Как все поляки, они учились в школах и вузах, где им внушали казенную партийную идеологию, но в Польше все это принималось не слиш-

ком всерьез. Многие из них уверовали в реформы Гомулки и состояли в комсомоле и партии, некоторые писали в газетах и журналах. Эволюция режима Гомулки уничтожила у них все иллюзии и сделала из них решительных противников этого гнилого строя. Нам не известно их более глубокое мировоззрение; весьма вероятно, что они и не добивались единства взглядов по всем вопросам, а объединились для решения ближайших политических задач. Программа КОРа состоит в народном самоуправлении. Оно не сводится к обычному механизму парламентской демократии, а предлагает также экономическую демократию: предприятиями должны управлять свободно избранные рабочие организации, а в деревне должны быть созданы выборные организации крестьян при сохранении частной собственности на землю. В сущности, это близко к традиционной программе европейских социал-демократов, с той разницей, что у социал-демократов была другая исходная ситуация, и обобществление средств производства представлялось им длительным процессом, с неизбежным сохранением на некоторое время частной собственности в промышленности и частного землевладения. В странах „реального социализма”, где собственность на средства производства принадлежит не частным владельцам, а коллективному владельцу — правящей бюрократии, имеется совсем другая исходная ситуация. Здесь не приходится щадить старую систему производства из опасения его дезорганизации, поскольку „реальный социализм” не способен его организовать, и потому переходный период к „рабочему самоуправлению” может быть короче. С другой стороны, именно это обстоятельство вызывает опасения, так как быстрая перемена в способе организации народного хозяйства не позволяет постепенно разрабатывать новую его организацию при сохранении уровня жизни. На „реальный социализм” нельзя положиться в текущих экономических делах, у него ничему нельзя научиться, и трудно представить себе, чтобы с ним можно было мирно сосуществовать. Поэтому переход к новой организации производства может оказаться внезапным и выглядит прыжком

в неизвестность. Дальше мы увидим, каким образом КОР представлял себе переход к новой организации в польских условиях.

Программа КОРа не была детально разработана — во всяком случае, ее детальное изложение никогда не публиковалось. Это неудивительно, поскольку КОР был лишь зародышем политической партии и никогда не мог открыто развернуть свое знамя, прикрываясь профсоюзом „Солидарность”. Но общая установка КОРа ясна: его можно назвать социал-демократическим движением в условиях разлагающегося авторитарного режима. Коровцы вовсе не хотели реставрации капитализма, возвращения предприятий частным владельцам. В польских условиях это, впрочем, и не имело бы смысла, потому что большинство предприятий было построено уже после войны и никогда не имело частных владельцев. Они были социалисты в первоначальном, почти забытом у нас смысле этого слова: вместо „реального социализма” в кавычках они хотели устроить р е а л ь н ы й социализм без всяких кавычек. Маркс и Энгельс подали бы им руку, а шведские социал-демократы, осуществившие значительную часть их программы, видели в них товарищей и друзей.

Конечно, против такой программы можно сделать возражения. Одно из них состоит в том, что такая система предполагает невозможный экономический механизм, что без капиталистов и банкиров экономика не будет работать. Другое возражение делают те, кто связывает личную свободу с определенным способом производства: они полагают, что в обществе, где нет неограниченной свободы экономической деятельности, где индивид не может проявить свою „частную инициативу”, устроив собственный завод или банк, не может быть вообще никакой личной свободы и инициативы. Эти возражения не новы, они выдвигались каждый раз, когда нарушались частные интересы, например, интересы частных железных дорог; даже почта была когда-то частным предприятием, а общественное здравоохранение и социальное обеспечение, успешно действующие в некоторых странах, вызывают в других странах яростные нападки. Между

тем очевидно, что ограничения и контроль над экономической деятельностью неизбежны, а в сложном современном обществе неизбежно и общественное планирование. Как всегда, вопрос в том, где провести границу между свободой и несвободой, планом и частной инициативой. Но мы не можем углубляться в эту проблему. Равным образом мы не будем задаваться здесь вопросом, может ли существовать общество в том виде, как его представляли себе Маркс и Энгельс, или в том, как его хочет видеть КОР. Мы констатируем факт, что КОР — это группа социал-демократического направления, враждебная польской политической и экономической системе, но не желающая реставрации капитализма.

Коровцы ориентировались на рабочий класс, рассматривая его как главную движущую силу польского общества, способную разрушить существующий строй. Они вели также пропаганду среди интеллигенции и учащейся молодежи, но главной их целью было влияние на рабочих. Как мы уже видели, польский рабочий класс для этого достаточно созрел. Поскольку деятельность КОРа была и остается подпольной, мы можем судить о ней лишь по известным открытым проявлениям, то есть по тем формам работы, которые по замыслу КОРа проводились открыто или были раскрыты впоследствии, после Гданьского соглашения. Мы не знаем структуры и численности этой организации, и можно надеяться, что так же мало знают о ней ее враги. Известно, что после публичных выступлений группы общественных деятелей в защиту рабочих, вызванных радомскими событиями, КОР начал издавать нелегальную газету „Рабочий”¹, в которой уже в 1977 году была выдвинута концепция независимого профсоюза. По представлениям КОРа, такой профсоюз начал бы с защиты прямых материальных интересов рабочих от эксплуатации бюрократическим аппаратом, объединив рабочих вокруг этой общей для всех и полезной задачи; в дальнейшем независимый профсоюз должен был превратиться в школу воспитания рабочих, где они осознали бы необ-

1 Robotnik.

ходимость согласованных политических действий для обеспечения этих интересов и, наконец, должен был стать основой будущей рабочей партии. Все это кажется очень знакомым и невольно приводит на память еще один афоризм Леца: „Выход бывает обычно там, где когда-то был вход”.

В феврале 1978 года в Катовицах, в центре Силезского угольного бассейна, был образован „Комитет свободных профсоюзов”. Об этом было объявлено открыто, с широкой информацией в мировой печати, уделившей внимание такому странному событию. Затем были созданы комитеты профсоюзов в других местах, в особенности на Побережье; деятельность этих комитетов и их состав были в основном скрыты. Таким образом, у КОРа была законспирированная организация и, в то же время, открытое представительство в Польше и за границей. КОР устроил школу для наиболее развитых рабочих, отчасти уже проявивших себя во время декабрьских событий 1970 года. Эта школа готовила лидеров будущего независимого профсоюза; одним из ее учеников был электромонтер Лех Валенса, впоследствии возглавивший „Солидарность”, — ему было в то время около 35 лет.

Правительство Герека, конечно, препятствовало этой деятельности, лидеры КОРа или, во всяком случае, его известные представители много раз привлекались к суду и наказывались тюремным заключением. Но Герек боялся резких мер, не решался на крутые репрессии. Люди КОРа выходили из тюрьмы и снова брались за свое дело, их не пугали никакие меры начальства. Это были профессиональные политические деятели, не искавшие государственных должностей, ученых степеней или каких-либо иных видов официального признания. Они были осторожны, и в условиях польской „законности” трудно было вменить им что-нибудь в вину. Аппарат госбезопасности работал при Гереке довольно вяло: при таком режиме у „безпеки” были связаны руки. Герек был весьма ленивый правитель. Главным стражем его режима был секретарь ЦК ПОРП Станислав Каня, которому Ге-

рек поручил самые деликатные задачи — церковь, армию и государственную безопасность. Как показали дальнейшие события, Каня плохо справился со своим делом.

Шло лето 1980 года, и на очереди снова было повышение цен.

6. МЯСО И СВОБОДА

Первого июля восьмидесятого года польское правительство решило произвести „необходимые изменения на мясном рынке”, введя повышенные коммерческие цены на мясо и мясные изделия. Одновременно было объявлено о введении новых, весьма невыгодных для рабочих, тарифов заработной платы. Почти сразу же начались забастовки: в начале июля бастовали предприятия в Мельце, завод „Польмо” в Тчеве, крупнейший варшавский машиностроительный завод „Урсус”, затем предприятия в Свиднюке, водители автобусов в Жирардове, ряд заводов в Люблине и Люблинском воеводстве. Как было впоследствии признано на VI пленуме ЦК ПОРП, забастовки охватили 81 тысячу человек, 177 предприятий. „Трибуна люду” (что означает „Народная трибуна”) решительно выступила против рабочего движения, как это и подобает газете рабочей партии. Уже в этой первой реакции партийного лагеря можно найти все аргументы, выдуманные польским правящим аппаратом и без конца повторявшиеся впоследствии, как только народ поднимал свой голос:

„...Каждый день без работы при нынешнем положении... нашей страны, перед лицом стихийного бедствия, затронувшего ряд районов, углубляет существующие трудности, вызывает новые потери. Нереальные в данных условиях экономические требования, не вмещающиеся в напряженный бюджет, ведут лишь к дезориентации и фрустрации общества”.¹ Слово „фрустрация”, популярное на Западе, но еще не прижившееся в русском обиходном языке, означает состояние подавленности, психической угнетенности, следующее за неудачей. Герек понял, впрочем, что рабочие не удовлетворятся фрустрацией. Он отменил „коммерческие” цены в столовых и буфетах предприятий и урегулировал некоторые социальные вопросы. Забастовки приостановились, и Герек решил, что справился с положением. 9 июля он провел совещание партийно-хозяйственного актива. „Экономическое положение страны сложное, — объяснил он участникам совещания, — *но у нас есть хорошая программа действий*”.² После этого Герек уехал отдыхать в Крым, поразительным образом недооценив серьезность конфликта: как мы уже видели, бесконтрольная власть неизбежно приводит к потере чувства реальности. Герек не понимал, что цены на мясо были всего лишь поводом, обнаружившим глубокое недовольство, что речь шла о предметах гораздо более важных.

В начале августа началась новая волна забастовок. К 10 августа забастовками были охвачены многие предприятия в Лодзи, Калише, Вроцлаве, Варшаве и опять в Люблине. 14 августа вспыхнула забастовка на верфи имени Ленина в Гданьске — той же верфи, где в декабре 1970 года в рабочих

1 См. Irena Dryll, „Szanse Polski z pracą związane” („Шансы Польши связаны с работой”), „Trybuna Ludu” (далее в сносках — ТЛ), 4.8.80; цитата не совсем точная; многоточие после слова „положении” добавлено нами (ред. ОП); слова „нашей страны” и 2-е предложение в указ. ст. отсутствуют, но есть фраза: „...nierealne postulaty płacowe wzmagają napięcia na rynku” („...нереальные требования /повышения/ зарплат усиливают напряжения на рынке”).

2 Выдержки из этого выступления см. ТЛ, 10.7.80.

стреляли у ворот № 2. По-видимому, начальство старалось вначале приуменьшить значение происходящих событий. На следующий день Польское агентство печати сообщило: „На некоторых заводах и предприятиях имеют место перерывы в работе, во время которых выдвигаются требования, касающиеся зарплат, а также норм и организации труда и снабжения. На днях имели место нарушения работы городского транспорта в Варшаве. В среду и в четверг перерывы, затруднившие нормальный ход производства, имели место на предприятиях трикотажной промышленности „Сандра” в Александрове Лодзьском, на текстильно-швейных предприятиях „Теофилув” и в цехах Гданьской верфи”. Нетрудно понять, почему знаменитая в Польше Гданьская верфь была поставлена на последнее место, после малоизвестных фабрик, и почему речь шла о „цехах”, а не обо всей верфи. Первой реакцией на гданьскую забастовку было, таким образом, мелкое надувательство в печати.

Забастовка на Гданьской верфи быстро перекинулась на все предприятия Побережья. Гданьск, Гдыня и Щецин бросили работу в знак солидарности с товарищами. 16/VIII на Гданьской верфи возник Объединенный стачечный комитет,¹ выступивший от имени всех рабочих Гданьска. Во главе его стал Лех Валенса, один из руководителей рабочего движения в декабре 1970 года. Гданьский Объединенный стачечный комитет выдвинул 21 требование к правительству.² Важнейшими из этих требований были два: 1) *признание независимых от партии и работодателей свободных профсоюзов, как это вытекает из ратифицированной ПНР конвенции № 87 Международной организации труда о профсоюзных свободах,*³ и 2) *гарантия права на забастовку, а также безопасности бастующих и помогающих им лиц.* В тот же день Объединенный стачечный коми-

1 Так в тексте здесь и далее; точнее: „Межзаводской стачечный к-т”, „Межзаводской забастовочный к-т”.

2 Текст требований см. сс. 128 и сл..

3 См. с. 129, сн. 1.

тет в Щецине сформулировал список из 36 требований аналогичного содержания.

Таким образом, рабочие польского Побережья организовано вступили в борьбу с партийной бюрократией, выдвинув с самого начала политические требования. Впоследствии обе стороны — и правительство, и представители рабочих — поддерживали фикцию о не политическом, а чисто экономическом характере „рабочего протеста”. Ясно, зачем им нужна была эта фикция: партийная бюрократия пыталась создать видимость, будто рабочее движение не враждебно основам „социалистического строя”, а направлено лишь против „отдельных извращений” в экономической и социальной политике; рабочие лидеры, со своей стороны, придерживались выгодной для них тактики, не афишируя на первых порах своих отдаленных целей и подчеркивая легальный характер своих действий. В действительности, однако, политический характер выдвинутых забастовщиками требований был очевиден. Польские руководители невольно выболтали этот секрет в решениях VI пленума ЦК: „Вместе с присоединением к массовым забастовкам коллективов Побережья и созданием Объединенных стачечных комитетов, в особенности в Гданьске и Щецине, — говорится в этом официальном анализе происшедших событий, — предъявляемые бастующими коллективами требования принимают все более отчетливый политический оттенок, выступающий на первый план по мере развития ситуации. Широкую поддержку получает лозунг независимых самоуправляющихся профсоюзов, как своеобразной гарантии выполнения обязательств”.¹

Нетрудно понять, что в условиях „реального социализма” существование независимой организации — какова бы ни была область ее деятельности — представляет совершенно необычный и угрожающий всей системе политический факт, а безнаказанность ее руководителей и советников по существу отменяет аппарат запугивания и подавления, на котором держится система. В „странах социализма” нет и не

1 См. журн. „Nowe drogi”, 1980, № 10/11:44.

может быть н и к а к о й независимой от правительства деятельности, потому что режимы этих стран могут держаться лишь в условиях государственной монополии на в с е в и д ы деятельности и даже на все виды мышления. Всякая попытка независимой деятельности не только рассматривается властями как деятельность политическая, но и объективно я в л я е т с я политической деятельностью, поскольку подрывает фактическую основу существования режима. Юридическая сторона дела может обмануть в таких случаях лишь очень наивных людей, вроде советских диссидентов: там, где законы не применяются и даже издаются не с целью применения, юридические препирательства попросту заменяют им более продуктивные формы мышления, к которым они не способны. В Польше таких наивных людей нет, и всем ясно, о чем идет речь. Если в П о л ь ш е кто-нибудь утверждает, что занимается не политической деятельностью, а всего лишь экономической, социальной, культурной и т. д., то это очевидная т а к т и к а с целью избежать преследования по все еще действующим „законам”, а вовсе не уважительное отношение к этим „законам”.

Мы попытаемся теперь оценить все значение исторического поворота, происшедшего на польском Побережье осенью 1980 года. Впервые в истории коммунистической системы значительные слои рабочего класса осознали, что их экономические интересы не могут быть защищены без п о л и т и ч е с к и х гарантий. Рабочие западных стран знают, какой ценой досталось им право на забастовку. В Англии, Франции и Соединенных Штатах давно уже существовали избирательные системы со всеобщим и равным голосованием, давно было установлено равенство граждан перед законом, действовали политические партии, но рабочие союзы, все виды объединения рабочих для защиты своих интересов беспощадно преследовались государственной властью. Перечитайте роман Золя „Жерминаль”, вспомните чикагское побоище, в память которого установлен праздник Первого мая. В девятнадцатом веке в парламентах заседали представители имущих классов, в большинстве своем заинтересованные в

дешевизне и покорности рабочей силы. Право на забастовку отрицалось, участие в забастовках подводилось под статьи законов, говорившие о мятеже, подстрекательстве к беспорядкам, преступном сговоре, или же издавались особые законы, специально запрещавшие профессиональные союзы. Если в наши дни рабочие Запада избавились от нищеты и даже могут позволить себе многое, что было прежде привилегией их хозяев, то вовсе не потому, что хозяева стали добрее и щедрее. Простой рост производительности труда не приводит к таким результатам, как это видно на примере „первой промышленной революции” XVIII века: тогда английские капиталисты попросту положили все выгоды от „прогресса” себе в карман, а рабочие впали в еще худшую нищету. Нет, „прогресс” сам по себе не улучшает социальных отношений. Рабочие Западной Европы завоевали свое благополучие в яростной политической борьбе, тянувшейся несколько десятилетий. Их главным оружием была забастовка, и они прежде всего добивались юридически гарантированного права на забастовку. Рабочие „стран социализма”, попавшие в еще худшее рабство к своему „коллективному хозяину” — правящей бюрократии, — должны пройти тот же путь. У них нет другого пути: смешно рассчитывать, что живущие за их счет паразиты добровольно откажутся от своих привилегий. Жизнь всегда была борьбой — но можно надеяться, что средства борьбы со временем станут мягче. Забастовка — мягкое средство борьбы: она лучше гражданской войны.

Конечно, польские рабочие могли выдвинуть разумные политические требования лишь потому, что их забастовка была тщательно подготовлена заранее. Подготовка длилась по меньшей мере два года и принесла свои плоды. Прежде всего, у польских рабочих было сознательное руководство. Мы еще мало знаем о людях, возглавивших польскую революцию. Замечательно, что главную роль в ней играет простой рабочий — Лех Валенса. Это вовсе не подставная фигура, не орудие каких-то темных сил, как это пытается изобразить советская пропаганда, а независимый, самостоятельно мы-

слящий и трезвый политический деятель революции, лучше всех чувствующий настроение масс и соотношение сил в стране, умеющий ставить возможные цели в надлежащее время. Конечно, он должен был пройти хорошую школу — прежде всего школу жизни, но также и прямое учение у польских интеллигентов. Валенса отдает должное людям из КОРа, они ему во многом помогли. Молодым человеком Валенса участвовал в рабочем движении 1970 года — уже тогда он был одним из рабочих вождей. Но тогда движение вылилось в стихийный протест, в уличные беспорядки. Валенса извлек из этого уроки. Его увольняли с работы, не раз сажали в тюрьму, били в полицейских участках: европейский лоск Герека не мешал ему применять такие методы к рабочим. Валенса — электромонтер, но рабочая партия не стесняется, когда дело касается братьев по классу. К началу Гданьской забастовки Валенсе было 37 лет, у него было шестеро детей, и семья его жила в тесной двухкомнатной квартире.

Вопреки распространенному у нас мнению, политический деятель не обязательно должен быть проходимцем. Лех Валенса — человек высоконравственный и честный. Моральной опорой его является католическая религия. Он родом из Западной Польши, из Познанского воеводства, прежде принадлежавшего Германии. В этих местах, как говорят, поляки особенно практичны и деловиты. Валенса никогда не высказывал своих политических симпатий, но скорее всего он близок к христианско-демократическому направлению. Как у многих поляков, у него дома висит портрет Пилсудского: это скорее символ независимости Польши, чем политический образец. Пилсудский был шляхтич и мало заботился о рабочих. Лех Валенса, при выдающихся политических способностях, в остальном близок к среднему уровню и к обычным понятиям польских рабочих. Это может когда-нибудь оказаться его слабостью, если ему предстоит долгая политическая жизнь, но сегодня в этом его сила.

Может показаться парадоксальным, что первое подлинное рабочее движение, возникшее в „лагере социализма”, носит

отчетливый католический отпечаток, что во главе его стоят большею частью верующие и что на знамени „Солидарности” изображена богоматерь — „королева Польши”. Но это не столь удивительно в стране, где власть безбожников очень скоро оказалась властью воров и где религия осталась единственным прибежищем честности и приличия. Неверующие, конечно, не уверуют при виде этого парадокса, но могут извлечь из него урок.

Вернемся к польской революции. 16/VIII прибыл наконец из Крыма Герек. Вряд ли он осознал важность происходящих событий. Во всяком случае, в тот же день выступил по телевидению премьер Э. Бабюх — выступил с очень банальным призывом к рабочим. „Перерывами в работе и нарушением производственного ритма, — сказал он, — мы ничего в Польше не добьемся...”¹ Бабюх не предложил никакой новой программы, не обещал никаких изменений. Он призывал лишь к спокойствию, к добросовестности и дисциплине в повседневном труде. Через два дня, 18/VIII, стало уже ясно, что увещаниями ничего не добьешься, и Герек выступил по радио и телевидению с чем-то вроде самокритики. „Перерывы в работе многочисленных предприятий, происходящие поочередно в разных районах, — сказал он, — нарушают нормальный ход жизни, дезорганизуют производство, порождают напряжение...”² Мы понимаем, что наряду с рядом объективных факторов сыграли роль ошибки в экономической политике. Во многих областях практика разошлась с принципами последекабрьской политики партии. Мы не сумели вовремя заметить это и эффективно этому противодействовать... Но забастовки здесь ничего не меняют. Напротив, они увеличивают трудности в снабжении и производстве, нарушают нормальную жизнь общества. Мы должны прийти к соглашению и вместе найти другой выход”.³

19/VIII, когда забастовка охватила Щецин и Эльблонг, Герек направил на Побережье две правительственные ко-

1 ТЛ, 16-17. 8.80.

2 Многоточие добавлено нами. — Ред.

3 ТЛ, 19.8.80.

миссии. В Гданьск поехали председатель Государственного совета Г. Яблоньский, секретарь ЦК С. Каня и заместитель премьера Т. Пыка, в Щецин — премьер Э. Бабюх и секретари ЦК Е. Лукашевич и К. Барчиковский.¹ В Гданьске, на заседании воеводского комитета ПОРП, С. Каня сказал: *„Нынешний конфликт надо решать только политическими средствами. Других средств нет и не может быть”*.² По-видимому, это означало, что Герек не решился пустить в ход силу. Конечно, он помнил Познань, помнил гданьский расстрел 70-го года и радомские волнения 76-го. Может быть, сказала и самая личность Герека: он был, как уже говорилось выше, не политический игрок вроде Гомулки, прошедший подполье и тюрьму, а кабинетный интриган, никогда не подвергавшийся личной опасности, и очень вероятно, что человек этого рода боялся взять на себя решение стрелять. Но скорее всего Герек не был уверен, можно ли положиться на солдат. Министром обороны Польши — на которую, к счастью, никто не нападал — оставался все тот же политический генерал Ярузельский; как говорят в Польше, Герек запросил его, можно ли использовать армию против рабочих, и храбрый генерал снова заявил своему начальнику, что его армия ненадежна, — как он уже говорил прежде Гомулке. Этот мужественный ответ увеличил популярность генерала. В трудную минуту Герек мог рассчитывать только на тех, кто должен был пасть вместе с ним: такова лояльность партийных кадров. Ярузельский уже присматривался к положению Герека и обдумывал, не выгодно ли его предать.

20/VIII по всей стране начались собрания партийных организаций, на которых „зачитывалось” письмо Секретариата

1 Неточности в тексте: забастовка в Щецине началась 18, в Эльблонге — 19; Яблоньский, Каня и Пыка поехали в Гданьск 18, Бабюх, Лукашевич и Барчиковский — в Щецин 19 (ТЛ, 19 и 20.8.80). „Ю. Лукашевич”, „Барчиковский” (здесь и далее) — опечатки.

2 Цитата не проверена.

ЦК ПОРП о положении в стране.¹ В письме говорилось, что простой и перерывы в производстве являются самым дорогостоящим способом защиты интересов коллективов. Кроме того, на собраниях обращалось внимание на „активизацию антисоциалистических элементов”. Оказывается, некие „антисоциалистические элементы” обманывают и подстрекают хороших польских рабочих, всецело преданных социализму. Эта нехитрая выдумка будет без конца повторяться в дальнейшем.

Между тем в Гданьске вице-премьер Т. Пыка вел переговоры с Объединенным стачечным комитетом. Пыка плохо понимал положение, держал себя с барским высокомерием и прибегал к угрозам. Рабочие отвечали ему невежливым любопытством по поводу его личных обстоятельств, например, построенных им в разных частях Польши вилл. Как известно, партийные чинуши не умеют наслаждаться жизнью и компенсируют свою человеческую бездарность простым повторением. Но в Польше, в отличие от нашей страны, все обо всем знают.

Пыка раздражался, выходил из себя, он оказался плохим дипломатом; кажется, в какой-то момент он даже самовольно прервал переговоры. На Пыку свалили ответственность за провал: его обвинили в том, что он „отказался вести переговоры с Объединенным стачечным комитетом, что привело к расширению забастовок”. В трудную минуту аппаратчики сразу же приносят в жертву кого-нибудь из своих. 20/VIII Пыку отозвали, и вместо него был прислан другой вице-премьер, Мечислав Ягельский.² Мы приводим его полное имя, потому что этот деятель милостью польских рабочих вошел в историю.

В тот же день начались забастовки солидарности в Кракове, Варшаве, Торуні.

1 Об этом см. ТЛ, 21.8.80. Выдержки из письма по-рус. см. в сб. „Польша 1980: „Солидарности” год первый” (сост. — В. Малышев), Лондон, 1981, с. 160—161.

2 Ягельский прибыл в Гданьск 21.8.80 (ТЛ, 22.8.80).

Герек решил провести опасный политический маневр, все еще надеясь сохранить власть: он пожертвовал большей частью партийного руководства, рассчитывая свалить на этих людей ответственность и успокоить общее негодование. Было признано, что допущены серьезные ошибки, и разыграна комедия изгнания виновных. Вместо них были призваны обратно партийные деятели, в свое время не поладившие с Гереком и выброшенные им из Политбюро; главными из них были С. Ольшовский и Т. Грабский. Тем самым признавалось, что эти попавшие в немилость деятели были правы, а выгнавший их Герек был неправ. Герек надеялся отделаться таким косвенным покаянием и сохранить за собой положение главы государства, вроде конституционного короля, увольняющего в отставку непопулярных министров. Но он не родился на троне, и замысел его был наивен.

24/VIII в Варшаве состоялся IV пленум ЦК ПОРП. На этом пленуме Герек отмалчивался,¹ выпустив вместо себя секретаря ЦК Станислава Каню, преданного ему человека. Каня отвечал в ЦК за армию, госбезопасность и церковь — иначе говоря, за самые ответственные дела, связанные с прочностью режима. Отсюда ясно, что Герек считал его вполне надежным человеком, а поскольку сам он не очень утруждал себя работой, то Каня контролировал весь аппарат принуждения, на котором держался режим. Но Каня не отвечал за экономику, как не отвечал за нее и генерал Ярузельский. Он был удобным человеком для критики допущенных ошибок и извращений. Правда, руководство госбезопасностью, хотя бы в виде партийного надзора, придавало ему несколько неприятный запах, но ведь при Гереке польская „безпека” все-таки не стреляла. И вот Каня, вернувшийся с Побережья, где он предусмотрительно не вел переговоров с рабочими, предоставив это другим, выступил на пленуме с информацией о создавшемся положении.

„Мы имеем дело, — сказал Каня, — с широчайшим в истории народной Польши рабочим протестом. Протестом про-

1 Неточность в тексте; текст выступления Герека см. в ТЛ, 25.8.80.

тив ошибок в политике государства. Против плохих методов хозяйствования и управления странной”¹

Таким образом, были сказаны роковые слова: забастовки не были осуждены как безответственные действия неосознательного меньшинства, подстрекаемого какими-нибудь „агентами ЦРУ” или „антисоциалистическими элементами”; забастовки были, оказывается, законным рабочим протестом, которому партия должна была пойти навстречу. Затем было принесено в жертву целое стадо козлов отпущения, как это было предусмотрено коварным „главой государства”. ЦК вывел из Политбюро премьера Э. Бабюха, секретаря ЦК по идеологии и пропаганде Е. Лукашевича, председателя Центрального совета профсоюзов (ЦСПС) Я.² Шидляка, ответственного за экономическое планирование Т. Вжащика, освободил от обязанностей кандидатов в члены Политбюро Т. Пыку и З. Жандаровского. Были назначены членами Политбюро С. Ольшовский (которого Герек отправил в почетную ссылку — на должность посла в ГДР) и Ю. Пиньковский, кандидатами в члены Политбюро — Е.³ Ващук и А. Жабиньский, секретарями ЦК — С. Ольшовский и Э. Войташек. В члены ЦК был кооптирован Т. Грабский. Государственный совет назначил премьером Ю. Пиньковского и заменил ряд министров. В особенности бросалась в глаза замена председателя Комитета по радио и телевидению М. Щепаньского, с именем которого был связан громкий скандал; к этому герою коррупции мы еще вернемся.

Жертвы были принесены, но это не произвело на рабочих никакого впечатления. В ряде воеводств — Гданьском, Эльблонгском, Слупском, Кошалинском и Щецинском — началась уже всеобщая забастовка. О событиях в Польше впервые сообщили средства массовой информации „социалистических” стран. Переговоры в Гданьске, по-видимому, зашли в тупик, и Герек пытался запугать забастовщиков, отрезав

1 См. журн. „Nowe drogi”, 1980, № 9:19.

2 В тексте здесь и далее „Ю. Шидляк” — опечатка.

3 В тексте „Ю. Ващук” — опечатка.

город от страны, прервав с ним почтовую и телефонную связь. Забастовщики отказались продолжать переговоры, пока связь не восстановят. 26/VIII связь была восстановлена, и переговоры возобновились. Это было самое удивительное явление за всю историю коммунистического режима. Рабочие настояли на том, чтобы переговоры были открытыми: их транслировали по местному радио прямо из комнаты заседаний. Таким образом, весь город Гданьск слышал прямой и откровенный разговор рабочих с представителями опозоренной, перешедшей к обороне власти. Все постыдное, о чем можно было упоминать лишь в частных разговорах, было названо своими именами. Рабочие не были одиноки в этой схватке с правительственным аппаратом: у них был свой собственный штаб советников и экспертов; некоторые были из КОРа, другие от церкви (разумеется, неофициально). Несомненно, на стороне рабочих были весьма квалифицированные экономисты и юристы — они составили хорошо продуманные пункты Гданьского соглашения. Правительству служили чиновники, рабочим служили честные люди, сознательно шедшие на риск. Экспертные комиссии заседали отдельно, их заседания были закрытыми, с согласия обеих сторон.

Рабочие давно готовились к забастовке. Они запасли продовольствие и медикаменты, заранее подготовили врачей. А главное, у них было руководство — люди, которым они доверяли. Из этих людей и составили забастовочный комитет. Председателем комитета был Валенса, рабочие доверяли ему и не хотели никого другого. Это был уже не стихийный мятеж, как в декабре семидесятого года, а организованная забастовка. Рабочие заняли свои предприятия, не работали и не пускали туда посторонних — это самая эффективная форма забастовочной борьбы. Если бы и нашлись штрейкбрехеры, они не смогли бы приступить к работе. Но их и не было — рабочие все были на стороне забастовщиков. Объединенный стачечный комитет заботливо следил за порядком, чтобы не дать властям повода применить силу. Особенно важно было не допустить в городе пьянства; комитет по-

требовал от гданьских властей прекратить продажу алкогольных напитков. Требование было выполнено, и в городе соблюдалась трезвость; более того, растерявшееся начальство, впервые столкнувшееся с рабочей организацией, само спрашивало комитет, что ему делать. Получилось так, что реальная власть в городе перешла к забастовочному комитету: он решал, какой транспорт должен ходить и какой не должен. На Побережье бастовало 190.000 рабочих, и за 18 дней забастовки не было разбито ни одного стекла!

Можно спросить, почему государственная машина допустила всю эту забастовочную идилию, почему не была применена с и л а? Причина такого миролюбия вовсе не в гуманности партийного руководства, а в его внутренних законах. Тот, кто отдал бы приказ применить силу, мог бы вызывать непредвиденные последствия и знал бы, что в случае неудачи вину свалят на него. Крайняя слабость партийного аппарата состоит в том, что партийные чиновники не способны ни к какой лояльности по отношению друг к другу или к своему государству. Им недоступна корпоративная солидарность даже перед лицом общей опасности: каждый думает только о себе, каждый готов предать своих начальников, своих сослуживцев и подчиненных. Даже армия в таком государстве не способна добросовестно выполнять приказы, лишена всякого чувства чести и держится только на страхе. Поэтому я не верю в прочность польской военной диктатуры, не верю и в прочность военной хунты, которая будет у нас. Любые фанатики, любые клики полковников и генералов, состоящие из сколько-нибудь храбрых и лояльных людей, имеют огромное превосходство перед коммунистическим аппаратом на его нынешней стадии разложения. Робость Запада по отношению к Москве объясняется тем, что там не знают еще этой тайны. Шестнадцать месяцев польской свободы, при мирном поведении безоружных рабочих, можно объяснить только ж а л к и м б е с с и л и е м р е ж и м а. Мы внимательно проследим весь ход событий и должны будем в этом убедиться.

Я предвижу вопрос: почему же этот слабый режим все

еще держится в России? Потому что не встречает н и к а к о г о сопротивления. Потому что кровавые чистки истребили в прошлых поколениях всех, кто мог сопротивляться, и прервалась самая традиция, рождающая сопротивление. Но она может возродиться, пока жив человеческий дух, а воры не могут создать н и к а к о й традиции, традиция власти невозможна без верности и чести. И как только режим встретится с серьезным сопротивлением, он рухнет, как картонный домик. Я заметил, что польские события все же произвели впечатление: на Западе уже рассуждают, что может вызвать внезапный крах советской империи и не лучше ли воздержаться от некоторых мер, чтобы она не свалилась сразу, а постепенно сгнила!

Переговоры в Гданьске продолжались. К ним было приковано внимание всего мира. Польша и до того была сравнительно доступна иностранным корреспондентам: как мы уже знаем, при Гереке рабочих били в милицейских участках, но режим нуждался в займах и хотел выглядеть либеральным. Теперь, когда рабочие решительно потребовали гласности переговоров, установились примерно такие же условия, какие бывают в западном мире вокруг сенсационных событий: сотни корреспондентов печати, радио и телевидения всех стран съехались в Гданьск, и необыкновенные события, происходившие в этом городе, не сходили с газетных страниц и телевизионных экранов. Этот общий интерес к переговорам был выгоден забастовщикам: в такой ситуации правительству трудно было что-нибудь скрыть и опаснее было применить силу.

Церковь, как всегда, призывала к примирению и спокойствию. 26/VIII примас Польши кардинал Вышиньский произнес в Ченстохове проповедь, из которой телевидение транслировало выдержки.¹ Конечно, власти рассчитывали таким образом успокоить публику; что касается церкви, то она, как всегда, преследовала собственные политические цели. Кардинал говорил о необходимости уважать религиозно-

¹ Выдержки из проповеди см. также в ТЛ, 27.8.80.

моральный порядок в жизни народа, о необходимости порядка в семейной, общественно-профессиональной и национальной жизни. Смысл этих условных выражений все в Польше понимали. Если, например, церковь говорила о семье и морали, что было по ее части и не могло вызвать обвинения в политической деятельности, то из контекста всегда было ясно, что имеются в виду такие нарушения семейной жизни и нравственного порядка, как принуждение к работе по воскресеньям или посягательство на крестьянское хозяйство. Если же церковь призывала к примирению, то это означало уступки со стороны власти, а не со стороны рабочих, которым нечего было уступать. Как сказано в „Коммунистическом манифесте”, пролетариям нечего терять, кроме своих цепей.

Между тем правительство принимало срочные меры. 25/VIII министр финансов признал в интервью для телевидения,¹ что внешний долг Польши достиг 20 миллиардов долларов. Это должно было создать впечатление, будто новое правительство откровенно с народом, но откровенность была неполной: одним только западным странам Польша должна была около 27 миллиардов. На международных валютных биржах золото поднялось в цене, что связывалось с польскими событиями. Как только крупные капиталовложения оказываются под угрозой, биржа реагирует на это повышением курса драгоценных металлов и устойчивой валюты.

26/VIII были сделаны первые шаги в отношении официальных профсоюзов, представлявших с самого начала одну из кормушек для бюрократов. Надо было создать впечатление, будто в этом учреждении что-то меняется: председатель ЦСПС Я. Шидляк был снят со своего поста² и, как сообщалось, „был произведен критический анализ деятельности профсоюзного движения”.² Естественно, в создавшейся обстановке на это никто не обратил внимания.

1 Мариан Кжак (об интервью см. ТЛ, 26.8.80).

2 На его место был назначен Ромуальд Янковский (ТЛ, 27.8.80).

На следующий день Совет министров принял срочные решения: о дополнительном импорте мяса и замораживании цен на мясо до осени 1981 года; о возобновлении продажи сахара по карточкам; об увеличении продажи угля. В этот же день гальванизировали труп Объединенной крестьянской партии, одной из марионеточных партий правительственного „блока”. Эта партия заявила, что все спорные вопросы и требования забастовочных комитетов должны решаться в духе диалога и взаимопонимания, в духе полного уважения польских государственных интересов. „Крестьянская партия” высказалась также за необходимость коренной реформы системы планирования и администрации, за укрепление роли Сейма и „рад народных” (местных советов), за расширение контроля над ценами и доходами населения, за приведение скупочных цен в сельском хозяйстве в соответствие с изменениями в стоимости производства, за укрепление доверия крестьян к возможности развития их хозяйств.

Очевидно, это был план очередной мнимой реформы, и план этот никого не мог обмануть. Интереснее то обстоятельство, что в тот же день комсомольская газета „Штандар Млодых”¹ опубликовала полный список требований забастовщиков. Возникает вопрос: почему именно эта газета? Здесь уже вряд ли можно предположить какую-то особенную тактику властей; просто система власти начала уже расшатываться, и печать „явочным порядком” освобождалась от контроля.

Переговоры в Гданьске продолжались. Власти готовы были на все уступки, кроме одной: они не хотели разрешить независимые профсоюзы. Всем было ясно, что в этом существо дела: без политической гарантии в виде независимой рабочей организации, со всеми вытекающими отсюда следствиями (правом на забастовку, безнаказанностью руководства и советников, правом на информацию), никакие обещания властей не заслуживали ни малейшего доверия. Партийный аппарат должен был сделать уступку, равносильную

1 27.8.80.

изменению государственного строя. Естественно, что чиновники отчаянно сопротивлялись, понимая, что в новом строе, который установится после соглашения, для них не будет места, что они смогут тогда держаться лишь в качестве советской агентуры, лишь прямой военной поддержкой Москвы. Это их вовсе не устраивало, потому что вмешательство Москвы означало бы полную перемену кадров и тем самым возможную потерю должности для каждого бюрократа. Все уступки, какие когда-либо делает коммунистический режим, имеют тактический характер: если под нажимом что-нибудь дают, то с намерением при первой возможности взять обратно. Это связано с самой природой такого режима, лишенного всякой гибкости, неспособного к компромиссам и к сознательной эволюции. Бессознательная эволюция, конечно, происходит: все постепенно гниет.

Бюрократы страшились допустить независимые профсоюзы даже в качестве временной уступки, потому что опасались вызвать неконтролируемое развитие событий. Но 29/VIII началась забастовка шахтеров Силезии. Шахтеров было 300.000, Герек слишком хорошо знал их. Забастовку не удалось запереть на Побережье, она становилась всеобщей, и Герек решил уступить.

30/VIII уполномоченные правительства (Ягельский в Гданьске, Барциковский в Щецине) пришли к соглашению с забастовщиками, приняв независимые профсоюзы. В Щецине соглашение было подписано в тот же день, в Гданьске отложили на следующий. Тотчас же в Варшаве был созван V пленум ЦК. Заседанием руководил Герек, но трудно сказать, в чьих руках была в тот момент реальная власть. События, происходящие внутри замкнутой клики, нередко остаются тайной для внешнего мира. Во всяком случае, с информацией о положении в стране выступил Каня. ЦК принял к сведению отчет правительственной комиссии из Гданьска и Щецина, одоблив его. Так изменился польский государственный строй.

На следующий день, 31/VIII, на Гданьской верфи имени Ленина было подписано соглашение между польским прави-

тельством и Объединенным стачечным комитетом. Аналогичное соглашение было накануне подписано в Щецине, и всем было ясно, что речь идет не об отдельных предприятиях, а о правовом и общественном порядке всей страны. Подписание состоялось в актовом зале верфи им. Ленина, до отказа набитом рабочими и представителями печати. Все происходило в поле зрения телевизионных камер, польских и иностранных. Рядом с бюстом Ленина был установлен по требованию забастовщиков большой крест. Корреспонденты пытались взять у Валенсы интервью, но тот был немногословен. Один из них спросил, понимает ли он, что стал исторической фигурой. „Это мне безразлично, — ответил Валенса, — мне надо лишь, чтобы соблюдалось соглашение”. Затем Валенса и Ягельский вышли из здания. У Валенсы, как видно на газетных фотографиях, было довольное, но сдержанное выражение лица; Ягельский выглядел мрачно.

В эту минуту надо было что-нибудь сказать. Валенса сказал: *„Мы в самом деле договорились, как поляк с поляком, без применения силы, только и исключительно путем бесед и переговоров, с небольшими уступками, и так должно быть всегда”*. Ягельский сказал: *„Здесь нет выигравших и проигравших, выиграла Польша”*.¹

Независимые самоуправляющиеся профсоюзы приняли имя „Солидарность”.

¹ О подписании соглашений в Щецине и Гданьске см. ТЛ, 1.9.80. В тексте неточность: цитир. слова Валенсы содержатся в его речи, произнесенной ДО подписания соглашения (там же).

7. ГДАНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

У рабочих было много отдельных претензий. 1/IX все еще бастовали шахтеры Верхней Силезии, к ним присоединилась шахта „Вуек” в Катовицах. Для рассмотрения требований шахтеров была создана комиссия под председательством вице-премьера А. Копца. 3/IX в Ястжембе, близ Катовиц, было заключено соглашение с шахтерами. С этих пор, ссылаясь на „общественные соглашения”, имеют в виду три документа, подписанные в Гданьске, Щецине и Ястжембе. Содержание их аналогично, но каждый включает некоторые специальные вопросы, касающиеся отдельных предприятий. Полный текст соглашений был опубликован в газетах „Жиче Варшавы”¹ (варшавская городская газета), „Глос Працы”¹ (орган официальных профсоюзов) и „Слово Повсехне”¹ (католическая газета); остальные газеты поместили пространное изложение.

Ниже приводится полный текст Гданьского соглашения. Комментарии, сопровождающие текст, заключены в квадратные скобки.²

1 2.9.80. Опубликован также, напр., в кат. журнале „Więz”, 1980, № 9: 3–13.

2 Др. рус. переводы см. в сб. „Солидарность. О рабочем движении в Польше и о раб. движении в России”, Франкфурт-на-Майне, 1980, с. 116–136; сб. „Польша: 1980. „Солидарности” год первый”, Лондон, 1981, с. 166–180.

ПРОТОКОЛ СОГЛАШЕНИЯ,

заключенного между правительственной комиссией и Объединенным стачечным комитетом 31 августа 1980 года
на Гданьской верфи

Правительственная комиссия и Объединенный стачечный комитет, рассмотрев 21 требование бастующих коллективов Побережья, пришли к следующим соглашениям.

По пункту первому, который гласит: *„Признание независимых от партии и работодателей свободных профсоюзов, вытекающее из ратифицированной ПНР Конвенции № 87 Международной организации труда о свободе профсоюзов”*,¹ принято решение:

1. Деятельность профсоюзов в ПНР не оправдала надежд и ожиданий трудящихся. Признается целесообразным создание новых самоуправляющихся профсоюзов, которые были бы подлинными представителями рабочего класса. За каждым остается право остаться в прежних профсоюзах, а в будущем можно предвидеть установление сотрудничества между профсоюзами.

2. Создавая новые независимые, самоуправляющиеся профсоюзы, ОСК заявляет, что они будут соблюдать принципы, содержащиеся в Конституции ПНР. Новые профсоюзы будут охранять общественные и материальные интересы трудящихся и не намерены играть роль политической партии. Они стоят на почве принципа общественной собственности на средства производства, составляющего основу существующего в Польше социалистического строя. Признавая, что ПОРП осуществляет руководящую роль в государстве, и не подрывая установленной системы международных сою-

¹ См. с. 129 сн. 1.

зов, они стремятся обеспечить трудящимся надлежащие средства контроля, выражения мнений и защиты своих интересов.

Правительственная комиссия заявляет, что правительство гарантирует и обеспечит полное уважение независимости и самоуправления новых профсоюзов, как в отношении их организационной структуры, так и в отношении функционирования на всех уровнях их деятельности. Правительство обеспечит новым профсоюзам полную возможность выполнять основные функции в области охраны интересов трудящихся, удовлетворения их материальных, общественных и культурных интересов. Одновременно правительство гарантирует, что новые профсоюзы не будут подвергаться никакой дискриминации.

3. Создание и деятельность независимых самоуправляющихся профсоюзов соответствует ратифицированным Польшей конвенциям Международной организации труда № 87 о свободе профсоюзов и защите профсоюзных прав и № 98 о правах организации и коллективных переговорах.¹ Множественность профсоюзных и рабочих представительств будет требовать надлежащих изменений в законодательстве. В связи с этим правительство обязуется взять на себя законодательную инициативу, касающуюся, в частности, закона о профсоюзах, закона о рабочем самоуправлении, кодекса о труде.

4. Возникшие сейчас стачечные комитеты будут иметь возможность превратиться в органы представительства трудящихся на предприятиях — рабочие комитеты, рабочие советы или учредительные комитеты новых самоуправляющихся профсоюзов.

Объединенный стачечный комитет в качестве Учредительного комитета этих профсоюзов может свободно выбрать форму единого профсоюза или объединения в масштабах

1 Точнее: „Конвенция (МОТ) № 87 о свободе ассоциаций и защиты права на организацию, „Конвенция (МОТ) № 98 о применении принципов права на организацию и заключение коллективных договоров”.

Побережья. Учредительные комитеты будут действовать до выборов нового руководства согласно Уставу.

Правительство обязуется создать условия для регистрации новых профсоюзов вне регистра ЦСПС (Центрального Совета Профессиональных Союзов).

5. Новые профсоюзы должны иметь реальную возможность публично высказываться по поводу ключевых решений, определяющих условия жизни трудящихся: принципов раздела национального дохода на потребление и накопление, раздела фонда общественного потребления для различных целей (здравоохранение, образование, культура), основных принципов вознаграждения и направлений политики заработной платы и в особенности принципа автоматического регулирования заработной платы в условиях инфляции, многолетних экономических планов, направления капиталовложений и изменения цен.

Правительство обязуется обеспечить условия для осуществления этих функций.

6. Объединенный комитет создаст центр общественно-профессиональных исследований, задачей которого будет объективный анализ положения трудящихся, бытовых условий трудящихся и способов представительства их интересов. Этот центр будет также производить экспертизы в области индекса цен и заработной платы, а также предлагать формы компенсации. Центр будет публиковать результаты своих исследований. Сверх того, новые профсоюзы будут иметь свои издательства.

7. Правительство обеспечит соблюдение в Польше предписаний статьи 1 п. 1 закона о профсоюзах от 1949 года, гарантирующих рабочим и трудящимся право добровольно объединяться в профсоюзы. Вновь возникающие профсоюзы не войдут в состав объединения, представляемого ЦСПС. Предполагается, что новый закон сохранит этот принцип. Одновременно будет обеспечено участие представителей ОСК или учредительных комитетов самоуправляющихся профсоюзов, а также других представителей трудящихся в выработке этого закона.

Правительство настаивало, чтобы новый профсоюз вошел в структуру ЦСПС или создал вместе с ЦСПС единую структуру. Таким образом рассчитывали растворить новое движение в сложившемся бюрократическом аппарате. Как видно из статей 1 и 4, этот план был решительно отвергнут рабочими. Пожелание о сотрудничестве, включенное в первую статью, разумеется, не имело практического значения.

Статья 2 содержит навязанные правительством декларации политической лояльности. Эта встроенная в соглашение диверсия должна была дать правительству „юридическую основу” для обвинений против профсоюзов или, если позволят обстоятельства, для их уничтожения. „Охрана интересов трудящихся, удовлетворение их материальных, общественных и культурных интересов”, о чем говорится дальше в той же статье, практически исчерпывают все области государственной деятельности, и смешно говорить, что профсоюз, призванный всем этим заниматься, должен воздерживаться от политики. Он неизбежно должен был „играть роль политической партии”. Это все понимали, и в статье 2 намеренно оставили вопиющее противоречие.

Статья 4 сформулирована весьма неопределенно. В ней говорится как будто о едином профсоюзе в пределах Побережья, но вскоре пришлось допустить объединение в национальном масштабе. Важно, что допускается организация по территориальному, а не по отраслевому принципу: о т р а с л е в ы е профсоюзы должны были предотвратить всякую эффективную защиту местных интересов. По этой причине нынешняя военная хунта, пока не смеющая восстановить какие-нибудь профсоюзы, приказала своим агентам восхвалять пресловутый „отраслевой принцип”.

Статьи 5 и 6 отражают катастрофический развал всей авторитарной системы блокирования информации. Профсоюз воспользовался этими правами — высказывался и проводил экспертизы; но, конечно, ему не давали возможности влиять на экономические решения. Впрочем, даже свобода информации об этих вопросах абсолютно противопоказана режиму. „Автоматическое регулирование” в статье 5 озна-

чает подвижную шкалу зарплаты, существующую, например, в Италии; при этой системе рост цен на основные предметы потребления автоматически приводит к росту зарплаты. Такая система в Польше не была введена. Индекс цен и зарплаты (статья 6) — это регулярно составляемые сведения о средней зарплате и средней стоимости жизни в разных районах страны и для разных категорий населения. Такие индексы давно публикуются в западных странах, но никогда не публиковались в „странах социализма”. Впрочем, необходимая для них статистика в этих странах попросту не существует, даже для правительственных учреждений. Чиновники не сохраняют эти сведения для себя, они ими не располагают.]

По пункту второму, который гласит: *„Гарантировать право на забастовку, а также безопасность бастующих и помогающих им лиц”*, принято решение:

Право на забастовку будет гарантировано в подготавливаемом законе о профсоюзах. В законе должны быть указаны условия объявления и организации забастовки, методы разрешения спорных вопросов и ответственность за нарушение закона. В отношении участников забастовки не могут быть применены статьи 52, 64 и 65¹ Кодекса о труде. До принятия закона правительство гарантирует бастующим и помогающим им лицам личную безопасность и сохранение прежних условий работы.

[Закон о профсоюзах так и не был принят до самого военного переворота. Право на забастовку несовместимо с существованием режима. Если оно признается законом и закон соблюдается, то это уже другой государственный строй.]

По пункту третьему, который гласит: *„Соблюдать гарантированную Конституцией ПНР свободу слова, печати и изданий и тем самым не подвергать репрессиям независимые издательства, а также открыть доступ к средствам массовой информации представителям всех вероисповеданий”*, принято решение:

1 В тексте „85” — опечатка.

1. В трехмесячный срок правительство внесет в Сейм проект закона о контроле над печатью, изданиями и зрелищами, основанный на следующих принципах. Цензура должна защищать интересы государства. Это означает охрану государственной и экономической тайны, пределы которой должны быть более точно определены законом, безопасности государства и его важных международных интересов, защиту религиозных чувств и одновременно чувств неверующих, а также предотвращение распространения сочинений, наносящих вред морали. Проект закона должен предусматривать также право обжалования решений органов контроля над печатью, изданиями и зрелищами в Верховный административный суд. Это право будет также введено в Административный кодекс путем его пересмотра.

2. Пользование средствами массовой информации вероисповедными общинами в пределах их религиозной деятельности будет осуществляться путем согласования вопросов по существу и организационных вопросов между государственными органами и заинтересованными вероисповедными общинами. Правительство обеспечит передачу по радио воскресной мессы в рамках детального соглашения с Епископатом.

3. Деятельность радио и телевидения, а также печати и издательств должна служить выражению разнообразных мыслей, взглядов и суждений. Она должна быть подчинена общественному контролю.

4. Печать, а также граждане и их организации должны иметь доступ к публичным документам (актам), в особенности административным, общественно-экономическим планам и т. п., исходящим от правительства и подчиненных ему административных органов. Исключения из принципа гласности действий администрации будут указаны в законе, согласно п. 1.

[Незачем объяснять, что в условиях „реального социализма” все эти соглашения носят утопический характер. Правительство ожесточенно боролось с любой свободой печати и допускало ее только под давлением рабочего движе-

ния. Все, чего рабочие добились в области информации, было навязано прямым нажимом или взято без спроса. Цензура вымарывала все, что могла, но, как мы увидим, под видом „внутренних профсоюзных бюллетеней” появились издания, вовсе не проходившие цензуры.]

По пункту четвертому, который гласит: „А) Вернуть прежние права людям, уволенным с работы после забастовок 1970 и 1976 гг., студентам, отчисленным из вузов за их убеждения. Б) Освободить всех политических заключенных (в том числе Эдмунда Задрожиньского, Яна Козловского и Марека Козловского). В) Отменить репрессии за убеждения”, принято решение:

а) Будет немедленно проведено расследование законности увольнений с работы после забастовок 1970 и 1976 годов. Во всех заявленных случаях при обнаружении неправомерности увольнений заинтересованные будут восстановлены на работе, если они этого пожелают, с учетом приобретенной за прошедшее время квалификации.

Соответствующий подход будет применяться к делам отчисленных студентов.

б) Дела лиц, упомянутых в п. Б), должны быть переданы на рассмотрение министра юстиции, который в течение двух недель даст делу надлежащий ход; в случаях, когда упомянутые лица лишены свободы, заключение должно быть прервано до окончания процесса.

в) Должна быть рассмотрена обоснованность временно-го ареста и вопрос об освобождении лиц, указанных в приложении.

г) Должна полностью соблюдаться свобода выражения взглядов в общественной и профессиональной жизни.

[Здесь нажим был достаточно эффективным. В течение 16 месяцев власти почти не осмеливались арестовывать за политическую деятельность. В частности, в это время была обеспечена личная неприкосновенность людей КОРа: их защищала „Солидарность”, принявшая их на службу в качестве экспертов. Польша была в это время страной почти без политических заключенных, хотя власти не оставляли

попыток посадить кого-нибудь из откровенных противников режима. На Западе вообще нет политических заключенных: людей сажают за нарушение закона, а не за убеждения. Если законом злоупотребляют, поднимается шум.]

По пункту пятому, который гласит: „Сообщить в средствах массовой информации о создании Объединенного стачечного комитета, а также опубликовать его требования”, принято решение:

Осуществлением этого требования будет опубликование настоящего протокола в средствах массовой информации в масштабе всей страны.

[Публикация соглашения должна была отрезать власти путь к отступлению: какова бы ни была власть, она должна в какой-то мере считаться с подписанным ею документом. Соглашение было опубликовано в Польше и почти во всех странах мира — но не у нас.]

По пункту шестому, который гласит: „Предпринять реальные действия с целью вывести страну из кризисного положения, для чего: а) опубликовать полную информацию об общественно-экономической ситуации, б) предоставить возможность всем слоям общества участвовать в обсуждении программы реформ”, принято решение:

Мы считаем необходимым решительно ускорить работу над экономической реформой. В течение ближайших месяцев власти выработают и опубликуют основные принципы этой реформы. Должна быть создана возможность широкого участия в публичном обсуждении реформы. Профсоюзы должны, в частности, принять участие в выработке законов о социалистических хозяйственных организациях и о рабочем самоуправлении. Экономическая реформа должна быть основана на принципиальном увеличении самостоятельности предприятий и подлинном участии рабочего самоуправления в руководстве предприятиями. Соответствующие законы должны гарантировать осуществление профсоюзами их функций, указанных в п. 1 Соглашения.

Лишь общество, осознающее свои действия и хорошо

осведомленное, может взять на себя инициативу и осуществить программу упорядочения нашей экономики. Правительство принципиально расширит объем общественно-экономической информации, доступной обществу, профсоюзам, а также общественным и экономическим организациям.

ОСК требует кроме того:

- * создания длительных перспектив для развития семейного крестьянского хозяйства — основы польского сельского хозяйства;

- * уравнивания секторов сельского хозяйства в отношении доступа ко всем средствам производства, а том числе к земле;

- * создания условий для возрождения сельского самоуправления.

[Экономическая реформа свелась к надувательству: резкому повышению цен без изменения экономических структур. Пока действовала „Солидарность“, этого нельзя было навязать, так что „реформу“ начали проводить уже при военной диктатуре, грубой силой. Три фразы в конце, обозначенные звездочками, не являются согласованными решениями, так как правительство не признало за рабочими права заботиться о крестьянах. Как мы увидим, „союз рабочих и крестьян“ крайне беспокоил правящий аппарат.]

По пункту седьмому, который гласит: *„Выплатить всем трудящимся, принимающим участие в забастовке, вознаграждение за период забастовки, как за отпуск, за счет фонда ЦСПС“*, принято решение:

В период забастовки трудящиеся бастующих коллективов получают аванс в размере сорока процентов зарплаты, а после возобновления работы получают разницу до ста процентов зарплаты на основе восьмичасового рабочего дня. ОСК обращается к входящим в него коллективам, призывая их по окончании забастовки сотрудничать с дирекциями предприятий и учреждений, принимая меры для увеличения производительности труда, экономии материалов и энергии и обеспечения добросовестности на каждом трудовом посту.

Правительство всегда рассматривало профсоюз как средство возбуждения „трудового энтузиазма“. Как мы увидим, „Солидарность“ не позволила использовать себя в этой роли. Она соглашалась помочь в преодолении экономических трудностей лишь при условии доступа к информации и реальной возможности влиять на решения.]

По пункту восьмому, который гласит: *„Повысить основную зарплату каждого трудящегося на 2000 злотых в месяц в качестве компенсации роста цен за предшествующий период“*, принято решение:

Будет постепенно повышена зарплата всем категориям трудящихся, прежде всего самым низкооплачиваемым. Согласовано в качестве принципа, что зарплата будет повышаться по отдельным предприятиям и отраслевым группам. Повышение осуществляется и будет осуществляться с учетом специфики профессий и отраслей в направлении повышения заработка на один табельный разряд или соответствующего увеличения других элементов зарплаты или повышения категории. В отношении работников умственного труда на предприятиях повышение заработка будет соответствовать высоте одной категории штатного расписания. Упомянутые повышения зарплаты должны быть окончательно проведены до конца сентября сего года согласно отраслевым соглашениям.

Правительство представит, после анализа всех отраслей, по соглашению с профсоюзами, к 31/X-80 г. программу повышения зарплаты с 1 января 1981 г. для самых низкооплачиваемых, с особым учетом многодетных семей.

[Конечно, повышение зарплаты при неизменной производительности труда и тем более при ее снижении, как это было в Польше в то время, могло привести лишь к росту инфляции. В самом деле, повышение зарплаты означает повышенный спрос, и если товаров производится столько же или меньше, то они дорожают. Польская пропаганда твердит об этом с 56 года, чтобы рабочие не требовали повышения зарплаты, и правительственные эксперты в Гданьске всячески использовали эту аргументацию. Действительно, в результа-

те „общественных соглашений” лета 1980 года и последовавших за ними уступок разным категориям рабочих и служащих фонд зарплаты вырос на 20%, и всю эту сумму, как можно было предвидеть, вскоре съела инфляция. Но рабочие, уже сильно пострадавшие от инфляции в последние годы правления Герека, хотели немедленно улучшить свое положение. Для спасения национальной экономики обычно требуются жертвы, и когда начинается спасательная операция, то сразу же возникает вопрос, за чей счет она должна быть проведена. Рабочие считали, что расходы следует возложить на виновников кризиса, то есть на правящий аппарат. Аппарат, напротив, рассчитывал переложить эти расходы на рабочих и в течение следующих месяцев вовсе не думал отказываться от своих привычек. Кто же отвечает за инфляцию?]

По пункту девятому, который гласит: *„Гарантировать автоматический рост зарплаты параллельно росту цен и падению стоимости денег”*, принято решение:

Признано необходимым затормозить рост цен на товары широкого потребления посредством усиленного контроля над общественным и частным секторами и, в частности, прекращения так называемого скрытого роста цен.

Согласно решению правительства будет проведено исследование индекса стоимости жизни. Оно будет проведено также профсоюзами и научными учреждениями. К концу 1980 года правительство выработает принципы компенсации роста стоимости жизни, которые будут подвергнуты общественному обсуждению и после согласования проведены в жизнь. Эти принципы должны предусматривать социальный прожиточный минимум.

[Таким образом, забастовщики не добились подвижной шкалы зарплаты. Теперь трудности польской экономики пытаются решить военным наступлением на жизненный уровень народа.]

По пункту десятому, который гласит: *„Осуществить полное обеспечение внутреннего рынка продовольственными товарами, а экспортировать только и исключительно*

излишки”, пункту одиннадцатому, который гласит:¹ *„Ввести карточки на мясо и мясные изделия (до урегулирования рыночной ситуации)”*), принято решение:

Согласовано, что снабжение населения мясом будет улучшено к 31/XII-80 г. — в частности, в результате повышения рентабельности сельскохозяйственного производства, ограничения экспорта до необходимого минимума и добавочного импорта мяса. Наряду с этим к тому же сроку будет представлена программа улучшения снабжения населения мясом с учетом возможного введения карточной системы.

Согласовано, что в магазинах „Певэкс” не будет производиться продажа дефицитных товаров широкого потребления отечественного производства. О принятых решениях и действиях в области снабжения рынка общество будет информировано до конца года.

ОСК предлагает ликвидировать коммерческие магазины, упорядочить и унифицировать цены на мясо на среднем уровне.

[Конечно, из этих обещаний ничего не вышло. „Певэкс” — сеть магазинов, где дефицитные товары продавались только за валюту, наподобие нашей сертификатной торговли; рабочие добивались, чтобы прекратили продажу в этих магазинах товаров широкого потребления, изымавшихся из обычной продажи.]

По пункту двенадцатому, который гласит: *„Ввести принцип подбора руководящих кадров на основе квалификации, а не партийной принадлежности, а также отменить привилегии милиции, службы безопасности и партийного аппарата посредством уравниения семейных пособий, ликвидации специальной продажи и т. п.”*, принято решение:

1 В тексте пропуск, и след. читать: „пункту 11, который гласит: „Отменить коммерческие цены и прекратить продажу товаров внутри страны на иностранную валюту”, пункту 13, который гласит...” (см., напр., журн. „Więz”, 1980, № 9:8, а также указ. рус. переводы: „Солидарность...”, с. 126, „Польша: 1980...”, с. 174). В одном из вар. „21 требования...” п. 11 соотв. п. 13, п. 12 — п. 11 и п. 13 — п. 12 (см., напр., „Sztandar Młodych”, 27.8.80).

Принимается требование последовательного проведения принципа подбора руководящих кадров на основе квалификации и компетентности, как членов ПОРП, так и членов союзных партий и беспартийных. К 31/XII-80 г. правительство представит программу уравнивания семейных пособий для всех профессиональных групп. Правительственная комиссия заявляет, что имеются только буфеты и столовые для сотрудников, как и на других предприятиях и в учреждениях.

[Обещания, касающиеся кадровой политики, и не думали выполнять: кадры — их святая святых. Обратите внимание на вопрос о специальном снабжении: здесь рабочие не добились н и ч е г о, кроме еще одной лжи!]

По пункту четырнадцатому, который гласит: „Снизить пенсионный возраст для женщин до 50 лет, а для мужчин до 55 лет, либо при условии работы в ПНР в течение 30 лет для женщин и 35 лет для мужчин, безотносительно к возрасту”, принято решение:

Правительственная комиссия считает это требование в настоящее время, при нынешней экономической и демографической ситуации в стране, неосуществимым. Вопрос может быть обсужден в будущем. ОСК требует, чтобы этот вопрос был изучен до 31 декабря 1980 г. с учетом возможности выхода на пенсию раньше на пять лет для трудящихся, работающих в тяжелых условиях (30 лет для женщин и 35 лет для мужчин, а в случае особо тяжелой работы не меньше 15 лет). Выход на пенсию должен происходить исключительно по заявлению работника.

По пункту пятнадцатому, который гласит: „Повысить пенсии старого портфеля, доведя их до уровня выплачиваемых в настоящее время”, принято решение:

Правительственная комиссия заявляет, что повышение наименьших пенсий будет происходить ежегодно в соответствии с экономическими возможностями страны, а также с учетом повышения наименьших зарплат. Правительство представит программу осуществления этих мер до 31/XII-80 г. Правительство подготовит предложения, согласно которым

наинизшие пенсии будут повышены до так называемого социального минимума, который будет установлен на основании исследований соответствующих институтов; эти исследования будут сделаны доступными общественному мнению и подвергнуты контролю профсоюзов. ОСК подчеркивает чрезвычайную срочность этого дела и поддерживает требования уравнивания пенсий старого и нового портфеля, с учетом роста стоимости жизни.

Инфляция поставила в отчаянное положение пенсионеров, от которых размер их доходов совсем не зависит. Пенсии „старого портфеля”, назначенные давно, отвечали старому размеру средней зарплаты, очень низкому по сравнению с нынешним. „Социальный минимум” — это наинизший уровень зарплаты, гарантируемый государством. Такой минимум существует в большинстве западных стран. В Польше об этом не думали.]

По пункту шестнадцатому, который гласит: *„Улучшить условия работы службы здравоохранения, чтобы обеспечить полное медицинское обслуживание трудящихся”*, принято решение:

Признано необходимым немедленно увеличить производственные мощности для капиталовложений службы здравоохранения, улучшить снабжение лекарствами путем добавочного импорта их компонентов, повысить зарплату всем работникам службы здравоохранения (изменить тарифы санитаркам), а также срочно подготовить правительственную и министерскую программы улучшения состояния общественного здравоохранения. Другие направления действий в этой области содержатся в приложении.

ПРИЛОЖЕНИЕ к требованию шестнадцатому

1. Ввести в жизнь „Хартию прав работника здравоохранения”.
2. Обеспечить продажу в достаточном количестве хлопчатобумажной спецодежды.
3. За спецодежду выплачивать эквивалент из фонда материальных расходов.

4. Обеспечить фонд зарплаты таким образом, чтобы все отличившиеся в работе могли получать соответствующие премии — согласно теоретически имеющейся возможности.

5. Установить возрастающие добавки за выслугу лет после 25 и 30 лет работы.

6. Установить добавку за работу во вредных или неблагоприятных для здоровья условиях, ввести добавку за сменную работу для немедицинских работников.

7. Восстановить добавку за работу с заразными больными или заразным биологическим материалом, повысить оплату за ночные дежурства по уходу за больными.

8. Признать искривление позвоночника профессиональной болезнью стоматологов.

9. Выделить для больниц и яслей топливо хорошего качества.

10. Приравнять добавки за выслугу лет для сестер без полного среднего образования к добавкам для дипломированных сестер.

11. Ввести для всех профессиональных работников семичасовой рабочий день.

12. Ввести свободные субботы без отработки.

13. Воскресные и праздничные дежурства оплачивать с надбавкой в 100%.

14. Бесплатные лекарства для работников службы здравоохранения.

15. Сделать возможным частичное возмещение квартирного кредита за счет социального фонда.

16. Увеличить лимит квартир для работников здравоохранения.

17. Сделать возможным предоставление квартир одиноким сестрам и санитаркам.

18. Заменить премиальный фонд тринадцатой зарплатой.

19. Обеспечить после 20 лет работы в здравоохранении шестинедельный отпуск, а также возможность получения оплачиваемого годичного отпуска для поправки здоровья, как у учителей.

20. Обеспечить платные отпуска получающим диплом

в размере четырех недель, а специализирующимся — в размере двух недель.

21. Обеспечить полное право на свободный день после врачебных дежурств.

22. Пятичасовой рабочий день для работников яслей (как в детских садах), а также бесплатное питание.

23. Ввести выделение автомашин для работников участкового обслуживания и принцип лимита километров или договорных ставок на служебные поездки.

24. Сестры с высшим образованием должны рассматриваться и оплачиваться так же, как другой персонал с высшим образованием.

25. Организовать в отделах здравоохранения специализированные ремонтные группы, чтобы предотвратить дальнейшее разрушение объектов здравоохранения.

26. Повысить нормы лекарств на одного пациента в больницах с тысячи ста тридцати восьми золотых до двух тысяч семисот золотых, поскольку такова действительная стоимость лечения, а также повысить фонды на питание.

27. Ввести талоны на питание лежащих больных.

28. Увеличить вдвое численность санитарного подвижного состава, поскольку такова реальная потребность уже в настоящее время.

29. Обеспечить чистоту воздуха, почвы и воды, в особенности прибрежных морских вод.

30. Одновременно с вводом в действие новых жилых районов предоставлять в пользование жителей амбулатории, аптеки и ясли.

По пункту семнадцатому, который гласит: *„Обеспечить надлежащее число мест в яслях и детских садах для детей работающих женщин”*, принято решение:

Комиссия полностью разделяет это требование. Власти воеводства представят соответствующую программу не позже 30 ноября 1980 г.

По пункту восемнадцатому, который гласит: *„Ввести оплачиваемый отпуск по материнству на период в три года для воспитания ребенка”*, принято решение:

В срок до 31 декабря 1980 года по соглашению с профсоюзами будет произведена оценка возможностей народного хозяйства и установлены продолжительность и размер ежемесячного пособия для женщин, пользующихся не оплачиваемым в настоящее время отпуском для воспитания ребенка. ОСК требует, чтобы в этом анализе было предусмотрено введение этого пособия в размере не ниже двух тысяч злотых в месяц в первый год после рождения ребенка¹ и пятидесяти процентов от этой суммы, но не меньшей 2000 злотых в месяц, в течение второго года. Это требование должно быть осуществлено постепенно, начиная с первого² полугодия 1981 года.

По пункту девятнадцатому, который гласит: „Сократить время ожидания квартиры”, принято решение:

Воеводские власти представят к 31 декабря 1980 года программу улучшения жилищного положения с целью сократить период ожидания квартиры. Эта программа будет вынесена на широкое обсуждение общественности воеводства; будут также проведены консультации с соответствующими организациями (перечень организаций).

В этой программе должно быть учтено использование существующих домостроительных предприятий, а также дальнейшее развитие производственной базы строительства. Те же мероприятия будут проведены по всей стране.

/Эти требования — о здравоохранении, материнстве, квартирах — просто невозможно было осуществить. Экономика Польши этого не позволяла, и официальная печать не скрывала, что все эти благие пожелания „трудно будет выполнить”. Смысл Гданьского соглашения вовсе не в этих обязательствах, а в *праве рабочих бороться за свои интересы.*/

1 В тексте ошибка; след. читать: „ОСК требует... введение этого пособия в размере п о л н о й з а р п л а т ы в первый год после рождения ребенка...” (см. „Więź”, 1980, № 9:11, сб. „Солидарность...”, с. 132, „Польша: 1980...”, с. 177).

2 В сб. „Солидарность...”, с. 132, „с о в т о р о г о полугодия” — ошибка.

По пункту двадцатому, который гласит: *„Повысить суточные с сорока злотых до ста злотых, а также добавки командировочным за разлуку с семьей”*, принято решение:

Согласовано, что с 1 января 1981 года будут увеличены суточные и добавки за разлуку с семьей. Предложения по этому вопросу будут представлены правительством к 31 октября 1980 года.

По пункту двадцать первому, который гласит: *„Сделать все субботы свободными от работы. Занятым в непрерывных производствах и по четырехбригадной системе компенсировать отсутствие свободных суббот увеличенными размерами отпуска или другими оплачиваемыми днями, свободными от работы”*, принято решение:

К 31 декабря 1980 года будут выработаны и представлены принципы и методы осуществления программы введения свободных оплачиваемых суббот или иного способа регулирования сокращенного рабочего времени. Эта программа будет предусматривать увеличение числа свободных оплачиваемых суббот уже в 1981 году. Другие направления мероприятий в этой области содержатся в приложении, включающем требования ОСК.

/В Польше субботы были рабочими днями, и начальство всячески уклонялось от их освобождения. Вы видите, что и в Гданьском соглашении вопрос оставлен, по существу, открытым. Особенно болезненным был вопрос о субботах для шахтеров, которых нередко понуждали работать и в воскресенье. „Четырехбригадная система” — круглосуточная работа с ночными сменами, в особенности на шахтах./

После принятия указанных выше решений согласовано следующее. Правительство обязуется:

- обеспечить личную безопасность и сохранение прежних условий работы участникам нынешней забастовки, а также лицам, содействовавшим забастовке;

- рассмотреть в системе министерств специальные отраслевые вопросы, заявленные коллективами всех объединенных в ОСК бастующих предприятий;

— немедленно опубликовать в средствах массовой информации в масштабе страны (печать, радио, телевидение) полный текст настоящего соглашения.

Объединенный стачечный комитет обязуется окончить забастовку 31 августа 1980 г. в 17 часов 00 минут.

Президиум ОСК:

Председатель
Зам. председателя
Зам. председателя

Лех Валенса
Анджей Колодзей
Богдан Лис

Члены:

Лех Бондковский
Войцех Грушевский
Анджей Гвязда
Стефан Издебский
Ежи Квечик
Здзислав¹ Кобылинский
Хенрика² Кшивонос
Стефан Левандовский
Алина Беньковская
Юзеф Пшибыльский
Ежи Сикорский
Лех Собешек
Тадеуш Станный
Анна Валентынович
Флориан Вишневский

Правительственная комиссия:

Председатель

Мечислав Ягельский
зам. председателя Совета
Министров Польской
Народной Республики

¹ В тексте „Зджислав” — опечатка.

² В тексте „Хендрика” — опечатка.

Члены:

Збигнев Зелиньский
член секретариата ЦК ПОРП
Тадеуш Фишбах¹
председатель Воеводской
рады народной в Гданьске
Ежи Колодзейский
воевода Гданьский

ПРИЛОЖЕНИЕ К П. 21

1. Изменить распоряжение Совета Министров по поводу способов расчета вознаграждения за отпуск и пособия по болезни в четырехбригадной системе. В настоящее время применяется среднее за 30 дней (а работают 22 дня в месяц). При этом способе расчета занижается средняя дневная оплата при коротких периодах болезни, а также эквивалентная оплата за отпуск.

2. Мы требуем упорядочения в едином юридическом акте (распоряжении Совета Министров) принципов расчета вознаграждения за время отсутствия на работе в различных случаях. Неясность правил используется в настоящее время против трудящихся.

3. Отсутствие свободных суббот для занятых в четырехбригадной системе следует компенсировать добавочными днями отпуска. Существующее в настоящее время большее, чем в других системах, число свободных дней в четырехбригадной системе играет роль периода отдыха после более изматывающей работы, а не действительно свободных дней.

Выдвигаемые администрацией аргументы, что такие виды компенсации должны даваться лишь после уравнивания числа проработанных часов в обеих системах, представляются неверными.

4. Мы требуем, чтобы все субботы в месяц были свободными, как в других социалистических странах.

5. Мы требуем отмены статьи 147 Кодекса законов о труде, допускающей удлинение средней нормы проработанного

¹ В тексте „Хишпах” — опечатка.

времени до 9 часов в неделю при предоставлении добавочных свободных дней, а также статьи 148. В настоящее время у нас одна из самых больших норм рабочего времени в Европе.

6. Усилить значение договорных правил о вознаграждении посредством введения изменений в Кодекс законов о труде, с тем, чтобы не только изменение ставки штатного расписания или иных составляющих вознаграждения, но также изменение метода вознаграждения (аккордные трудодни) требовало формулировки со стороны работодателя.

Следует также ввести принцип, по которому ставка штатного расписания при аккордном вознаграждении должна в принципе применяться ко всем работам, выполняемым работником. Следует также упорядочить вопрос об использовании молодых работников в соответствии с их квалификацией, чтобы указанное правило не превратилось в дополнительное препятствие для их профессионального продвижения.

7. Ввести в сменные системы увеличение до 50% добавки за работу в ночные часы при системе трудодней и до 80% действительного заработка в аккордной системе. Мы требуем также добавки за работу в послеполуденную смену (как в химической промышленности).

Требуем, чтобы правительство рассмотрело эти требования до 30 ноября 1980 года.

8. СМЕНА ВЛАСТИ

Гданьское соглашение было воспринято в Польше как великий поворот. Польская интеллигенция, сыгравшая столь важную роль в организации рабочих, видела в этом событии не только политическую, но и моральную победу, первую победу над властью корысти и лжи, которая, казалось, нарушила извечное равновесие и окончательно подавила все благородные побуждения человека. Отзвук этого торжества виден даже на страницах польской печати, все больше выходившей из повиновения начальству. Уже 31/VIII Р. Капусьцинский пишет в газете „Культура”:¹ „Августовская забастовка была одновременно и драматическим соревнованием и праздником Расправленных Плечей, Поднятых голов. На Побережье рабочие разбили стереотип р а б о т я г и, имеющий хождение в официальных кабинетах и изысканных салонах”. 4/IX доцент Станислав Зольденгоф,² руководитель аспиран-

1 В тексте ошибка; ст. опубликована 14.9.80.

2 Stanislaw Soldenhoff.

туры по этике университета в Торунь, дает интервью местному журналу „Куявы”: „Убеждение, что единственным источником недовольства и протестов трудящихся являются трудности материального характера и что все можно уладить, например, с помощью повышения зарплаты, резко противоречит характеру социалистического общества. Ведь это убеждение идет от традиции мышления эксплуататорских классов, не видевших разницы между рабочим человеком и рабочим скотом. Это пример оскорбительного пренебрежения моральной чувствительностью и достоинством трудящихся, конечно же ценящих не меньше приличного заработка правдивость, гражданское мужество и скромность. Нарушение этих ценностей, оказывается, вызывает в социалистическом обществе даже более решительные протесты, чем критика зарплаты и снабжения. В нашем положении особую роль играет г о л о д п о п р а в д е о проблемах страны...”¹ Вряд ли надо разъяснять, какие „эксплуататорские классы” здесь имеются в виду и какое общество на этом почти откровенном языке называется „социалистическим”.

В тот же день Центральный Совет Профсоюзов счел нужным напомнить трудящимся о своем существовании. „Последние события, — говорится в его заявлении, — подтвердили необходимость глубоких перемен в нашем движении. Мы должны на деле подтвердить, что мы являемся автономной, самоуправляющейся организацией, действенным представителем интересов трудящихся”.² Конечно, эта мимикрия профсоюзных чинуш, спешно перекрашивавшихся в популярны цвета, не вызвала в Польше ничего, кроме смеха: к тому времени от казенных профсоюзов остались одни канцелярии.

Иностранная печать встретила польские события с большим интересом. Преобладающим мотивом комментариев было разрушение советского блока, возможное ослабление влияния и престижа Москвы. Многие газеты приняли всерьез

¹ Цитата не проверена.

² ТЛ, 4.9.80.

„национальное примирение” и неосновательно радовались рассудительности поляков, решающих свои проблемы мирным путем. Более серьезными вещами занялась „Вашингтон пост” в своем еженедельном экономическом приложении. Газета пишет, что Польша, хотя и серьезно задолжавшая, по-прежнему пользуется доверием западных банков: „Доверие к должнику зависит от ответа на два вопроса: имеем ли мы дело с ответственным правительством, которое будет уважать свои долговые обязательства, и достаточно ли сильна экономика данной страны, чтобы этот долг уплатить. Западные банкиры считают, что в случае Польши на оба эти вопроса можно ответить положительно”.¹ В другой статье та же газета говорит, что после 1970 года ситуация некоторое время складывалась для Польши благоприятно. Тактика получения на Западе больших кредитов и увеличения экспорта привела к оживлению польской экономики. Зарплата и жизненный уровень быстро росли. Это были хорошие годы, и бастующие об этом помнят. Но возрастание оборота внешней торговли означает также зависимость от неприятностей, происходящих за рубежом. Польское правительство долго не могло этого понять. Депрессия в середине семидесятых годов ограничила рынок сбыта, куда Польша хотела экспортировать свои товары. Негибкие методы руководства промышленностью сделали невозможной конкуренцию с Западом даже при использовании импортированного с Запада оборудования. Польша тяжело пострадала от инфляции, тем более опасной, что жесткая система планирования не могла к ней приспособиться и ослабить ее последствия. С 1975 г. началась хозяйственная стагнация. Власти пересмотрели свой план, но сделали это совершенно неудовлетворительно.

Советская печать ограничивается цитированием „Трибуны Люду” — очевидно, неповоротливый аппарат не спустил

1 Цитировано по сообщ. ПАП „USA: rzetelne oceny” в разделе „Swiat komentuje wydarzenia w Polsce” (ТЛ, 2.9.80). Далее, до след. абзаца, следует перевод послед. абзаца указ. сообщения ПАП.

еще инструкций. Днем 1/IX агентство ТАСС,¹ ссылаясь на польские источники, подчеркивает вредность забастовок: в одном только Щецине осталось неразгруженным 61 судно с зерном, кормами, разными видами сырья, без которых не может работать ряд заводов и фабрик. Советское агентство не замечает, какую картину хозяйственной зависимости Польши рисует это сообщение: в московской пропаганде давно уже нет сообразительных людей, видящих разные стороны дела. Как всегда, реакция Москвы медлительна — в связи с необходимостью принять „коллективное решение”, то есть выработать документ Политбюро, снимающий ответственность с отдельных чиновников.

Но уже вечером 4/IX Ягельский заявляет,² что СССР предоставил Польше „дополнительный финансовый кредит” для закупки на Западе сырья, необходимого легкой, химической и металлургической промышленности. „Другие социалистические страны, — сказал он, — также проявили понимание нашего положения...”³ и заявили о своей готовности увеличить поставки сырья, сельскохозяйственных продуктов и продовольствия...³ Как только экономическое положение стабилизируется, — заверил Ягельский, — эта помощь будет возмещена”. Таким образом, механизм доения Москвы сработал, как всегда. В то же время в учреждениях НАТО и Европейского Общего Рынка обсуждался возможный план западной помощи Польше. Об этом заявил представитель западногерманского правительства А. Грюневальд. „Намеченные меры, — уточнил г-н Грюневальд, — никоим образом не должны рассматриваться как вмешательство Запада в экономическую и политическую жизнь Польши”.⁴

1 Имеется в виду корреспонденция ТАСС из Варшавы в программе „Маяк” Моск. радио в 16.00 ч. (ТЛ, 2.9.80).

2 В тексте ошибка; заявление Ягельского — от 3.9.80 (ТЛ, 4.9.80).

3 Многоточие добавлено нами. — Р е д.

4 Цитата не проверена.

5/IX состоялось заседание Сейма, на котором впервые за долгие годы произошла бурная дискуссия. Заметим, что это был послушный, подобранный Герекком Сейм, „выбранный” обычным способом весной 1980 года! Мы не знаем, что в точности говорилось с трибуны Сейма в самый момент переворота. „Трибуна Люду” предупреждает с обезоруживающей откровенностью: „Речи членов депутатского клуба ПОРП мы помещаем полностью, а выступления остальных депутатов — в изложении Польского Агентства Печати”.¹ Вот несколько характерных отрывков.

Польский социолог Ян Щепаньский* (разумеется, марксист, но беспартийный!) сказал: „Народ ясно понимал, что мы идем к кризису — но о состоянии экономики и государства не хотели говорить ни власти, ни средства массовой информации... Польский экономический кризис находится под сильным влиянием политического кризиса и вытекающих из него общественных конфликтов, коренящихся во внутренней жизни партии, в деятельности ее руководящих учреждений и в напряжениях между руководством и массой членов партии”.² Он указал на элементы, внушающие оптимизм. Это, по его мнению /передача Тр. Л.³/, организованность бастующих рабочих...⁴ сила характера и воображения, навыки и знания, проявленные их руководителями... /Запомним эти комплименты вождям „Солидарности”: теперь беспартийный социолог Щепаньский служит военной диктатуре!/ Надо помочь руководству партии и правительству, чтобы они сумели использовать эти способности народа...⁴ /т. е. подкупить лидеров: Валенсе сразу же предложили войти в ЦК ПОРП/. От имени Президиума Польской Академии наук Щепаньский заявил о готовности включиться во

* Не смешивать с начальником польского радио и телевидения Мацеєм Щепаньским, отданным тогда же под суд за злоупотребления.

1 ТЛ, 8.9.80.

2 Там же.

3 Со слов „Он указал” до слов „эти способности народа” (там же).

4 Многоточие добавлено нами. — Р е д.

все труды, необходимые для вывода страны из кризиса; он напомнил, однако, что множество подготовленных учеными анализов и разработок лежат по сей день без применения на полках министерств и плановых комиссий. В сокращенной части выступления Щепаньского содержится также пожелание, чтобы выступления депутатов Сейма правильно передавались печатью, радио и телевидением.

В выступлениях депутатов-рабочих отчетливо видно общественное давление. Они знают, что им придется вернуться на свои предприятия, и представляют себе сложившиеся там настроения. Говорит Здзислав¹ Выджиньский (ПОРП) :

„Как депутат, представляющий рабочий класс крупного промышленного центра, я глубоко переживаю нынешние события в стране.

Не раз в кругу товарищей на моем предприятии, а также в кругу депутатов мы задавали себе вопрос, как же это получается, что после 35 лет народной Польши, несмотря на самоотверженный труд, начало все больше недоставать основных продуктов питания и других вещей, необходимых для нормальной семейной жизни.

Постоянно ухудшалось положение на рынке, несмотря на разные попытки реорганизации, — и вместе с тем возникла система деятелей, наделенных неограниченной властью, в том числе и правом повышения цен.

Все время мы слышали призывы к рабочему классу, чтобы мы лучше работали, соблюдали экономию и т. д. Часто мы работали в выходные дни, но у нас складывалось впечатление, что призывы следует адресовать не нам...

Давайте перестанем ставить людей на высокие, ответственные посты по их связям или родственными отношениям — начнем ставить по их подготовке и подлинной преданности делу...

Не будем дальше терпеть резко критикуемые трудящимися явления паразитического образа жизни и обогащения определенной группы людей за счет всей массы трудящихся.

¹ В тексте „Зджислав” — опечатка.

Почему мы так долго терпим это положение, несмотря на общественную критику?

Надо ли снова ожидать еще более резких требований? Почему в нашем социалистическом отечестве человек может жить как лорд и не быть в состоянии объяснить источник своих — конечно же незаконных — доходов?..”¹

Говорит Ян Кубит (ПОРП):

„Не только Побережье, а вся наша страна переживает глубокий общественный и экономический кризис. Так же резко выявился политический кризис между властью, с одной стороны, и обществом, трудящимися — с другой. Самый болезненный для нашего народа факт — цикличность кризисных явлений этого рода, на одной и той же основе, кризисов, которые не умеют вовремя предотвратить...

Меня обязал выступить сегодня с высокой трибуны Сейма мой коллектив эльблонгского строительного комбината /Побережье/. Я был, таким образом, в центре событий; в течение всей забастовки, в каждый из 14 дней я должен был сдавать экзамен перед коллективом. Поэтому я имею моральное право поднять голос о делах, важных для страны, для общества и для Сейма. И вот, я хотел бы повторить здесь некоторые вопросы, часто повторяющиеся во время многочасовых трудных, но ответственных встреч. Почему целые годы не говорили правды нашему обществу и рабочему классу? Почему ответственность за действия не одинаково касается всех, почему рабочего наказывают даже за порчу малоценных вещей, а ошибочные экономические решения на высоких уровнях, ведущие к огромным потерям, остаются безнаказанными? А между тем, как нам красиво говорили, ответственность должна возрастать с занимаемой должностью. Почему так много говорят о консультациях, а важные для общества решения принимаются без консультаций, как говорится в народе, с субботы на воскресенье? Почему надо смахивать пыль со старых требований? Почему начальство кормило нас словами? Почему

¹ ТЛ, 8.9.80. Многоточие добавлено нами. — Р е д.

му всю тяжесть программы экономии должен нести рабочий класс?

Почему за долгие годы в стране не смогли решить столь важные, хотя и мелкие на вид вопросы: качество колбасных и кулинарных изделий, качество рабочей одежды, качество простых инструментов, не отвечающих уровню техники в нашей стране. Рабочие говорят четко и ясно: заменить программы исправления на килограмм хорошей кровяной колбасы. И они правы...¹

Мы проанализировали все заявленные требования коллектива. Подавляющее большинство из них относилось к компетенции центральных властей, а потому мы говорили только с правительственными учреждениями. Почему же так было, и должно ли так быть? Дело в том, что централизация и бюрократизация дошли до уровня безумия. Положение директора предприятия таково, что он связан по рукам и ногам, а от него требуют, чтобы он высоко прыгал. Жизненно необходимо радикально расширить полномочия и автономию предприятий, а также ввести в действие цельные финансово-экономические системы. Тогда основные социальные вопросы и вопросы зарплаты будут решаться на предприятии на основе самоуправления, хозяйственности и коллективной ответственности. Ведь должна же быть мотивация хорошей работы...¹ Поэтому я предлагаю, чтобы Сейм параллельно рассмотрел три проекта законов: о профсоюзах, о рабочем самоуправлении, о предприятиях, а может быть, и закона планирования...²

Бремя выполнения обязательств, принятых на себя властью в диалоге с рабочим классом, огромно. Только гласность общественной жизни, решений, важных для народа, сделает возможной общую ответственность за его дела”.

¹ Многоточие добавлено нами. — Р е д.

² ТЛ, 9.9.80. След. 4 строки принадлежат не Яну Кубиту, а другому оратору — Эдмунду Менцлевскому (там же).

Если вспомнить, что говорят здесь самые „надежные” рабочие, подобранные аппаратом Герека для комедии „рабочего представительства”, то можно понять, какое общественное давление прорвалось в этих речах. А вот что говорит деятель старых профсоюзов Антони Сета (ПОРП), желающий нажить капитал доверия для своего учреждения:

„Нас резко и сурово критиковали за упущения, за которые рабочие платят своим здоровьем и даже жизнью. Я имею в виду безопасность и условия труда. Наша профсоюзная трудовая инспекция не вполне использовала свои законные полномочия. Часто нам связывали руки соображения хозяйственного характера, когда надо было закрыть предприятие, остановить производство. Я не говорю уже о тянувшихся годами упущениях в рабочей и защитной одежде. А ведь тут были и до сих пор остаются скандальные факты. Среди прочих нас упрекают в этом наши металлурги у доменных печей. Ведь здоровью и жизни человека нет цены.

/Превосходный образец бюрократического лицемерия: Сета хочет сохранить свое место в „реформируемых” старых профсоюзах. Он продолжает свое мужественное обличение./

Есть правительственная программа помощи семье. Но посмотрим на факты. В Польше рождается почти 700 тысяч детей в год, и только 10 процентам из них находится место в яслях. В каком же положении оказывается работающая мать, в особенности в семье с низким доходом, вынужденная брать отпуск для ухода за ребенком, если этот отпуск до сих пор не оплачивается?”¹

Мы слышим также первые отклики польского крестьянства, невольно выражаемые деятелями казенной „Крестьянской партии”. Говорит Тадеуш Май:

„Надо также изменить ходячее мнение о крестьянском хозяйстве, развеять определенные мифы по поводу обогащения деревни и о том, что, несмотря на большие средства, вкладываемые в сельское хозяйство, нет результатов в смысле увеличения производства в этой отрасли экономики.

Правда состоит в том, что сейчас — как видно из исследований Института сельскохозяйственной экономики — крестьянское хозяйство должно иметь 10-12 га земли, чтобы дать социальный минимум крестьянской семье из четырех человек, живущей исключительно за счет работы в этом хозяйстве”¹.

/Большинство крестьянских хозяйств имеет меньше земли, и если мы вспомним, что такое „социальный минимум”, то перед нами официальное признание крестьянской нищеты. Что касается мифа о „бесполезных” капиталовложениях, то этот же оратор объясняет, что за последние годы они „систематически снижались, хотя Комиссия Сейма по делам сельского хозяйства и потребительской промышленности... указывала на необратимые последствия этого в продовольственном снабжении”./ Другую сторону дела объясняет Янина Щепаньская:

„Постоянные трудности с удовлетворением потребностей сельского хозяйства влияли на значительный отлив молодежи из деревни. Этому можно было бы противодействовать при условии большей помощи молодым крестьянам, берущимся работать на земле, при условии обеспечения хозяевам полного чувства стабильности. /Вот секрет сельскохозяйственного тупика — не единственный, но главный!/ Раздаются обвинения, что крестьяне не могут обеспечить наше общество продовольствием. При этом не всегда принимают во внимание, что они наталкиваются в своей работе на столь многочисленные препятствия, а также то, что в настоящее время около 1/3 индивидуальных хозяев вступило в пенсионный возраст”².

Мы перевели здесь речи неинтеллигентных депутатов, не пытаясь улучшить их стиль и сохраняя все особенности их построения. „Влияли на значительный отлив” есть точная копия подлинника, вовсе не представляющего собой образец литературного польского языка. Партийные кадры в Поль-

1 ТЛ, 8.9.80.

2 Там же.

ше немногим культурнее наших, но существо дела ясно и пани Щепаньской.

А вот говорят интеллигенты. Збигнев Кледецкий (СД*) жалуется на то, что из года в год сдается в эксплуатацию все меньше больничных коек, что недостает даже основных лекарств и хирургических инструментов.¹ Конечно, это врач. Мария Будзановская (СД) настаивает на том, что недостаточно провозгласить на словах правовой порядок („систему юридических гарантий, которой мы можем гордиться, одну из лучших в Европе”): оказывается, все эти правовые нормы надо еще применять на практике!² Еще один представитель той же „партии”, Ежи Юзвяк, заметил, что не все уверены в серьезности соглашений.

„В этих соглашениях, — говорит он, — правительство дало экономические и социальные гарантии. Они вызвали, однако, после их опубликования сомнения относительно их реальности”.³

Католические депутаты, как всегда, сдержанны. Януш Заблоцкий (католический клуб „Знак”) призывает к мирным демократическим преобразованиям:

„Мы хотим, чтобы власть имела служебный характер по отношению к народу, первенство которого должно полностью уважаться. Путем обеспечения этой служебной роли может быть только демократизация государства, развитие диалога, ведущего к соглашению и сближению”.⁴

Казимеж Моравский („Христианская общественная служба”) „уделил много внимания взаимоотношениям государства и церкви”. От этих его мыслей в газетном отчете осталась следующая банальность:

„Епископат поддержал всем своим авторитетом дух умеренности, реализма, рассудительности и соглашения, дал

*СД — „Стронництво демократычне”.

1 ТЛ, 8.9.80.

2 Там же.

3 ТЛ, 9.9.80.

4 ТЛ, 8.9.80.

в эти трудные для отечества дни еще одно доказательство своей глубокой мудрости в общественных делах и патриотического участия в защите народного блага”.¹ Нам придется впоследствии заняться расшифровкой этих ритуальных формул. Дальше оратор касается, впрочем, более конкретного вопроса: „Депутат присоединился к голосам, указывавшим на необходимость реформы Управления контроля над печатью, публикациями и зрелищами /цензуры/ в соответствии с конституционными нормами. Речь идет прежде всего о том, чтобы сделать возможными обмен мыслями и столкновение взглядов, о формировании² общественного мнения”.³ Стало быть, все это было невозможно, что признается и в Гданьском соглашении. Как видите, такое можно уже напечатать в газете!

Вот говорит известный партийный публицист, главный редактор журнала „Политыка” Мечислав Раковский. Он начинает с чего-то вроде покаяния:

„Нелегко мне сегодня здесь говорить, члену Центрального Комитета партии, несущей главную ответственность за развитие страны. Возбужденное общественное мнение ожидает сейчас от каждого представителя ПОРП самокритичной оценки его собственной деятельности, мало того — даже самобичевания, а самые правильные призывы, самые разумные слова склонно воспринимать как назойливое поучение...”⁴ Дальше г-н Раковский напоминает, что он всегда был в своем журнале записным партийным либералом: „Много лет я принадлежу к сторонникам глубокой реконструкции структур управления и руководства народным хозяйством, много лет я провозглашаю необходимость освобождения каждого человека труда от излишней централизации /это говорит главный идеолог нынешней военной диктатуры/; я даже надорвался на этом деле, что теперь, впрочем, неважно”.⁴

1 ТЛ, 8.9.80.

2 В тексте „взглядов формулирование”.

3 Там же.

4 ТЛ, 9.9.80.

Не очень-то надорвался Раковский: он без вреда для себя либеральничал при Гомулке, так же преуспевал при Гереке, путешествовал по свету в свое удовольствие и представлял польский либерализм перед всем миром (для чего и был нужен), потом пошел на службу к Кане, теперь служит Ярузельскому, называя его, с некоторой фамильярностью, просто „генералом”. Перед нами типичный Иуда современного польского образца: в нем нет уже ничего от тяжеловесных партийных мужичков послевоенного типа, он худощав, говорит по-английски и ходит в кожаной тужурке.

Одно из выступлений звучит удивительно наивно. Говорит беспартийный Ромуальд Буковский:

„...Я, как представитель художественной среды, решил коснуться здесь вопросов, не затронутых в сегодняшних дебатах, может быть, не замеченных в потоке более важных дел. Именно, я думаю сейчас о тех областях человеческих возможностей, которые можно было бы — не претендуя на более точное название — определить как сферу высших общественных чувств. Мне кажется, что это элемент и предпосылка, на основе которых можно было бы с верой, надеждой и оптимизмом строить наше ближайшее будущее”.¹ (Дальше — сокращенное изложение Тр. Л.) „По поводу последних событий на Побережье оратор сказал, что их невозможно понять и почувствовать, не увидев их своими глазами. Так говорили все, кто был эти 18 дней на Побережье. Депутат изобразил атмосферу этих дней, которая — как он сказал — войдет в историю. Он особенно подчеркнул взаимную доброжелательность, чувство ответственности за судьбу страны, за исход трудных переговоров. Дни эти доказали, — сказал оратор, — что рабочий класс является в нашей стране зрелым авангардом народа. В совершаемом теперь расчете с прошлым надо видеть также элемент новых ценностей, новой этики, нового образа жизни всех людей труда, потенциальные возможности которых на многих заводах и фабриках использовались лишь в ничтожной мере.

1 ТЛ, 8.9.80.

Я убежден, — сказал он, — что уже с сегодняшнего, с завтрашнего дня весь народ героически возьмется за труд, удовлетворенный во всех областях, не доставлявших ему радости до сих пор... Оратор сказал, что Главное правление Союза польских художников составило от имени 12 тысяч его членов письмо солидарности, где оно благодарит участников движения обновления, рабочий класс — за то, что он взялся за дело исправления Речи Посполитой. Все художники нашей страны верят, — сказал оратор, — что наряду с обновлением и восстановлением общественной и хозяйственной жизни страны найдется также место для обогащения нашей культуры новыми творениями, служащими человеку, служащими идее, обогащению и приданию новых ценностей жизни человека, его этике, определению его места в общественном мире”.¹

Художник из Гдыни Ромуальд Буковский стал потом единственным депутатом Сейма, голосовавшим против военной диктатуры.

Эта сессия Сейма началась выступлением нового премьера Пиньковского, посвященным хозяйственному положению и выполнению „общественных соглашений”. В длинной речи, тусклой и невразумительной, как и все, что ему приходилось говорить в следующие месяцы пребывания в должности премьера, Пиньковский перечислил, кому и на сколько будет повышена зарплата в соответствии с заключенными к тому времени соглашениями: „Солидарность” сразу же заявила, что правительство мошенничает, нарушая буквальный смысл подписанных им документов. Как неудобно иметь дело с народом, имеющим право голоса! Премьер сказал также: „Общественную программу, за которую мы беремся, нам придется осуществлять в трудных условиях”. После этого откровения премьер сказал нечто уже совсем забавное, публично сознавшись в том, что правительство не принимает этой программы всерьез:

1 ТЛ, 8.9.80.

„Я хочу заявить, что нынешний уровень производительности труда и объем производства не обеспечивают материальных оснований для полного осуществления этой программы”.¹

Будучи в этом уверен, Пиньковский не должен был принимать на себя эту миссию; впрочем, он не мог, вероятно, отказаться от партийного поручения.

В день открытия Сейма, 5/IX, депутатам сообщили о болезни Герека,² не присутствовавшего на сессии. 8/IX было опубликовано следующее сообщение:

„ВРАЧЕБНОЕ КОММЮНИКЕ О СОСТОЯНИИ ЗДОРОВЬЯ ЭДВАРДА ГЕРЕКА

Группа специалистов, следящая за здоровьем Эдварда Герека, подтвердила в ходе дальнейшего клинического наблюдения предварительный диагноз сердечного инфаркта, происшедшего у больного 05.09.1980 года.

Состояние здоровья пациента удовлетворительное...”³

Таким образом, Гереку не удалась роль „конституционного короля”, сменяющего непопулярных министров: его противники, неосмотрительно возвращенные им в Политбюро, решили отделаться от него как можно скорее. Конечно, его предал верный человек Каня, сменивший его на посту первого секретаря, предал его и стойкий (на своем посту) генерал Ярузельский.

В тот же день, 5/IX, премьер Пиньковский подписал постановление Совета Министров о повышении скупочных цен на свиней.

В ночь с 5 на 6/IX был созван VI Пленум ЦК ПОРП. „Принимая во внимание болезнь Э. Герека, ЦК освободил его от обязанностей секретаря ЦК ПОРП и члена Политбю-

1 ТЛ, 6-7.9.80.

2 Об этом см. там же.

3 Откр. и закр. кавычки и многоточие добавлены нами. — Р е д.
(см. там же, 8.9.80) .

ро ЦК ПОРП".¹ Исключение из Политбюро может показаться странным, поскольку врачи нашли его состояние „удовлетворительным" и можно было рассчитывать на его выздоровление; но политические болезни неизлечимы. Одновременно членами Политбюро были избраны К. Барциковский, и А. Жабиньский, а секретарями ЦК — Т. Грабский, З. Куровский и Е. Войтецкий.² В кулуарах Пленума о Гереке говорили с уважением, — сообщают иностранные газеты. Обсуждался даже вопрос, не сделать ли этого заслуженного ветерана почетным председателем партии. Но дело обернулось так, что пришлось отдать его под суд: оказалось, что Герек тоже крал, и, разумеется, не меньше других.

Что же представлял собой глава нового строя, доставшийся ему от старого, — Станислав Каня? Жизнь его не богата событиями. В год революции ему было около 60³ лет. Он происходит из крестьянской семьи и во время войны, как утверждает его официальная биография,⁴ участвовал в сопротивлении в составе так называемых „батальонов хлопских", крестьянских подразделений Армии Людовой. В облике его что-то не вяжется с таким боевым прошлым, потому что он выглядит как раз одним из партийных мужичков, заменивших после войны более колоритных и разнообразных большевиков и большевистских ренегатов. Он плотно сложен, лицо у него неинтеллигентное, с крестьянской хитрецей, очень напоминающее Хрущева. Но характер и манера держаться совсем другие: при столь же недалеком уме в нем нет хрущевского увлечения, это, скорее, флегматик, делающий глупости без всякого участия страсти. Может быть, и и меланхолик, потому что уж очень склонен был пугать своих сограждан, изображая мрачные перспективы: он пугал их так часто, что угрозы его перестали воспринимать всерьез, как в известной басне о пастухе и волке. Конечно, он руко-

1 ТЛ, 6-7.9.80.

2 В тексте „Ю. Войтецкий" — опечатка (см. там же).

3 Точнее: „53"; род. 8.3.27.

4 Там же.

водил польской госбезопасностью, но при Гереке это учреждение было в большом упадке, и сравнивать Канию с чекистами прошлых времен никак не возможно. В общем, китайцы назвали бы этого деятеля „бумажным тигром”. Почему же Кания, а не кто-нибудь другой оказался первым секретарем среди всех этих бурных событий? Потому что для этой роли у него были преимущества, каких не было ни у кого другого. Прежде всего, это был человек, способный внушить доверие Москве: крестьянское происхождение, никакого образования (только партийная школа!) и долгий стаж по части ГБ. Да и весь его облик простоватого мужичка делал его для московских старцев своим человеком: все они были такими же пятнадцать-двадцать лет назад. Наконец, Кания и раньше был одним из главных деятелей режима, что придавало ему в глазах Москвы добавочную ценность, гарантируя в некотором роде преемственность и солидность нового правления. Это обстоятельство особенно подчеркивали западные газеты. У Кани было также немаловажное преимущество для внутренних целей: не занимаясь экономикой, он не успел еще на этом поприще провалиться. Может быть, на первой стадии конфликта требовалось еще и миролюбие: как мы увидим, Кания был миролюбив.

Я приведу полный текст его речи на VI Пленуме в ту же памятную ночь с 5 на 6 сентября. Поскольку все речи Кани очень похожи одна на другую, читатель будет избавлен в дальнейшем от скучного повторения.

„Дорогие товарищи!

Нынешний пленум созван в срочном порядке. Я не успел приготовить основной доклад. Поэтому я хотел бы лишь кратко высказаться по нескольким вопросам, наиболее срочным в данном положении.

Никогда за всю мою многолетнюю принадлежность к партии я не думал, что Народная Польша и партия окажутся перед лицом таких трудных, таких драматически сложных проблем, как сейчас. Тем более я никогда не рассчитывал, что на меня падет столь большое бремя от-

ветственности, связанной с должностью, которую вы мне доверили.

Меня тронуло единогласие Центрального Комитета, избравшего меня 1 секретарем. Благодарю вас, товарищи, за адресованные мне добрые слова. На это доверие, эту надежду я должен ответить своим трудом. В некоторых выступлениях говорилось, что я должен быть вождем партии. Нет, товарищи, занимаемая должность не делает человека вождем. К тому же я не очень уверен, что нашей партии нужно то, что заключается в понятии вождя. Я глубоко убежден, что обязан прежде всего думать о том, чтобы и в этом зале, и в масштабе всей нашей партии действовала коллективная мудрость людей. Это великая творческая сила в формировании линии партии, в ее осуществлении. Так я понимаю, так вижу свой долг перед Центральным Комитетом, перед партией.

Я принимаю обязанности 1 секретаря в необычных условиях. Товарищ Герек, руководивший нашей партией в течение последних 10 лет, тяжело болен. Теперь, перед лицом его болезни, не время оценивать его деятельность. Я уверен, что это будут справедливые оценки, что, несмотря на все, заслуги тов. Герека за 50 лет его деятельности в рабочем движении неоспоримы. Пожелаем ему скорейшего выздоровления.

Важнейшая наша задача — восстановить общественное доверие к народной власти, доверие рабочего класса и всех трудящихся к партии. Мы должны обеспечить крепкую связь власти с обществом. Ее не было, и это вызвало взрыв недовольства в широких столь угрожающих последствиями масштабах. Я сознаю широкий размах критики разных аспектов нашей жизни. Критики, часто заслоняющей большие бесспорные свершения социалистического строительства за весь период Народной Польши и за это последнее десятилетие. [Этот мотив будет все время повторяться: были ведь и большие достижения!] Тем более мы должны отнестись с большой благодарностью к тем рабочим коллективам, тем миллионам трудящихся, которые, имея немало причин для недовольства, добросовестно и самоотверженно трудились. Они стояли на своих трудовых постах. Благо-

даря им продолжалась жизнь в стране. Благодаря им другие могли бастовать. /Дело изображается так, будто забастовка — величайшее бедствие, а всеобщая забастовка равносильна гибели страны. В более свободных странах все время кто-нибудь бастует, время от времени бастуют все вместе, и ничего страшного не происходит, только хозяевам приходится раскошелиться. В этом весь ужас забастовок! /

Главным источником этой большой волны забастовок, прокатившейся по Польше, начиная с июля и продолжающейся по сей день, были серьезные ошибки в экономической политике и деформации в общественной жизни. Мы рассматриваем эти забастовки как проявление рабочего недовольства, рабочего протеста в их главном, чистом, подлинно рабочем течении. Это не был протест, направленный против основ социализма, против наших союзов, против руководящей роли нашей партии, которую сформировала история. /„Руководящая роль партии” вне обсуждения, т. е. они должны остаться у кормушки./ Он был направлен против извращений, против ошибок в нашей политике. Именно по этой причине основным методом разрешения общественных конфликтов забастовочного характера был диалог, были переговоры, терпеливо и выдержанно проведенные нашими товарищами. В результате их мы достигли соглашения в разных социальных, общественных делах, соглашения с представительствами коллективов, принимавшими в большинстве бастовавших предприятий форму стачечных комитетов. Мы будем заботиться о том, чтобы все эти соглашения были выполнены. Нахождение политического решения /т. е. решения без применения силы: принятая в Польше стыдливая формулировка/ столь острого общественного конфликта является нашим ценным политическим и моральным капиталом, свидетельством высокой ответственности партии и народной власти за страну, за будущее народа.

Мы будем со всей последовательностью доходить до источников напряжений, будем устранять их, чтобы никогда больше не могло возникнуть столь драматическое положение. Надо видеть, однако, что борьба идет не только за вос-

становление доверия рабочего класса, трудящихся. Идет также острая борьба с врагом. Мы хотим справиться с трудностями страны. Но антисоциалистический враг /Запомните это выражение!/ хочет использовать возникшие конфликты для целей, противоречащих тому, к чему стремятся и за что высказываются рабочие. Мы будем решительно противодействовать случаям нарушения порядка, самоволию и дезорганизации, травле честных людей, самоотверженно трудящихся для Польши. /„Солидарность” заготовила досье на особенно выдающихся воров. Аппарат был заинтересован в том, чтобы их связи и способы действия не стали предметом обсуждения./ Мы будем решительно защищать дело социализма, жизненные интересы нашего народного государства. это теперь чрезвычайно важная задача нашей партии, ее идеологического фронта, всего нашего актива. Это, в сущности, общее дело всех патриотических сил нашего народа.

Мы можем, даже обязаны теперь спорить в нашей стране о многих делах, вести дискуссии, немало вещей должны изменить. Но в одном мы должны быть согласны: Польша нуждается в спокойствии и труде. Если этого не будет, все остальное потеряет смысл и значение. /Игра на страхе тех, кому есть что терять./

Предметом нашей особенной заботы должно быть экономическое положение страны. Оно и раньше было очень сложно. Забастовки, вследствие вывода из строя значительной части нашего экономического потенциала, вследствие новых обязательств в области зарплаты и пенсий, еще больше углубили эти трудности.¹

На первом плане мы должны видеть необходимость предпринять широкие действия с целью использования промышленного потенциала, он у нас большой и современный, а используется все еще слабо. Надо приложить огромные усилия, чтобы значительно улучшить положение со снаб-

1 Так в тексте; след. читать: „Забастовки и, как следствие, вывод из строя... экономического потенциала, новые обязательства... еще больше УСУГубили эти трудности”.

жением рынка. Это одно из главных требований нашего общества.

Большие проблемы стоят перед нашим сельским хозяйством, местом работы миллионов крестьян и источником продовольствия для народа. Мы будем заботиться о том, чтобы постоянно действовала окупаемость сельскохозяйственной продукции, чтобы были крепкие гарантии крестьянской собственности на землю, чтобы каждый желающий заниматься хозяйством был уверен в своей собственности. Мы должны содействовать всем типам хозяйств, повышающим продуктивность земли, увеличивающим эффективность хозяйствования, мы должны поддерживать социалистические перемены в нашем сельском хозяйстве. /Не будут распущены совхозы и не будет возвращена земля, разными способами отнятая у крестьян./

Большое дело, которое не должно быть упущено из поля зрения — это жилищные трудности. У нас правильная и нужная программа /Ср. с заявлением Герека на совещании 9 июля: „...положение страны сложное, но у нас есть хорошая программа”.¹/, но пока она очень плохо выполняется. Это одно из дел, за которые надо взяться, и притом намного действеннее, чем до сих пор. /До самого конца Кая не скажет ничего интереснее. Перечитайте последнюю фразу, она этого стоит!/

Партия будет осуществлять свою политику прежде всего через представительные учреждения, опираясь на их конституционную роль. Мы исходим из принципа и должны принять за установку нашей работы, что демократия — это не жест власти по отношению к обществу, а большая и растущая потребность социализма. /За эту фразу особенно ухватились „еврокоммунисты”./ Поэтому мы решительно высказываемся за полное соблюдение конституционных полномочий Сейма, за расширение прав рад народных /местных советов/, за подлинное обновление профсоюзов, такое, чтобы они были вполне самоуправляющимися и действенными за-

1 См. с. 109, сн. 2.

щитниками рабочих интересов и прав, партнерами по отношению к администрации. Мы будем заботиться и о том, чтобы новые профсоюзы развивались так, как об этом заявили их организаторы, чтобы соблюдался принцип, что это организации, стоящие на почве социализма и действующие как звенья социалистической демократии.

Мы хотим, чтобы каждый патриотически мыслящий гражданин нашей страны имел чувство и возможность активного участия в наших национальных делах. Мы хотим последовательно продолжать нашу политику по отношению к вероисповеданиям, обогащенную новым опытом, хорошо служащим нашему отечеству. /Обещание прекратить дискриминацию верующих при назначении на должности./ Большим достижением политики нашей партии является международная позиция социалистической Польши. Сегодня, в эту сентябрьскую ночь, через 41 год после памятной трагедии, склоняя голову перед героизмом польского солдата и страданиями нашего народа, следует со всей силой подчеркнуть, что в годы борьбы и в годы послевоенного строительства возникла и оправдала себя линия нашей последовательной, стабильной внешней политики, лежащая в основе суверенного и безопасного существования нашего народа. В ней особое место занимал и будет занимать союз с Советским Союзом. Союз этот, принесший Польше освобождение, имеет большое значение как гарантия наших справедливых, нерушимых границ, нашей безопасности, а также выгодного экономического сотрудничества, в том числе благожелательного, интернационалистского отношения к нашим сегодняшним насущным экономическим нуждам. /См. главу „Механизм растления”./

Надо особо подчеркнуть, что наши друзья, наши союзники в эти минувшие трудные дни отнеслись к нашему положению с пониманием, с верой, что мы найдем в этом положении правильное решение. Это относится прежде всего к Коммунистической партии Советского Союза и лично к товарищу Леониду Брежневу. Мы высоко ценим близкое сотрудничество со всеми дружественными социалистическими стра-

нами. Мы будем укреплять наше достойное место в Варшавском Пакте, в Совете Экономической Взаимопомощи.

Мы будем также активно продолжать, развивать и укреплять отношения со странами другого общественно-политического строя. Мы хотим и дальше вносить наш польский вклад в дело мира и разрядки, в конструктивное международное сотрудничество.

Основным условием благополучия нашей страны, преодоления трудностей, возникших на пути нашего развития, основным условием соглашения с рабочим классом, укрепления доверия общества к народной власти является наша партия, ее повседневная деятельность. /Трудности „возникли“, правда, не без участия партии, но кто же может справиться с ними, если не та же партия? Это их логика: без партии нельзя, и все тут./ Мы должны заботиться, чтобы повсюду в партии возникали образцы того, что должно действовать в социалистическом обществе. То есть согласный с ленинскими принципами демократизм в работе Центрального Комитета и всех партийных инстанций, высокие требования и суровая реакция на беззакония, на нарушения принципов морали, о чем сегодня говорилось в дискуссии. Забота о том, чтобы для каждого члена партии и каждого коммуниста на первом месте всегда стояли общественные дела. С сегодняшнего дня /!/ мы должны будем заботиться, чтобы стиль нашей работы, наши нравы стали проще и естественнее. В особенности это касается заседаний, дискуссий, разных публичных встреч. Меньше церемониала, больше деловитости и искренности — это будет содействовать улучшению нашей деятельности, поможет укрепить связь партии с обществом.

Верные социалистическим идеалам, верные нашей марксистско-ленинской идеологии, мы должны строить авторитет нашей партии на скромности, простоте, на страстной борьбе со всяким злом, со всем докучающим людям, оскорбляющим их чувство справедливости. /В Гданьске не удалось добиться даже п р и з н а н и я того, что специальное снабжение существует!/
/

Партии адресуются надежды общества на лучшую жизнь. От работы партии, от качества ее рядов, от боевого духа наших товарищей зависит преодоление трудностей, с которыми мы имеем дело. Сплотим наши ряды. Нам нужно развитие большого умственного движения /?/, которое поможет найти ответ на вопросы: как выйти на путь успешного развития, какую создать программу, какие установить гарантии, чтобы никогда больше не оказаться в таком положении, как сейчас.

Представляется целесообразным — это выдвигают некоторые товарищи в письмах в Центральный Комитет, эту точку зрения разделяет Политбюро, — чтобы на ближайшем заседании Центрального Комитета была рассмотрена целесообразность /так в подлиннике: целесообразно, чтобы была рассмотрена целесообразность/ созыва чрезвычайного съезда партии.¹ Партия должна дать ответ на эту ситуацию и на эти проблемы. Соответствующие установки, выработанные и утвержденные Центральным Комитетом, могли бы стать основой повседневной дискуссии в партии, служить ее интеграции и укреплению ее влияния во всем обществе.

Наша партия имеет в своих рядах разных людей, разных не только в отношении профессии, интересов, но и разных в смысле поколений. Наряду с молодыми людьми есть еще у нас в партии товарищи, пережившие всю эпопею борьбы с буржуазией, за классовое освобождение трудящихся масс, прошедшие через огонь борьбы с врагом на фронте или в движении сопротивления. Люди, поднимавшие из развалин нашу родную землю, строившие новую жизнь, возвращавшие Матери-отчизне западные земли. Это единство старшего и младшего поколений нашей партии — великий источник ее силы. Мы должны всегда заботиться об этом единстве. /Молодые члены партии, в самом деле, ее взорвали — съезд, о котором здесь шла речь, должен был оказаться ее п о с л е д н и м съездом./

¹ В тексте пропущена фраза: „У нас новая ситуация, перед нами стоят новые проблемы”.

Я глубоко убежден, что придет время, когда снова в массовом масштабе рабочие будут говорить о Польской Объединенной Рабочей Партии — нашей партии, и не только потому, что она ведет народ по социалистическому пути развития, но и потому, что она осуществляет свою руководящую роль такими методами, которые приближают ее к обществу, которые порождают доверие, порождают ее авторитет”.¹

С этим умственным багажом польская правящая партия, в третий раз покаявшись, приступила к своему третьему обновлению.

¹ ТЛ, 8.9.80.

9. РУКА МОСКВЫ

Для судьбы польской революции решающее значение имел вопрос о вмешательстве Москвы. Вся система власти в странах Восточной Европы держится только на угрозе советского вторжения. В 1953 году в Восточной Германии, в 1956 году в Венгрии, в 1968 году в Чехословакии военное вмешательство Москвы — и только оно — продлило существование жалких режимов, навязанных этим странам. Ясно, каковы чувства населения этих стран. Чтобы не понимать этого, надо быть очень глупым человеком, вроде того канадского журналиста, который объехал чуть ли не все зависимые страны советского блока, заговаривал на улицах с прохожими и вывел из этих разговоров заключение, что жители этих стран, привыкшие к своему положению, не особенно им тяготеют и не будут бороться за свободу своей страны. Это и естественно, — говорит он, — ведь эти народы никогда не знали демократического самоуправления, всегда были под иностранным господством. Журналист, о котором я вспоминаю, не был в Польше, где уже произошел к тому

времени военный переворот, а в отношении Чехословакии все-таки признает, что там ответы были другими. По-видимому, этот господин знает историю так же, как все нынешние обыватели, наши и заграничные, и воображает, что эти страны попали в русское подчинение прямо из-под власти турецкого султана, или что-нибудь в этом роде. Конечно, любой эмигрант мог бы объяснить этому дурачку, что всякий, к кому он обращался на улице с вопросами, имеет причины опасаться за каждое сказанное им слово, потому что должен еще некоторое время прожить в той же стране. Ему втолковали бы, что в таких странах средний прохожий даже не задумывается о реальной опасности разговора с иностранцем, а подсознательно говорит то, что полагается ему сказать в данных обстоятельствах. Но дело здесь не в глупости отдельного человека, а в системе, отбирающей такие корреспонденции: в то время Канада была заинтересована продавать на восток зерно и бог знает что еще, может быть — подслушивающие устройства.

Поляки всегда помнят о Москве. Этого не понять странам, не испытывавшим пяти польских разделов, не восстававшим снова и снова за свою независимость, как восставали поляки в 1794, 1831, 1863, 1918 годах. Вопрос о свободе Польши зависел — и до сих пор зависит — от способности Москвы влиять на польские дела. Атмосферу напряженного ожидания и беспокойства, сложившуюся в месяцы польской свободы, лучше всего передают два интервью, опубликованные в декабре 1980 года в гамбургском журнале „Дер Шпигель”.¹ Эти интервью выражают две точки зрения: московской бюрократии и польского революционного движения. Первое из них дал заместитель заведующего иностранным отделом ЦК КПСС В. Фалин, в прошлом советский посол в ФРГ; второе — наиболее известный деятель КОРа Яцек Куронь.

Из интервью Фалина опущена заключительная часть,

¹ Точнее: 15.12.80, с. 94-101.

относящаяся не к Польше, а к проблеме разоружения.¹ Интервью Куроня приводится полностью.

С Фалиным беседовали редакторы „Шпигеля” Зигфрид Когельфранц, Дитер Вильд, Рудольф Аугштейн (основатель и главный редактор журнала), Иоганнес К. Энгель, Фритьоф Мейер, Катерина Горбач.² При беседе присутствовал (не участвуя в разговоре) „консультант ЦК” Н. С. Португалов. Разговор происходил на немецком языке в помещении ЦК. Над заголовком — фотография собеседников с подписью: „Мы не ищем кризиса ни в Польше, ни где-либо в другом месте”.

„ВЫ НЕДООЦЕНИВАЕТЕ НАШИ ВОЗМОЖНОСТИ

Деятель советского ЦК Валентин Фалин о кризисе в Польше и его последствиях для советской системы

Перед лицом тяжелейшего кризиса советской системы со времени окончания Второй мировой войны Москва оказалась под давлением также и во внешнеполитической области: Совет НАТО принял в Брюсселе секретный план действий на случай, если Москва, вопреки усиленным предостережениям Запада, предпримет все же военное вторжение в Польшу. В Нью-Дели руководитель партии Брежнев предложил свой план мира для Индийского океана, но индийцы, лучшие союзники Москвы в Южной Азии, отклонили этот план. В этот напряженный момент мировой политики важный деятель Кремля Валентин Фалин, заместитель заведующей

1 В части, относящейся к Польше, имеются пропуски. Они будут отмечены нами (ред.) многоточием и/или соотв. сноской.

2 Siegfried Kogelfranz, Dieter Wild, Rudolf Augstein, Johannes K. Engel, Fritjof Meyer, Katerina Horbatsch соотв.

щего отделом ЦК КПСС, заверил в беседе со „Шпигелем”: „Социалистические страны не имеют намерения вмешиваться во внутренние дела Польши”.

ШПИГЕЛЬ. Г-н Фалин, в Польше и вокруг Польши возникло сейчас опасное международное положение. Мы хотели бы услышать от вас, как вы оцениваете развитие событий в Польше. Полагаете ли вы, что польское государственное и партийное руководство еще может справиться с положением, или же, возможно, вмешается польская армия или, в конечном счете, даже Варшавский Пакт?

ФАЛИН. Я разделяю ваше мнение, что международное положение напряженное и серьезное, — иное дело, по каким причинам. Вы связываете это положение с ситуацией в Польше. Я так не думаю, поскольку это положение ухудшилось задолго до известных осложнений, которые мы наблюдаем в Польше — как мы, так и вы не без беспокойства. Кампания, развернувшаяся в последнее время в западной печати — я полагаю, здесь можно говорить о кампании, и не только в печати, но и на Западе вообще, — ведется примерно в духе древней побасенки: „Скажи мне прямо, перестал ты бить своего отца или нет? Да или нет?” Такой вопрос был ложен в Древней Греции, а теперь еще более ложен.

ШПИГЕЛЬ. Но мы ведь не спрашиваем, перестали ли вы бить Польшу, мы спрашиваем совсем о другом: можно ли улучшить ситуацию в Польше, которая всем нам кажется опасной, не причиняя большого вреда? Мы не видим, чтобы внешние события заметно повлияли на положение в Польше, разве что выбор польского Папы. Если у поляков нет мяса и если они требуют повышения зарплаты, то ведь это не вина западной печати.

ФАЛИН. По поводу вмешательства Запада во внутренние дела Польши ясно и убедительно высказалось само польское руководство. Мне нечего к этому добавить. Я хотел бы продолжить свою мысль и сказать: опасности, о которой была речь в вашем вопросе, не существует. Социалистические страны не имеют намерения вмешиваться во внутренние дела

Польша. Польша может сама справиться со своими обстоятельствами. Весь этот шум на Западе исходит из ложной предпосылки, будто перед нами стоит нечто почти неотвратимое, что может привести к кризису в Европе или в мире.

Повторяю, мы исходим из заявлений польской правящей партии, поддерживаем усилия этой партии нормализовать положение и не дать хозяйственным проблемам превратиться в другие. Мы не ищем кризиса, не вызываем никакого кризиса, ни в связи с Польшей, ни в каком-нибудь другом месте.

И, конечно, мы не сочувствуем усилиям вызвать или устроить такой кризис в связи с Польшей, откуда бы эти усилия ни исходили.

ШПИГЕЛЬ. Но вчера советское агентство ТАСС передало сообщение, что контрреволюционные элементы в Польше пытались в разных местах захватить руководство, что они уже добились в этом успехов, которые могут в конечном счете привести к разрушению социализма.

ФАЛИН. Если мы хотим составить себе представление, точное представление о том, что происходит в Польше, мы не должны полагаться на сообщения корреспондентов.

ШПИГЕЛЬ. Даже на ТАСС?

ФАЛИН. Даже не на ТАСС, в первую очередь, а, прежде всего, на оценки, которые дает польское руководство. Если вы внимательно прочтете, что сказал на пленуме польского ЦК его первый секретарь Станислав Каня, то там буквально сказано, что контрреволюционная опасность в Польше является фактом, что эту опасность надо принимать всерьез, но что силы, стоящие на почве социализма, сопротивляются этой опасности. Имеются различные факты, подтверждающие и подкрепляющие этот тезис первого секретаря.

Но мы не хотели бы создать впечатление, будто борьба разгорелась уже до крайней остроты, будто на повестке дня¹ стоит вопрос „кто кого?”. Товарищ Каня сказал в той же речи, что партия по-прежнему несет ответственность, на-

¹ В тексте „в порядок дня”.

мерена и дальше сохранить эту роль и приложит к этому все силы.

ШПИГЕЛЬ. Но будет ли польская партия в состоянии это сделать?

ФАЛИН. Наибольшие заботы — экономического характера, потому что падает производительность. В обращении слишком много денег, а на рынке недостаточно товаров, эти ножицы расходятся, и вместе с этим растет недовершенство. Когда у людей есть деньги, но они ничего не могут на них купить, у них не всегда бывает хорошее настроение.

ШПИГЕЛЬ. Мы заметили, что все экономически важные страны предоставили Польше кредиты — в том числе, конечно, и Советский Союз, прежде всех других. Но с Запада Польша получила в совокупности даже больше кредитов, чем вся Европа по плану Маршалла после 1945 года: около сорока миллиардов марок. Так что едва ли можно сказать, что Запад старался причинить Польше трудности, иначе он вряд ли дал бы ей столько денег. Не разделяете ли вы мнения, что и Запад тоже заинтересован в успешном развитии Польши в пределах существовавших до сих пор условий?

ФАЛИН. Я полагаю, что мы не упрощаем политику Запада, если считаем такое истолкование происшедших явлений не вполне объективным. Политика почти всегда имеет много аспектов, и кредитная политика не составляет исключения.

Надо поставить вопрос несколько иначе, а именно: в какой степени имелись не субъективные намерения, а объективные предпосылки для того, чтобы эти кредиты могли принести Польше оптимальную пользу. Как заявило польское руководство, кредитная политика предыдущих правительств была ошибочной.

ШПИГЕЛЬ. Полностью ошибочной?

ФАЛИН. Ошибочной в своих темпах, в своих концепциях и в надежде таким образом связать польское хозяйство с иностранной экономикой, чтобы все пошло почти автоматически; чтобы польское производство достигло столь высокого уровня, что его изделия всюду нашли бы сбыт по

благоприятным ценам...¹ Кредиты и польское руководство виновны в том, что сейчас вся выручка за экспорт не покрывает текущих платежей и процентов.

ШПИГЕЛЬ. Когда предоставляют кредиты, предполагается, что эти кредиты будут правильно использованы внутри страны. Мы имеем в виду следующее. Не Запад и, возможно, даже и не Советский Союз виновен² в том, что кредиты были использованы способом, объективно вызвавшим трудности. Это ошибки, за которые обычно наказывают правительство, отстраняя его от власти.³

ФАЛИН. Поляки сами рассчитываются между собой, это их право. Никто не может оспаривать это право поляков делать выводы из прошлого...¹ Это даже необходимо, чтобы такие ошибки не повторялись. Не одна страна, а многие страны как на Западе, так и на Востоке, допускали такие ошибки.

ШПИГЕЛЬ. Почти все.

ФАЛИН. Да, почти все. Нелегко учесть все зависимости, в особенности колеблющуюся мировую конъюнктуру или, тем более, превратности погоды. Мы взяли, например, для постройки ряда заводов кредиты на шесть-восемь лет, рассчитывая, что эти заводы будут построены за шесть лет, и тогда мы оплатим кредиты их продукцией. Но нам понадобилось на это десять лет, и еще четыре года мы расплачивались из текущей продукции.

ШПИГЕЛЬ. Что касается опасности для мира, то нас беспокоит не сам факт наличия экономического кризиса в Польше, а то, что этот кризис может вызвать последствия, угрожающие политике разрядки. На конференции Варшавского Пакта в Москве было заявлено: „Польша была, есть

1 Многоточие добавлено нами. — Р е д.

2 Так в тексте; след. читать: „Запад и, возможно, Сов. Союз не виновны”.

3 В тексте пропуск; после слова „власти” след. читать: „ФАЛИН: Мы не хотим осуждать и, тем более, учить наших польских друзей. ШПИГЕЛЬ: Вы-то — нет, но Польская партия это делает”.

и останется социалистической страной". Какие же заверения или гарантии мог предложить вам г-н Каня, что это и в самом деле так будет?

ФАЛИН. Видите ли, у Польши есть конституция, как и у вас. В этой конституции ясно изложены принципы экономического, социального и других видов развития в этой стране. И если в вашей стране кто-нибудь пренебрегает конституцией, оскорбляет ее или как-либо иначе не уважает ее...

ШПИГЕЛЬ. То в случае надобности высказывается Конституционный суд.

ФАЛИН. Да, в случае надобности. Если оставлять за собой такое право, то нельзя отказывать в нем и другим странам.

ШПИГЕЛЬ. Но ведь социалистический лагерь считал возможным его оспаривать. Мы хорошо помним 1968 год...

ФАЛИН. Нет, нет, нет, это опять одна из тенденций, которых не существует. И потому мне не хотелось бы возвращаться к этому вопросу — мы уже о нем говорили. Тезис, что „Польша была, есть и останется социалистической страной, прочным звеном семьи социалистических стран”, был высказан польскими товарищами на московском совещании на высшем уровне, и мы восприняли эти слова с удовлетворением. Я думаю, вам ясно, что мы не были разочарованы ими. Другие участники встречи подтвердили, что социалистическая Польша, польская рабочая партия и польский народ могут рассчитывать на братскую солидарность и поддержку стран, входящих в Варшавский Пакт.

ШПИГЕЛЬ. Значит ли это, что по вашему нынешнему представлению исключается применение силы как со стороны самих поляков, так и извне?

/Решающий вопрос. Фалин уклоняется от ответа./

ФАЛИН. Сначала следовало бы определить, что называется силой. Если исходить из того, что государство не будет защищаться, когда какие-нибудь силы, все равно с какой стороны, нападают на государственные учреждения...

ШПИГЕЛЬ. ...государственные и партийные...

ФАЛИН. ...и партийные, то вы вряд ли поверили бы, если бы я сказал вам, что государственные органы будут наблю-

дать что-нибудь в этом роде пассивно и вполне безучастно. Пока государство остается государством, оно способно защищаться и, как правило, защищается.

ШПИГЕЛЬ. Извне. А если изнутри?

ФАЛИН. Ведь у вас тоже есть для всевозможных случаев — извне и изнутри — некоторый закон, некоторая рамка, золотая или серебряная, позволяющая энергично реагировать.

ШПИГЕЛЬ. Но ведь здесь нечто произошло: польский партийный руководитель Каня сам предостерег, что антисоциалистические силы стремятся погрузить страну „в анархию”. Может ли Советский Союз допустить, чтобы в социалистическом лагере, в столь чувствительном стратегическом пункте воцарилась анархия?

ФАЛИН. Мы — не сторонники анархии, ни в социалистическом, ни в капиталистическом лагере. Анархия — это всегда плохо, для всего развития в мире.

/Фотография: памятник в Гданьске — три креста с подвешенными якорями. Подпись: „Анархия — это всегда плохо”. Подстрочное примечание: „Памятник 45 рабочим, убитым милицией на Побережье во время восстания 1970 года”./

Но мы исходим из того, что в Польше не будет анархии. В Польше есть государство, имеются все необходимые орудия государства.

/Фотография: Польские солдаты в строю, с автоматами в руках. Подпись: „Имеются все необходимые орудия государства”./

Они пригодны для того, чтобы не допустить распространения анархии.

ШПИГЕЛЬ. Но сейчас в Польше не господствует анархия?

ФАЛИН. В данный момент — нет.

ШПИГЕЛЬ. Видите ли вы опасность, что дело может дойти до анархии?

ФАЛИН. Острой опасности нет.

ШПИГЕЛЬ. Считаете ли вы польские органы достаточно сильными и действенными, чтобы предотвратить анархию?

ФАЛИН. Насколько мы информированы — информация

исходит от наших польских товарищей, — они в состоянии это сделать.

ШПИГЕЛЬ. Как раз пришло сообщение, что и крестьяне готовы бастовать, если им откажут в праве на свободные, независимые профсоюзы. Разве это не указывает на обострение положения?

ФАЛИН. Я читал это сообщение. Но подождем, пока польское правительство само оценит ситуацию. Ни у вас, ни у нас нет достаточных данных, чтобы составить себе об этом собственное мнение.

ШПИГЕЛЬ. В течение немногих месяцев десять миллионов польских рабочих спонтанно и добровольно соединились в независимые профсоюзы. Что же это, на ваш взгляд: анархия или та же самая диктатура пролетариата, о которой сказано в программе любой коммунистической партии?

/Вот вопрос, не предусмотренный подготовкой советского дипломата! Что же он скажет?/

ФАЛИН. Ни то, ни другое. Ни анархия, ни диктатура пролетариата.

ШПИГЕЛЬ. Так что же это?

ФАЛИН. Это явления, объясняющиеся недостатками в практической работе прежних польских профсоюзов, как сказал товарищ Каня на предыдущем пленуме польского ЦК. В отличие от других профсоюзных движений Европы польские профсоюзы в последние годы очень запустили свою профсоюзную работу в смысле защиты интересов рабочих.

ШПИГЕЛЬ. На Западе многие были поражены, что в государстве восточного блока допущены независимые профсоюзы.

ФАЛИН. Вы недооцениваете возможности социализма. /Отсюда заголовок интервью!/

ШПИГЕЛЬ. Значит, возникновение спонтанных, не подчиненных прямому руководству партии профсоюзов является при социализме законным делом, а забастовка — законным оружием?

ФАЛИН. Когда вы говорите „прямое руководство пар-

тии", вы неправильно изображаете ситуацию в Советском Союзе и в других социалистических государствах. Нигде профсоюзы не подчинены прямо партии. Они автономны.

ШПИГЕЛЬ. Но ведь они признают руководящую роль партии?

ФАЛИН. Партия оказывает свое влияние в этих организациях не прямым образом, а тем, что члены партии работают в профсоюзах, но не таким образом, чтобы партия что-то решала и это затем автоматически выполнялось.

ШПИГЕЛЬ. Так что же, является в Советском Союзе забастовка законным оружием рабочих?

ФАЛИН. Забастовка, у нас? Нет.

/Фотография: Группа молодых польских рабочих. Подпись: „Польские рабочие: „Забастовка, у нас? Нет”./

ШПИГЕЛЬ. На Западе появились сообщения, что в последнее время в Эстонской Советской Республике были забастовки. Радио и телевидение Эстонии сообщали о демонстрациях...

ФАЛИН. Ничего такого не знаю.

ШПИГЕЛЬ. В Польше по поводу руководящей роли партии имеются глубокие расхождения между членами профсоюзов, даже между разными судебными инстанциями. Верховный суд, высокий государственный орган, под давлением профсоюзов снова вычеркнул из его устава руководящую роль партии.

/Это неверно. Как мы увидим дальше, к уставу добавили особое приложение, содержащее все-таки эту „руководящую роль”. Журналист этого не знает, но не знает и Фалин. Впрочем, он не понял вопроса./

ФАЛИН. В Федеративной республике тоже бывает, что суд отменяет некоторое положение в уставе союза, противоречащее конституции. В Польше Верховный суд принял решение — согласны мы с ним или нет.

ШПИГЕЛЬ. Но вы согласны или нет?

ФАЛИН. Это новинка, я должен об этом еще подумать, прежде чем дать ответ.

ШПИГЕЛЬ. Считаете ли вы мыслимым, чтобы и в других

социалистических государствах общественные силы организовались точно так же, как в Польше?

ФАЛИН. Отвечу вам вопросом на вопрос: считаете ли вы мыслимым, чтобы в капиталистических государствах общественные силы стали действовать точно так же, как сейчас в Польше? Чтобы они предъявили требования, противоречащие конституции? /Все время предъявляют, и конституции время от времени меняются./ Чтобы, например, профсоюзы в Федеративной республике приобрели такой статус, как нынешние профсоюзы в Польше?

ШПИГЕЛЬ. Они давно уже имеют такой статус, им незачем его требовать.

ФАЛИН. Очень сомневаюсь. Впрочем, насколько я знаю, ни одна правящая коммунистическая партия не стоит на той точке зрения, что учреждения в их странах не могут развиваться. Если бы то, что происходит в Польше, и в самом деле оказалось улучшением...

ШПИГЕЛЬ. ...то это могло бы послужить моделью?

ФАЛИН. Не так уж прямо моделью.

/Фотография: Очередь за мясом в Польше. Подпись: „Не так уж прямо модель”. Рядом — улыбающийся Каня на трибуне, под портретом Ленина. Подпись: „Мы реалисты”./

Весьма вероятно, что модели бывают правильны лишь для конкретных особенностей, в конкретных ситуациях конкретных стран.

ШПИГЕЛЬ. Но ведь Польша всегда была в особом положении. Сельское хозяйство не было коллективизировано, церковь играла привилегированную роль, интеллигенты могли высказываться в оппозиционном духе, почти не ограничивались поездки на Запад. Может быть, это и есть причины, почему в Польше развилось нечто, что вы назвали новинкой?

ФАЛИН. Не думаю, что здесь происходит что-нибудь совсем специфическое. Много происходит из истории польской нации.

Как неоднократно говорил генеральный секретарь Брежнев, мы не держим в тайне нашего опыта, наших достижений, а также наших трудностей. Если кто-нибудь хочет по-

учиться на наших делах — пожалуйста, мы в этом откровенны. Но если кто-нибудь придумывает и развивает для себя нечто лучшее, это касается соответствующих стран. Мы не говорим, что все сделанное в Советском Союзе заведомо правильно и для всякой другой страны.

ШПИГЕЛЬ. Но есть ведь некоторые общие черты, обязательные для всех социалистических стран. Если бы при дальнейшем развитии Польши такие общеобязательные черты исчезли и Польша, по мнению других коммунистических партий, перестала бы быть социалистической страной, можно ли себе представить, что она, вопреки этому, входила бы в Варшавский Пакт?

ФАЛИН. Разрешите мне процитировать в этом случае г-на федерального канцлера Шмидта: Я не люблю отвечать на гипотетические вопросы. Нет никакого повода для подобного гипотетического вопроса.

ШПИГЕЛЬ. Тогда поставим вопрос совсем прямо. Может ли несоциалистическая страна быть членом Варшавского Пакта?

ФАЛИН. Да, конечно, почему же нет? Ведь мы не замкнутое сообщество, как, например, НАТО.

ШПИГЕЛЬ. НАТО принимает и новых членов.

ФАЛИН. Однажды мы попытались вступить в члены НАТО; но наше пожелание было, так сказать...

ШПИГЕЛЬ. ...принято не слишком всерьез. Это было при Хрущеве. Но ведь вы можете сейчас повторить свое предложение.

ФАЛИН. Это можно считать приглашением?

ШПИГЕЛЬ. Почему бы и нет?¹

ФАЛИН. Я всегда считал, что „Шпигель” очень великодушен.

ШПИГЕЛЬ. Г-н Фалин, во всех наших вопросах вы замечаете, как удивляет нас доверие советского партийного руководства к утверждениям польского партийного руководства, что польские власти смогут сохранить контроль над по-

¹ В тексте „почему нет?”

ложением. Вот уже три месяца мы видим, как польское руководство снова и снова отступает перед требованиями новых общественных сил. И ничего не произошло, кроме некоторой смены лиц. Ведь это упадок власти.

ФАЛИН. Я не могу зайти так далеко в моих оценках, ни субъективно, ни объективно. Конечно, в развитии польских событий имеются отрицательные тенденции, но есть и достаточно положительных.

Самое важное, как сказал товарищ Каня, что нашла сила и энергия решить проблемы польскими средствами, что большая часть участников польского кризиса готова искать выход в рамках конституции. А это значит: продолжение социалистического развития страны. За исключением ограниченных групп, поставивших себе целью подрыв социализма, никто не оспаривает социалистического характера страны и необходимости его сохранить.

ШПИГЕЛЬ. Трудность состоит в том, что в польской конституции не сказано ничего определенного о том, могут ли и вправе ли рабочие, крестьяне, студенты, интеллигенты организовываться независимо от партии. А если они попросту делают это, не обращая внимания на партию /что и происходило в Польше в те дни/, то может ли партия выдержать эту конкуренцию?

ФАЛИН. Партия не претендует на то, чтобы быть единственным представителем. Она рассматривает себя как часть, а именно ведущую силу общества, но не как фактор, стоящий вне всякой критики и воздействующий на общество.

В настоящее время ни профсоюзы, ни молодежь, ни другие названные вами силы не оспаривают руководящей роли партии. Но они понимают эту руководящую роль, может быть, иначе, чем это делалось раньше.

Сама партия недовольна тем, как раньше была организована в партии общественная и хозяйственная работа. Поэтому прежнее руководство было не только подвергнуто критике, но и снято.

ШПИГЕЛЬ. Что же, на ваш взгляд, не существует такой вещи, которую мы называем монополией власти партии?

ФАЛИН. Партия рассматривает себя как авангард ведущих сил большинства общества. Это не значит, что партия находится на расстоянии от масс или тем более управляет ими. Если возникает такое расстояние, тогда и бывает кризис.

Наши польские товарищи сказали так. Отдельные лица в руководстве потеряли контакт с массами. Это печально, в некотором смысле даже трагично. Мы, реалисты /Подпись под фотографией Кани, см. выше/, принимаем это к сведению и намерены сделать отсюда выводы.

ШПИГЕЛЬ. Не беспокоит ли вас, что новые профсоюзы могут развиваться во вторую партию?

ФАЛИН. Профсоюзы заявили, что они не намерены стать второй партией. Это заверение принято всерьез.

ШПИГЕЛЬ. Но разве плохо было бы, если бы они стали второй партией — Рабочей партией?

ФАЛИН. Плохо или нет, на этот вопрос ответят сами поляки”.

Поскольку дальнейшая часть интервью была посвящена уже устаревшим спорам о разоружении, мы можем расстаться с г-ном Фалиным в этом месте. В последней фразе он нечаянно сказал правду.

Второе интервью заслуживает особого внимания: это подлинный голос польской революции. Куронь высказывается очень откровенно, потому что, по его правильной оценке, Польша больше всего нуждается в массовой политической организации, и надо использовать бессилие власти для создания такой организации. Если она должна быть *м а с с о в о й*, то нельзя уже говорить намеками и скрывать свои цели от публики: надо довести их до сведения масс. Западная печать и, особенно, радио служили в то время главным источником информации: Куронь знал, что его слова будут немедленно переданы для польских слушателей.

Не следует отождествлять точку зрения КОРа, выраженную в этом интервью, с политикой уже сложившегося к тому времени профсоюза „Солидарность”. Бóльшая часть членов „Солидарности” не заняла еще отчетливой политической

позиции. Поскольку „независимый профсоюз” втянул в себя всех недовольных, он был весьма неоднороден в отношении мировоззрения и намерений. Главными направлениями были католическое, ожидавшее руководства от церкви, и социал-демократическое, причем, второе было в меньшинстве. Куронь выражает точку зрения наиболее решительной части этого меньшинства. Если бы массы членов „Солидарности” думали и действовали так, как люди КОРа, то Польша была бы уже свободна.

Куронь считался не только лучшим мыслителем, но и лучшим оратором польской оппозиции. Он славился умением успокаивать рабочих: вопреки выдумкам московской пропаганды, люди КОРа не возбуждали рабочих, а все время сдерживали их воинственность, предупреждая бессмысленные столкновения.

В отличие от предыдущего, это интервью не сопровождается обычными данными: не указывается, кто встретился с Куронем, когда и в каком месте. Дата публикации 15/XII 1980 г.¹

„НЕ ВЫМАНИВАТЬ ВОЛКОВ ИЗ ЛЕСУ

Интервью „Шпигеля” о польском кризисе с варшавским оппозиционным политиком Яцеком Куронем

Фотография Куроня с микрофоном в левой руке: это человек 45-50 лет, в клетчатой летней рубашке, указывающий правой рукой в сторону аудитории. Подпись: „Критик правительства”² Куронь: „Опасно стоять на месте”. Подстрочное примечание: „На студенческом собрании в Гданьске”.

1 „Шпигель”, с. 105-109.

2 Точнее: „Критик режима” (там же, с. 105).

ШПИГЕЛЬ. Г-н Куронь, совещание восточного блока на высшем уровне, проведенное в Москве в конце позапрошлой недели, до иллюзии напоминало образ действий 1968 года, когда было решено вторжение в Чехословакию. Может быть, и вы в Польше слышите уже скрежет танков?

КУРОНЬ. Русские знают, что вторжение будет означать для них войну и что эта война будет для них тяжелой как в военном, так и в политическом отношении. Поэтому они все не хотят сюда вторгаться. Впрочем, ставка столь высока, что при известных обстоятельствах мы должны считаться и с такой возможностью.

ШПИГЕЛЬ. При каких же обстоятельствах это могло бы случиться?

КУРОНЬ. Об этом можно только догадываться. Одно, во всяком случае, ясно: если речь идет о жизни нации, то — нравится это нам или нет — нужна величайшая осторожность.

/Московские старцы боятся идти на риск и будут избегать вторжения, пока для этого останется формальная возможность. Но если произойдет явное „изменение социалистического строя“, они могут счесть, что обязаны вмешаться. Корреспондент, как видно из следующего вопроса, это хорошо понимает./

ШПИГЕЛЬ. Где же проходит граница, которую нельзя перейти?

КУРОНЬ. Мы полагаем, что эта граница — во всяком случае, сегодня — была бы перейдена, если бы была свергнута государственная власть. Но ниже этого порога опасности мы не можем тормозить надежды и стремления населения — не смогли бы, если бы и захотели. У нас здесь гигантское общественное движение за демократизацию, во всех без исключения слоях. Независимый самоуправляющийся профсоюз „Солидарность“ — только часть этого движения и вместе с тем его символ. Удержать это движение уже невозможно.

ШПИГЕЛЬ. По этому поводу вы, как член и представитель КОРа — Комитета общественной самозащиты, испытываете, конечно, некоторое удовлетворение...

КУРОНЬ. Я предпочел бы отвечать на ваши вопросы от собственного имени.

/Этика и тактика здесь совпадают: Куронь не имеет формальных полномочий от своих товарищей и не хочет подвергать их опасности./

ШПИГЕЛЬ. Понимаю. И все же мы считаем важным отметить, что нынешнее положение в Польше и процесс, который привел к этому положению, были с поразительной точностью предсказаны КОРОм еще четыре года назад.

Новый профсоюз „Солидарность”, поддерживаемый вами и вашими политическими друзьями, сумел в значительной мере добиться от власти удовлетворения своих требований. Однако отношения между государством и рабочими все еще очень напряженные. Чем это объясняется?

КУРОНЬ. Одна из причин в том, что эта власть снова и снова нарушает Гданьское соглашение. Если, например, рабочие „Урсуса” ответили забастовкой на арест члена профсоюза, сотрудника независимого издательства „Нова”, то это было лишь естественным следствием такого нарушения.

/Фотография: мужчина и женщина с повязками на лицах у печатного станка. Подпись: „Печатники оппозиционного издательства „Нова”. „Строгий контроль цензуры”. Подстрочное примечание: „Добровольные помощники надели повязки, чтобы их нельзя было узнать по фотографии”./

ШПИГЕЛЬ. Вы называете о д н у из причин. Каковы же другие?

КУРОНЬ. Главная трудность состоит в отношении населения к государственной власти, которой они должны были повиноваться тридцать пять лет: для этого отношения характерны фрустрация и нарастающее отвращение — во всех областях жизни.

Поэтому каждый раз, как только возникает конфликт между профсоюзом „Солидарность” и властью, все равно по какому вопросу, мы получаем огромную поддержку. Но каждое соглашение, как бы оно ни было благоприятно для профсоюза, вызывает в населении неудовлетворение или, лучше сказать, разочарование.

ШПИГЕЛЬ. В течение минувших недель много раз случилось, что вы и другие люди КОРа должны были выступать на предприятиях, предостерегая рабочих от необдуманных шагов. Почему рабочие так возбуждены?

КУРОНЬ. Фрустрацию, напряжение и агрессивность трудно отделить друг от друга. Даже при последовательном снижении порога страха все еще сохраняются некоторые табу. Когда люди борются за свою зарплату, они добиваются т а к ж е и зарплату, но не только ее; для них важны и все другие права и свободы, которых они были до сих пор лишены.

ШПИГЕЛЬ. Итак, перед нами скорее символический конфликт?

КУРОНЬ. У нас каждый конфликт имеет отчасти символический характер.

ШПИГЕЛЬ. Как бы вы описали нынешние отношения между польскими рабочими и интеллигенцией?

КУРОНЬ. В последние месяцы наметилось известное различие в установке; не противоречие, не конфликт, а именно противоречие¹ в установке.

ШПИГЕЛЬ. В чем же оно проявляется?

КУРОНЬ. С одной стороны, мы имеем уже упомянутую выше фрустрацию, вызываемую все ухудшающимся хозяйственным положением и неспособностью государственных учреждений, причем по мере снижения порога страха все более открыто проявляется и постоянно нарастает отвращение к государственной власти. С другой стороны, общее положение Польши, геополитическое /советская угроза/ и внутреннее. Из-за внешних факторов не может быть и речи о свержении государственной власти, а улучшение условий жизни невозможно вследствие экономического положения страны.

ШПИГЕЛЬ. Таким образом, имеется противоречие между желаниями населения и возможностями экономических реформ?

¹ Так в тексте; след. читать „а именно различие”.

КУРОНЬ. Да, и это противоречие происходит просто из общей ситуации. Рабочие становятся все радикальнее, между тем как интеллигенты, более чувствительные к внешней опасности и живее представляющие себе возможные следствия экономического положения, становятся все осторожнее и все более склоняются к компромиссам.

ШПИГЕЛЬ. Верите ли вы, что государственная власть, то есть партия, еще способна себя реформировать?

КУРОНЬ. Если исходить из того, что нам еще долго придется мириться с этим компромиссом — демократическим обществом, управляемым коммунистической партией, то было бы, конечно, лучше всего, если бы партия нашла в себе силы для внутренней реформы, для перемены.

/Т. е. продолжала бы называться по-прежнему, но не была бы уже партией коммунистического типа: тогда она могла бы „управлять” — разумеется, фиктивно — демократическим обществом./

Но об этом я знаю слишком мало и не имею на это никакого влияния. Я должен мыслить категориями моих собственных общественных задач; я должен исходить поэтому из того, что партия скорее всего не изменится. Если она все же изменится — тем лучше.

ШПИГЕЛЬ. Насколько солидарна „Солидарность” — как учреждение, а также как массовое движение с большим взрывчатым потенциалом и харизматическим предводителем?

/Харизма — особая миссия свыше, приписываемая вождю его последователями. Имеется в виду Лех Валенса. Фотография: Валенса с микрофоном в руке на небольшом возвышении, среди восторженной толпы. Подпись: „Рабочий вождь Валенса перед студентами в Кракове: „Огромная поддержка”./

КУРОНЬ. Конечно, харизматическое излучение рабочего вождя играет свою роль, но это вовсе не самое важное. Гораздо важнее солидарность. Сотрудничество с правительством, основывающееся на компромиссе, удастся нам лишь в той мере, в какой оба крыла движения смогут в нем ужить-ся — радикальное и склонное к компромиссу.

ШПИГЕЛЬ. Ограничиваются ли расхождения между этими крыльями разным отношением к власти?

КУРОНЬ. Пока дело обстоит так. Но надо считаться с тем, что скоро возникнут напряжения между разными профессиональными группами и центробежные тенденции, подавленные до сих пор конфликтом с властью. И потом, надо иметь в виду, что речь идет о движении миллионов людей, не имеющем, однако, ни испытанных организационных форм, ни необходимого опыта.

ШПИГЕЛЬ. Какие же вообще, по вашему мнению, могут быть шансы на сосуществование между демократическими, плюралистическими профсоюзами и монолитной партией?

/Плюрализм означает множественность./

КУРОНЬ. Я думаю не только о плюралистических профсоюзах. Развитие событий давно уже зашло гораздо дальше. То, о чем я думаю, это демократическое плюралистическое общество.

Это значит плюрализм в области корпораций, кооперативов, потребительских обществ, хозяйственного самоуправления; различных культурных объединений, обществ покровительства и опеки и так далее; организованное крестьянское движение, движение гражданской инициативы, дискуссионных клубов, занимающихся разработкой определенных концепций, центров, задачей которых была бы работа над интеграцией отдельных проблем.¹ И, разумеется, также профсоюзы.

ШПИГЕЛЬ. Но как же может происходить взаимодействие всех этих плюралистических движений в государстве, управляемом коммунистической партией?

КУРОНЬ. Должны быть созданы институционные формы, которые дадут возможность этим плюралистическим движениям организовываться и сотрудничать. Должна быть выработана система функционирования общества.

ШПИГЕЛЬ. Но как совместить все это с руководящей ролью партии?

¹ Так в тексте; след. читать „отдельных программ”.

КУРОНЬ. Речь идет о системе, в которой общественная структура сможет возводиться снизу, в то время как основные решения будут согласовываться с центральными инстанциями коммунистической партии. /Здесь заключен главный тактический замысел: сохранить обращенный к Москве фасад „польского социалистического строя” в виде центральных учреждений, по существу лишенных власти, но выполняющих почетные функции, вроде микадо в дореформенной Японии. Конечно, при таком строе вся армия мелких и средних чиновников, привыкших „руководить” на местах, осталась бы без дела. Не удивительно, что они оказывают отчаянное сопротивление./

ШПИГЕЛЬ. Ваша концепция предполагает, что коммунисты будут готовы сотрудничать. Захочет ли и сможет ли партия, все еще называющая себя ленинской, вытерпеть столько плюрализма?

КУРОНЬ. Ей придется. Другим способом управлять этой страной уже нельзя. Повторяю, все это движение за демократизацию идет снизу, от населения, которое все больше организуется и этим вынуждает власть к уступкам. Таким образом, государственная власть должна пойти навстречу этому требованию людей, желающих больше плюрализма, больше демократии, — нравится ей это или нет, она д о л ж н а в этом участвовать.

ШПИГЕЛЬ. Итак, вы рассматриваете партию не только как вашего врага, но и как тактического союзника?

КУРОНЬ. В той мере, в какой мы — так я это себе представляю — будем последовательными этапами строить эту плюралистическую структуру и постепенно, шаг за шагом, разбирать тоталитаризм. Очень медленно.

Верно, что цели власти и демократического движения прямо противоположны. Но борьба между обеими тенденциями, тоталитарной и демократической, должна вестись исключительно мирными средствами. От соблюдения этого правила государственной властью зависит возможная степень партнерства, о котором вы говорили. /Если они прибегнут к силе, то им ответят силой, и они потеряют все./

ШПИГЕЛЬ. В Польше везде говорят о реформах. Имеются ли для них конкретные модели? Может быть, югославская?

КУРОНЬ. Что касается экономической системы и связанных с нею структур, то, конечно, югославский пример может быть полезен. Есть, однако, принципиальное различие. В Югославии реформа шла сверху, со стороны сильной коммунистической партии с большим авторитетом. У нас же реформа идет снизу.

/Фотография, изображающая бедный рынок, мужчин и женщин в потрепанной одежде, стоящих в грязи. Бросаются в глаза старуха в резиновых сапогах и тощая корова на переднем плане. Подпись: „Крестьяне на рынке в южной Польше: „Движение уже невозможно удержать”./

ШПИГЕЛЬ. Все же югославы не очень-то преуспели со своей системой.

КУРОНЬ. Мы тоже знаем о серьезных недостатках этой системы и хотим их избежать. Но это уже, пожалуй, технические детали. Гораздо важнее макроэкономические решения. Поскольку у нас, как я уже сказал, речь идет о массовом движении, реформа будет осуществлена при участии общества, и тем самым решения, относящиеся к реформе, выйдут более демократическими, чем в Югославии. /Реформы будем проводить мы, а власть только приставит к ним печать./

ШПИГЕЛЬ. Как далеко может зайти, по вашему мнению, сотрудничество „Солидарности” с правительством в области экономики — возможно, дело дойдет до совместных комиссий?

КУРОНЬ. Пару недель назад я ответил бы: вообще не должно быть сотрудничества, профсоюз должен остаться только профсоюзом. Для совместной работы с властью в деле реформы необходимы органы самоуправления, крестьянское движение, кооперативы, культурные общества и так далее.

ШПИГЕЛЬ. Так сказали бы вы пару недель назад. Но теперь вы переменили мнение?

КУРОНЬ. Мы находимся сейчас в особой ситуации — потому что положение страны в самом деле трагично. „Соли-

дарность" держит в своих руках огромную власть. Она не должна больше колебаться, она должна приняться за ряд основных дел, чтобы найти выход из кризиса. Дело уже не только в реформе, просто нужен выход.

/„Солидарность" колебалась до конца, обличая правительство в неспособности справиться с кризисом, но не принимая на себя экономической инициативы. Слишком сильно было представление, будто она — т о л ь к о профсоюз! Впрочем, это еще не конец./

ШПИГЕЛЬ. Пока что не видно разделения между профсоюзом и самоуправлением, которого вы хотите. В действительности дело происходит так, что возникающие органы самоуправления, союзы и другие подобные движения тотчас же стремятся влиться в „Солидарность".

КУРОНЬ. Тенденция эта понятна. /„Солидарность" прикрывает их от преследования./ Но я надеюсь, что со временем удастся сделать эти движения самостоятельными, независимыми от профсоюза.

ШПИГЕЛЬ. Должны ли также органы самоуправления на заводах быть независимыми от профсоюза?

КУРОНЬ. Непременно. „Солидарность" должна настоять на концепции самоуправления, но в качестве совершенно независимого от профсоюза учреждения.

ШПИГЕЛЬ. Почему вы считаете столь важным, чтобы самоуправление было независимо от профсоюза?

КУРОНЬ. Потому что невозможно одновременно стоять на точке зрения работодателя и рабочей силы. Рабочее самоуправление должно будет по необходимости защищать интересы предприятия, то есть работодателя. /Таким образом, органы рабочего самоуправления должны и в самом деле управлять предприятиями. Кто же работодатель? Может быть, министерства? Здесь остается открытым вопрос о *собственности на средства производства!*/

ШПИГЕЛЬ. Значит, профсоюз должен, как и в западных демократиях, представлять на предприятии исключительно интересы рабочей силы?

КУРОНЬ. Здесь имеются весьма различные подходы. С од-

ной стороны, он должен представлять исключительно интересы рабочих. Но наряду с этим профсоюз рассматривают как достижение, отвоеванное у власти, то есть нечто вроде другой власти, от которой ожидают всевозможных вещей.

Эти тенденции понятны, но профсоюз никак не может выполнить все желания населения. Тем более важна и настоятельно необходима организация других самоуправляющихся движений и учреждений. /Речь идет о политических партиях. Куронь опасается, что „Солидарность” не сможет или не захочет стать политической партией, — что и случилось. Тогда он начал строить отдельную партию под названием „Клубы самоуправляющейся Польши”, но было уже поздно./

ШПИГЕЛЬ. В каких областях, по вашему мнению, должна сохраниться монополия власти коммунистической партии?

КУРОНЬ. В полиции — это, конечно, не значит, что она может стоять над законом, — в вооруженных силах, во внешней политике. Коммунистическая партия должна иметь также некоторую позицию в области центральной администрации, что даст ей возможность влиять на внутреннюю политику.

ШПИГЕЛЬ. Это может означать и очень много, и очень мало. Не могли бы вы несколько уточнить, что вы имеете в виду?

КУРОНЬ. Влиять означает в этом случае — в государстве, где главными факторами являются власть и общество, — что власть должна рассматривать себя как один из этих факторов, но только один, и соответственно этому себя вести. Сверх того — и это очень важно — все, что согласовано путем переговоров и компромиссов с обществом, власть должна быть в состоянии осуществлять. /По-видимому, смысл этого в том, что за властью остается право подписывать подготовленные для нее решения?/

ШПИГЕЛЬ. Как будет обстоит дело с цензурой?

КУРОНЬ. Было согласовано, что цензура должна подлежать строгому контролю, что она будет заключена в тесные границы. Ее полномочия должны быть ограничены правом заинтересованных лиц обращаться в суд, привлекая цензора к ответственности, а также выпускать газету с белым пят-

ном вместо изъятых текстов. /Ничего этого не удалось добиться, даже на словах. Но корреспондент думает, что имеются обещания./

ШПИГЕЛЬ. Какое значение вы придаете подобным гарантиям?

КУРОНЬ. Они имеют значение лишь в том случае, если связаны с независимыми от государства общественными организациями. Потому что эти организации — решающий фактор, ключ ко всему.

ШПИГЕЛЬ. Какую роль может и должен играть Запад перед лицом польских перемен?

КУРОНЬ. Я не хотел бы уклоняться от ответа на этот вопрос, но — не знаю. Прежде всего важно, чтобы люди на Западе знали, более того, понимали, что у нас происходит. Потому что поддержка нашего движения общественным мнением Запада — это один из факторов, содействующих стабилизации этого движения.

ШПИГЕЛЬ. Вы особенно подчеркнули слово — п о н и м а л и. Не думаете ли вы, что на Западе неверно понимают события в Польше?

КУРОНЬ. Во всяком случае, поляки очень обеспокоены истерической манерой, в которой многие западные средства массовой информации сообщают об опасности советской интервенции, — особенно станции, вещающие по-польски. При этом многие сообщения с Запада делаются в таком тоне, будто сами поляки виновны в том, что им угрожает вторжение советских танков.

ШПИГЕЛЬ. Разве поляков беспокоит лишь тон корреспонденций, а не сама опасность?

КУРОНЬ. Здесь возникла любопытная ситуация. А именно: мы, живущие в Польше и прямо подверженные потенциальной опасности, верим, что держим в своих руках положение в стране и способны демократизировать нашу общественную жизнь без того, чтобы двинулись танки. Между тем Запад, по мнению многих поляков, несущий свою долю вины за наше нынешнее положение, поднимает ужасный крик, будто танки уже двинулись. Как гово-

рит польская поговорка, „не надо выманивать волков из лесу”.

ШПИГЕЛЬ. Если только они захотят остаться в лесу. Не кажется ли вам, что московское коммюнике на высшем уровне в пятницу на позапрошлой неделе вполне сознательно составлено в таких выражениях, что звучит как последнее предупреждение полякам?

КУРОНЬ. Никоим образом. Я рассматриваю это коммюнике как дальнейшую попытку оказать давление на население Польши. Чтобы поляки под этой угрозой остановились и не решились продолжить свой путь к демократии.

ШПИГЕЛЬ. Как же поведут себя поляки перед лицом этой угрозы?

КУРОНЬ. Это и есть главная проблема. Потому что мы никак не можем остаться в нашем нынешнем положении: именно это было бы опасно. В самом деле, прежняя монополия власти коммунистической партии уже разбита, а требуемые обществом демократические реформы еще не осуществлены. И если все упомянутые в этом интервью организации не будут созданы как можно скорее, чтобы с их помощью можно было мирным путем разрешить имеющиеся и возникающие конфликты, тогда — и только тогда — надо ожидать худшего.

Тогда и в самом деле была бы перейдена граница опасности — была бы свергнута коммунистическая государственная власть, которая должна гарантировать сохранение советского влияния в Польше”.

Как мы видим, Куронь рекомендует немедленно использовать ослабление власти для создания целой сети организаций, способных удержать эту власть под контролем и вынудить ее к „мирному” решению конфликтов. Куронь видит такую слабость государственного аппарата, что больше всего боится случайного свержения власти (и затем — возможного вторжения). Этой власти дали время оправиться от ударов, собраться с силами и подготовить переворот.

Польские рабочие все-таки верили обещаниям своих хозяев!

10. „СОЛИДАРНОСТЬ”

Писать историю „Солидарности”, конечно, преждевременно: прежде всего потому, что эта история, по моему убеждению, только начинается. Но есть и другие причины, по которым нельзя изложить здесь сколько-нибудь систематически историю Независимого Самоуправляющегося Профсоюза. Печатные материалы „Солидарности” вне Польши почти недоступны; тем более недоступны неопубликованные документы, отражающие внутреннюю жизнь организации. Но даже имеющийся материал столь обширен, что было бы немислимо вместить его в эту работу. Приходится ограничиться самыми яркими явлениями, но это и естественно, поскольку я могу предложить читателю лишь о ч е р к и о польской революции — ничего больше.

В первые недели польские власти делали вид, что социальный конфликт в основном разрешен, и осталось т о л ь к о выполнять подписанные соглашения; рабочие должны были вернуться к своим станкам, и больше не должно было быть никаких забастовок. Поскольку во многих местах забастов-

ки продолжались, польская печать о них не упоминала. Точно так же, в первые недели польские газеты умалчивали о зарождении и росте е д и н о г о союза, охватившего уже не отдельные районы, а всю страну. Это был великий исторический поворот: миллионы рабочих на всех предприятиях, а вслед за ними служащие и интеллигенция по собственной инициативе, демократическим путем, соединялись в независимые союзы. Как видно, потребность в таком объединении давно назрела, и нужен был только начальный толчок, чтобы вызвать лавинообразный процесс. Власти растерялись перед этим невиданным народным движением, и в следующие месяцы реальная власть на предприятиях, а зачастую и на улицах польских городов, принадлежала уже не партийному аппарату, а профсоюзным комитетам.

7/IX Валенса впервые после соглашения приехал в Варшаву и прежде всего нанес визит примасу польской церкви кардиналу Вышиньскому. Беседа была продолжительной, и, конечно, Валенса воспользовался советами кардинала. Церковь, как всегда, была осторожна и рекомендовала умеренные требования, медленный темп изменений. Как мы видели выше, то же предлагал и КОР. Может быть, эта осторожность, связанная с советской угрозой, помешала полякам принять вовремя необходимые меры. Не надо думать, будто церковь всегда поступает мудро: она делает то, что привыкла и умеет делать, и защищает прежде всего не народные интересы, а интересы своего учреждения. Во всяком случае, Валенса был самым умеренным деятелем союза, и это все время приводило к конфликтам внутри руководства. Более того, он был значительно умереннее большинства членов союза, и только его огромное личное обаяние позволило ему сохранить влияние на массы. 9/IX Валенса заявил корреспондентам, что Папа пригласил его посетить Ватикан и что через две-три недели, когда устроятся первые профсоюзные дела, он последует этому приглашению.¹

В тот же день, в то время как Каня проводил в Гданьске

¹ Об этом см., напр., АП, 9.9.80.

„партийный актив”,¹ в этом городе состоялась конференция, на которой „Объединенный Учредительный Комитет независимых самоуправляющихся профсоюзов” предложил более чем пятистам делегатам других городов и районов программу будущей деятельности союза и проект его устава.² Конечно, эти документы могли быть предложены так скоро лишь при условии, что их подготовили заранее. На заседании была прочитана приветственная телеграмма от группы словацких студентов из Братиславы.

Между тем забастовки продолжались. Уже неделю длилась забастовка транспорта в Тарнове, бастовали текстильщики фабрики „Сигматекс” около Петркува. Типографские рабочие Белостока положили начало славной традиции, остановив печатание газет: в этом случае трудно было доказать, что от забастовки страдает потребитель! Сверх того, по сообщению представителей КОРа, с 5/IX бастовали главные предприятия Радома и окружающего района. Везде были наболевшие местные вопросы, не всегда предусмотренные „общественными соглашениями”: с каждым рабочим коллективом приходилось договариваться заново. „Кончился комфорт власти” (это заголовок статьи в „Трибуне люду”,³ изображавшей — несколько недель спустя — встречу Кани с одним из таких коллективов).

Вслед за рабочими выдвинула свои требования интеллигенция. Одним из первых, 11/IX,⁴ появилось решение общего собрания сотрудников Института материальной культуры Польской Академии наук. Отдавая должное рабочему классу и руководящей роли, которую он взял на себя также

1 В тексте ошибка; заседание партактива в Гданьске состоялось 8.9.80 (ТЛ, 9.9.80).

2 Программа действия была предложена 10.9.80, проект устава — 13.9.80 (см. „Polskie lato: kalendarium wydarzeń” в „Zeszyty historyczne”, Париж, 1982, № 60:51 — далее „Polskie lato...”); текст устава см. „Głos Pracy”, 17.11.80.

3 19.12.80; автор — Марек Шиманьский.

4 В тексте ошибка или опечатка; след. читать „10/IX” („Polskie lato...”, с. 49-50).

и в области гражданских прав, ученые решительно берутся за проблему цензуры и свободы научных исследований. Они требуют освобождения научных публикаций от контроля цензуры, отмены запрещения печатать работы за границей, возвращения к традиции „самоуправляющейся науки”. Они высказываются также за создание независимых профсоюзов для работников науки. В течение двух-трех недель почти все польские научные учреждения основали новые профсоюзы, вошедшие в „Солидарность”.

Польские студенты проявили себя как самые горячие сторонники перемен. Они требовали прежде всего автономии высшего образования, невмешательства бюрократов в научные исследования и преподавание. Они требовали признания выборных студенческих органов, которые могли бы влиять на внутреннюю жизнь вузов. Студенты настаивали, чтобы все должности в вузах замещались по свободным выборам, чтобы была отменена система неравенства при поступлении в вузы, начиная с дискриминации интеллигентов под видом особых привилегий для лиц рабоче-крестьянского происхождения и кончая „ректорскими” и „министерскими” местами, откровенно предоставлявшимися по знакомству или за деньги. Далее, студенты хотели избавиться от принудительного изучения марксистской идеологии, создававшей для не верующих в эту доктрину невыносимую обстановку лицемерия; они добивались также отмены обязательного курса русского языка и уравнивания его с другими иностранными языками. Поскольку студенты не работают по найму, власти отказали им в праве создать свои профсоюзы, выдвигая „юридические” возражения; мы увидим, как они, прикрываясь той же аргументацией, пытались помешать объединению крестьян.

11/IX¹ премьер учредил правительственную комиссию по осуществлению соглашений с объединенными стачечными комитетами. Эта комиссия должна была опубликовать упо-

¹ В тексте ошибка или опечатка; след. читать „10/IX” („Polskie lato...”, с. 49-59).

коительные сведения по поводу соглашений, которые правительство и не думало выполнять (мы помним, как неуклюже в этом сознался Пиньковский¹). Однако формальное признание „Солидарности” было неизбежно. 13/IX Государственный Совет (орган вроде нашего Президиума Верховного Совета) принял постановление, согласно которому профсоюзы, возникающие вне ЦСПС, должен был регистрировать воеводский суд в Варшаве. Тем самым все это опасное и непривычное дело было сосредоточено в одном месте, независимо от местности, где действовали профсоюзы (воеводский суд — аналог наших областных судов); сверх того, предусматривалось, что решения этого суда могут быть обжалованы в Верховный Суд. Так началась замечательная история „регистрации новых профсоюзов”.

18/IX² в Гданьске собрались представители 35 объединенных стачечных комитетов и свыше ста отдельных предприятий из всех областей страны. Выйдя за пределы Гданьского соглашения, предусматривавшего создание профсоюзных организаций лишь в отдельных районах, собрание выбрало единый руководящий орган новых союзов под названием Национальной Координационной Комиссии (ККП, Крайова Комисья Поеднавча). Этот орган сохранялся в течение всех месяцев существования союза, хотя состав его менялся. Собрание приняло также единый устав Союза и решило представить его для регистрации в Варшавский воеводский суд. Полномочия ККП были ограничены сроком в три месяца, до первого съезда новых профсоюзов (который состоялся значительно позже). Собрание осудило практику местных властей, всячески препятствовавших организации отделений союза, и нарочитое замалчивание его деятельности печатью. Таким образом, за две недели „Солидарность” превратилась в единую организацию, охватившую всю страну. В момент создания Координационной Комиссии „Солидарность” име-

1 См. с. 164.

2 В тексте ошибка или опечатка; след. читать „17/IX” („Polskie lato...”, с. 51-52).

ла свои организации на 3500 предприятиях и насчитывала более трех миллионов членов — из двенадцати или тринадцати миллионов поляков, работающих по найму. Очень скоро число членов Союза превысило десять миллионов. В старых („отраслевых“) профсоюзах остались едва ли не одни чиновники, как правило, члены партии: их было около двух миллионов. Но и партия сразу же раскололась: в ней было около двух миллионов „аппаратчиков“, о которых только что шла речь, и примерно миллион рабочих, и подавляющее большинство этих рабочих членов партии — не менее 750.000 — вступило в „Солидарность“! В момент образования Координационной Комиссии на Гданьской верфи, где родился новый профсоюз, было 16.000 рабочих, из них 4000 членов партии, и почти все они вошли в „Солидарность“. Властям пришлось со всем этим мириться. Следует прибавить, что на том же учредительном собрании Союза были, кроме рабочих, представители всевозможных групп трудящихся, в том числе 137 научных институтов (включая 27 институтов Польской Академии наук). Нам нелегко понять причины такой политической активности ученых; но в Польше „научные работники“ еще не превратились в особую разновидность чиновников и сохранили черты исторически сложившегося типа ученого, плохо переносящего зависимость и унижение. Отсюда требования университетской автономии и „самоуправляющейся науки“, с которыми мы еще встретимся дальше.

21/IX впервые в истории „народной Польши“ была передана по радио воскресная месса. Это было одно из требований рабочих, записанное в Гданьском соглашении. Передача началась в девять утра и продолжалась около часа. Мессу служил епископ Варшавы Ежи Модзелевский в церкви Св. Креста, находящейся в центре столицы. Присутствовало около трех тысяч верующих. В своей проповеди, транслировавшейся непосредственно из церкви, епископ Модзелевский сказал, что „церковь Св. Креста и вместе с нею вся Польша переживают сейчас важный момент“, а затем вознес благодарность „господу и черной Богородице Ченстоховской“.

Существенная часть проповеди была посвящена разъяснению важности истины: „Человеку трудно жить без истины, — сказал епископ, — и особенно без истины о человеке, о его достоинстве и о смысле его существования”. В конце мессы приходской священник церкви Св. Креста кратко изложил коммунистической конференции польского Епископата „об обязанностях средств информации”.

23/IX западные газеты сообщили, что в Польше, наконец, прекратились забастовки: приступило к работе последнее бастовавшее предприятие, фабрика пищевых продуктов „Виняры” в Калише. В этот же день в Гданьске¹ собрались представители студентов, чтобы учредить независимый студенческий союз; профессора Краковского университета поддержали эту организацию приветственным письмом. Правительство объявило о создании группы для выработки проекта закона о профсоюзах (который так и остался проектом).

24/IX представители объединенных рабочих комиссий представили в воеводский суд в Варшаве заявление о регистрации Независимого Самоуправляющегося Профессионального Союза „Солидарность”.

Правительство пыталось отделаться от рабочих демагогией. Тон газетной пропаганды заметно изменился, и на страницах газет стали появляться яркие свидетельства о польской действительности. Вот письмо Галины Церковской, опубликованное 29/IX в „Трибуне люду”, в разделе „Говорят рабочие”.

„Много лет я работаю на Милейовских предприятиях, самых крупных в стране в этой области /переработка фруктов и овощей/. Работа здесь тяжелая, в трудных условиях. В цехах большая влажность. В сезон сбора фруктов и овощей надо прилагать много усилий, чтобы не пропал ни один килограмм сырья, особенно в этом году, когда урожай значительно ниже, чем в прошлые годы. /Вдобавок ко всему прочему, в Польше выдался в этом году на редкость скудный урожай, а погода мешала собрать его и сохранить./ Так надо подхо-

1 В тексте ошибка; след. читать „28 в Гданьске...”.

дить к задаче использования материалов и сырья на каждом предприятии, на каждом посту.

Но слишком часто встречаются еще случаи вопиющего расточительства. Должно ли так быть, когда рынок страдает от нехватки товаров, и это особенно сильно сказывается на нас, женщинах, чаще всего делающих покупки?

С этим неурожаем связана другая задача, именно, справедливый раздел того, что есть. Уже не первый год у нас говорят, что в магазинах не покупают, а „устраиваются”,¹ причем этой второй формой торговли могут пользоваться немногие, используя свои „связи”, знакомства, или попросту дают за это взятки...² Не можем мы примириться с такой несправедливостью, и хорошо, что рабочий класс заставил вытаскивать эти дела на свет, что начали наконец говорить об этом громко и публично.

Раз уж я начала говорить об общественной справедливости, то хотела бы обратить внимание еще на один вопрос — на уровень жизни разных людей. Я ничего не имею против того, чтобы кто-нибудь имел машину, дом или сад за честно заработанные деньги, сбережения или другие средства законного происхождения.

Но рабочих возмущает, вызывает у них чувство несправедливости, что столь многие люди достигают высокого уровня жизни небольшими собственными усилиями, или прямо за счет снижения уровня жизни других, и вдобавок выставляют напоказ свое богатство, презирая скромных людей. Во многих случаях они используют пробелы в правилах или свое служебное положение. Здесь необходим более действенный общественный контроль”.

Конечно, такое заявление подверглось в партийной газете куда более основательной переработке, чем фрукты и овощи в цехе, где работает эта женщина: можно представить себе первоначальное сырье! Прикрываясь демагогией и пользуясь успокоением рабочих после подписания соглашений,

1 Кавычки добавлены автором. — Р е д.

2 Многоточие добавлено нами. — Р е д.

правительство сразу же принялось саботировать эти соглашения. В тот же день, когда „Трибуна люду” печатала обработанные письма польских рабочих, представитель „Солидарности” Анджей Колодзей заявил, что правительство и наполовину не выполнило принятые на себя обязательства о повышении зарплаты. Валенса предупредил, что если власть не выполнит своих обещаний, то бастовать будет вся Польша. Яцек Куронь сказал в своем интервью, что правительство продолжает срывать выполнение Гданьского соглашения.¹ Одновременно пражская газета „Руде право” („Красная правда”) обвинила Куроня и его друзей в создании тайной клики вроде мафии, проникшей в новый профсоюз с целью разрушить польский социалистический строй.²

„Солидарность” заявила, что проведет в ближайшую пятницу одночасовую предупредительную забастовку в знак протеста против нарушения соглашений о зарплате и бойкота профсоюза со стороны средств массовой информации. Громкоговорители сообщили об этом решении многотысячной толпе, собравшейся у временного правления Союза. Забастовка должна была служить проверкой единства и готовности рабочих и, сверх того, предостережением партийному руководству, намеревавшемуся созвать „продолжение” VI Пленума ЦК.

Первая национальная забастовка состоялась 3/X, с 12 часов до часа дня, в избранных для этого предприятиях, в том числе в некоторых видах городского транспорта. Были приняты меры, чтобы обеспечить непрерывность производства там, где этого требует технология. Продолжали работать самые необходимые транспортные линии, магазины, больницы и детские учреждения. Корреспондент югославской газеты „Политика”³ спросил Валенсу, удалась ли забастовка. „Вполне, — ответил Валенса, — и мы сделали это не только для того, чтобы доказать, что мы в состоянии начать и окон-

1 Об интервью Куроня 27.9.80 см., напр., Рейтер, 27.9.80.

2 27.9.80; ст. „Odmaskovali se”.

3 14.10.80; см. Дарко Рибникар, „Журба у Грунвалдској 103”.

чить еще одну забастовку, но прежде всего потому, что если бы мы ее не организовали, то она вспыхнула бы неконтролируемым образом, сама по себе". „Что думаете о последних изменениях ПОРП?" — спросил журналист. „Это меня не интересует", — сказал Валенса. Затем он заверил, что „Солидарность" „не борется против социализма и наших друзей и союзников".

4/Х возобновил свою работу VI Пленум, заседавший два дня и всю ночь между ними. Причину столь утомительного бдения нетрудно понять: Каня произвел окончательный расчет с „членами высших учреждений, ответственными за кризис". Из ЦК были исключены Э. Бабюх, З. Жандаровский, Е. Лукашевич, Я. Шидляк, Т. Вжащик, Т. Пыка, М. Щепаньский.¹ Секретарем ЦК был избран К. Барциковский,² один из „передовых" реформаторов, подписавший соглашение в Щецине (а сейчас переметнувшийся на сторону военной диктатуры); было избрано также два новых члена Политбюро.³ Каня, по-видимому, лихорадочно искал политической поддержки. 8/Х Сейм решил, что Высшую Контрольную Палату, отныне подчиненную не правительству, а Сейму (важная реформа!), будет по-прежнему возглавлять уже известный нам Мочар; можно было не сомневаться, что он будет „контролировать" польский балаган точно так же, как он это делал при Гереке. Некоторое время спустя Каня привлек этого своего старого врага в Политбюро:⁴ вероятно, друзья его не были надежнее врагов.

17/Х⁵ конференция польского Епископата, отметив достигнутое соглашение о трансляции воскресной мессы, высказалась за „облегчение доступа новых профсоюзов и новых самоуправляющихся организаций к средствам массовой информации".

1 ТЛ, 6.10.80.

2 Там же.

3 Владислав Крук, Роман Ней; точнее: канд. в члены (там же).

4 2.12.80 (ТЛ, 3.12.80); см. также с. 191.

5 В тексте ошибка; след. читать „16".

В тот же день делегация „Солидарности” посетила Краков.¹ После мессы в историческом соборе Вавеля, древней резиденции польских королей, делегаты во главе с Валенсой прошли по улицам города, между толпами людей, сплошь заполнивших тротуары и мостовые по обе стороны шествия. Они задержались на Рыночной площади у стелы в память Тадеуша Костюшки. Здесь Валенса, окруженный тысячами аплодировавших, скандировавших его имя людей, возложил венок и произнес краткую речь, заявив о своей верности высказанным целям и обещаниям: „Клянусь, я не предаю того, что должен и намерен сделать...” Демонстрация завершилась пением национального гимна и патриотической песни „Боже, спаси Польшу”. Затем делегация отправилась на автобусе в соседние города Новы Тарг, Новы Сонч и Тарнув.

Кардинал Вышиньский, приняв двадцать представителей „Солидарности” области Мазовше² (Варшава и окрестности), сказал во время мессы: „Когда будут уважаться права человека, тогда будет порядок в жизни отечества и в национальной экономике”, и в заключение проповеди сказал: „Я с вами”.

24/X воеводский суд в Варшаве зарегистрировал „Солидарность”, но внес в ее устав произвольные искажения, добавив „руководящую роль партии” и вычеркнув все существенное содержание статей о порядке проведения забастовок. Представители „Солидарности” немедленно заявили, что обжалуют это решение в Верховный Суд. До 10/XI, когда это дело должно было рассматриваться в Верховном Суде, Польша и весь мир напряженно ожидали, получит ли новый профсоюз обещанное официальное признание. Между тем партийное руководство срочно убирало особенно скомпрометировавшие себя „старые кадры” — прежде всего служивших Гереку первых секретарей воеводских комитетов. Началось это еще 19/IX, когда был смещен первый сек-

1 Вернее 19.10.80 (см. об этом, напр., Рейтер, 19.10.80); см. также с. 210, сн. 5.

2 19.10.80 („Polskie lato...”, с. 58).

ретарь в Катовицах З. Грудзень,¹ столь ненавистный шахтерам, что во время переговоров они настояли на его исключении из правительственной делегации. В следующие недели сменилось более 20 первых секретарей, большей частью вместе с „воеводами”, аналогичными нашим председателям облисполкомов. Читая биографические справки об их преемниках, легко заметить, что первых секретарей сменили вторые или аналогичные им деятели того же аппарата: это и было все возможное обновление кадров. 30/X Каня и Пиньковский были в Москве с первым, очень кратковременным, визитом. Они вели переговоры с Брежневым и „достигли соглашения о выработке совместных экономических программ”.

1/XI окончил свою работу чрезвычайный съезд Общества польских журналистов,² поставивший под угрозу всю систему информации. Главным мотивом бурной дискуссии было восстановление достоинства профессии журналиста, „чтобы печать заслуживала доверия, чтобы не повторялись возгласы: печать лжет!”. Союз журналистов определил себя как творческо-профессиональную организацию и избрал своим председателем Стефана Братковского, партийного диссидента, впоследствии исключенного из партии.

9/XI, накануне заседания Верховного Суда, „Солидарность” предупредила, что в случае отрицательного решения дела будут проведены 48-часовые забастовки поочередно в выбранных воеводствах, начиная с Варшавы и Гданьска и кончая Катовицами и Лодзью; эти забастовки начнутся 12/XI и будут сопровождаться занятием предприятий. В тот же день были отмечены некоторые признаки смягчения напряженности: профсоюзу были, наконец, переданы присланные ему из-за границы и задержанные на таможне печатные машины, предназначенные для издания еженедельного журнала „Солидарность”.

¹ ТЛ, 20.9.80.

² В тексте ошибка; съезд кончился 31.10.80. Текст резолюций съезда см. в сб. „Польша: 1980...”, с. 220-229.

По ряду колебаний в поведении властей видно, что все это неслыханное дело о регистрации вызвало в партийной верхушке сильные противоречия. Но в конце концов им пришлось уступить. Ниже приводится полный текст информации об этом событии, помещенной в „Трибуне люду” 11/XI.

*Регистрация Независимого Самоуправляющегося Профсоюза
„Солидарность” в Верховном Суде*

ВО ИМЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

10 ноября Верховный Суд рассмотрел кассационную жалобу Учредительного Комитета „Солидарности” на решение воеводского суда и совершил регистрацию Союза в форме, учитывающей внесенные Учредительным Комитетом поправки, создав тем самым все возможности нормализации деятельности новой профсоюзной организации.

Правительство с удовлетворением приветствовало преодоление напряженности, возникшей вокруг регистрации НСПС „Солидарность”.

В свою очередь, Национальная Комиссия НСПС „Солидарность” сделала заявление, в котором говорится: „Мы чувствуем гражданскую ответственность за будущее Польши”.

Ниже сообщается о важнейших событиях вчерашнего дня. Мы помещаем также высказывания наших читателей о решении Верховного Суда, полученные нами в понедельник вечером.

ЗАСЕДАНИЕ ВЕРХОВНОГО СУДА
(Собственная информация)

В понедельник 10 ноября с. г. в Палате Труда и Социального Обеспечения Верховного Суда было рассмотрено дело

о заявлении Учредительного Комитета НСПС „Солидарность”, принесшего, как известно, кассационную жалобу на решение воеводского суда в Варшаве от 24 октября с. г.

Верховный Суд в составе судьи Верховного Суда Витольда Форманьского (докладчика) и судей ВС Станислава Реймана и Тадеуша Шиманека, заслушав обоснование пересмотра дела, дополнительные разъяснения и заявления, сделанные представителями апеллирующей стороны и представителем Генеральной прокуратуры прокурором Тадеушем Потаповичем, присоединившимся к мнениям, содержащимся в кассационной жалобе, решил:

Изменить обжалованное постановление и совершить регистрацию Независимого Самоуправляющегося Профессионального Союза „Солидарность” с местопребыванием в Гданьске, охватывающего своей деятельностью территорию Польской Народной Республики, на основании устава в виде, включающем изменения, внесенные апеллирующей стороной на заседании воеводского суда 24/X с. г., а также на заседании Учредительного Комитета от 9/XI с. г.

Напомним, что воеводский суд в Варшаве, рассмотрев заявление УК НСПС „Солидарность”, зарегистрировал профсоюз. Суд признал, однако, что его Устав должен включать в полном изложении идейную декларацию, содержащуюся в пункте 2 первой части Гданьского соглашения. В соответствии с этим суд пополнил §1 Устава отрывком из пункта 2 Соглашения.

Вместе с тем воеводский суд вычеркнул §§32 и 33 Устава и придал им новую, более общую форму.

Апеллирующая сторона внесла в Верховный Суд кассационную жалобу на это решение, в которой просит изменить его, зарегистрировав НСПС „Солидарность” в соответствии со своим заявлением.

Однако уполномоченные апеллирующей стороны доцент д-р Веслав Хжановский и адв. Ян Ольшевский, стремясь —

по их утверждению — внести большую ясность в этот вопрос, в начале заседания предъявили Верховному Суду принятое накануне Учредительным Комитетом НСПС „Солидарность” дополнение к Уставу в виде приложения, включающего содержание §1 Устава, содержания конвенций Международной Организации Труда, а также всю первую часть Гданьского соглашения, состоящую из семи пунктов, в которых заключается идейная декларация. Здесь признается общественная собственность на средства производства, руководящая роль партии в государстве, нерушимость наших международных союзов.

По мнению апеллирующей стороны, неправильно было также удаление содержания §§ 32 и 33 Устава, устанавливающих принципы объявления и организации забастовок, и замена этого содержания другим, более общим. В разъяснении, сделанном Верховному Суду, уполномоченные апеллирующей стороны заявили, что первоначальная редакция этих статей дает профсоюзу возможность, при существующем в настоящее время в этой области юридическом вакууме, предотвращать „дикие” забастовки.

Верховный Суд признал обоснованность кассации.

В устном обосновании своего решения Верховный Суд заявил, что кассационная жалоба апеллирующей стороны принята. Польское законодательство гарантирует профсоюзам полную независимость и автономию, выражающиеся, между прочим, в свободном формировании своих уставов, в рамках существующего законодательства. Автономия профсоюзов — заявил суд — не означает, что государство отказывается от всякого контроля над профсоюзной деятельностью. Однако объем этого контроля должен регулироваться предписаниями закона.

Предложенное апеллирующей стороной изменение §1 Устава, состоящее в ссылке на приложение, составляющее неотъемлемую часть Устава и включающее содержание Гданьского соглашения, а также отрывки из международных конвенций, устраняет сомнения в том, что новый профсоюз стоит на почве этого содержания.

Вместе с тем Верховный Суд признал, что ввиду отсутствия закона о профсоюзах, в то время как право на забастовку гарантировано, текст §§ 32 и 33 не противоречит закону.

В конце заседания судья-докладчик прочел заявление судебной коллегии, где говорится, в частности, что решение, принятое по этому нетипичному делу, в особых условиях, устраняет формально-юридические препятствия к развитию более полной деятельности НСПС „Солидарность” в рамках обновления, в согласии с намерениями Гданьского соглашения и намерениями подписавших его сторон, что поможет также более скорому преодолению трудного положения, в котором оказалась наша страна. (Z.L.)¹

Правительство с удовлетворением приветствовало преодоление напряженности вокруг регистрации.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

(Собственная информация и Польское агентство печати)

В понедельник после полудня состоялась пресс-конференция представителя правительства Юзефа Барецкого, при участии многочисленных польских и иностранных журналистов. Вначале представитель сделал от имени правительства следующее заявление:

„Сегодня Верховный Суд рассмотрел кассационную жалобу Учредительного Комитета НСПС „Солидарность” на решение воеводского суда, в результате чего постановил изменить обжалованное решение и зарегистрировать „Солидарность” в виде, включающем внесенные Учредительным Комитетом поправки.

1 „(Z.L.)” добавлено нами. — Р е д.

При этом полностью сохранен внутренний характер Устава, регулирующего организационный порядок и объем профессионально-общественной деятельности профсоюза, и вместе с тем в Уставе сделана ссылка на конвенции Международной Организации Труда и на 1 часть Гданьского соглашения, содержание которых приведено в приложении к Уставу. Это определяет не вызывающим никаких сомнений способом идейный характер профсоюза, стоящий [так в подлиннике] на почве социалистического строя Польши.

Правительство с удовлетворением приветствует преодоление напряженности вокруг регистрации НСПС „Солидарность”. Урегулирование этого вопроса создает все возможности для нормализации деятельности профсоюза.

Согласно позиции, выраженной на встрече председателя Совета Министров с Национальной Координационной Комиссией НСПС „Солидарность”, правительство стремится создать условия для взаимного делового, партнерского сотрудничества на всех уровнях администрации, предприятий, объединений и министерств.

Реализация соглашений в Гданьске, Щецине и Ястжембе, которой правительство посвящает много внимания, требует усиленной заботы о состоянии нашей экономики, о правильном ритме труда, об использовании всех возможностей снабжения рынка и смягчения серьезных трудностей, испытываемых населением.

Правительство надеется, что НСПС „Солидарность” предпримет действия, которые помогут достигнуть этих целей, поскольку лишь этим путем можно наиболее действенным образом способствовать защите материальных и социальных интересов трудящихся”.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Затем Ю. Барецкий в ответ на вопросы журналистов сообщил, что приложение, о котором идет речь в постановлении Верховного Суда, содержит текст конвенций №№ 87 и 98

Международной Организации Труда, а также первые семь пунктов первой части Гданьского соглашения. Представитель напомнил, что первый пункт соглашения говорит о деятельности профсоюзов в Польше.

Он также подробно напомнил второй пункт Гданьского соглашения, где говорится, что, создавая новые независимые самоуправляющиеся профсоюзы, Объединенный стачечный комитет заявляет, что они будут соблюдать принципы Конституций ПНР, будут защищать материальные и общественные интересы трудящихся и не намерены играть роль политической партии; что они стоят на почве принципа общественной собственности на средства производства, составляющей основу существующего в Польше общественного¹ строя; что они признают руководящую роль ПОРП в государстве, не подрывают существующей системы международных союзов, стремясь обеспечить трудящимся надлежащие средства контроля, выражения мнений и защиты своих интересов.

Правительственная комиссия заявила, напомнил далее представитель правительства, что правительство гарантирует и обеспечит полное уважение независимости и самоуправления новых профсоюзов как в отношении их организационной структуры, так и в их функционировании на всех уровнях деятельности. Правительство обеспечит новым профсоюзам полную возможность выполнять основные функции в области защиты интересов трудящихся, осуществления их материальных, социальных и культурных потребностей. Вместе с тем правительство гарантирует, что новые профсоюзы не будут подвергаться никакой дискриминации.

Следующий вопрос: Какова разница между содержанием приложения, принятого в решении Верховного Суда, и того, которое Л. Валенса внес в протокол воеводского суда 24 октября?

¹ В тексте неточно; вместо „общественного” след. читать „социалистического”.

— Речь шла о том, чтобы семь пунктов Гданьского соглашения были приняты судом в форме, имеющей юридическую силу и тем самым обязательной для выполнения. Мне кажется, говорит представитель правительства, что внесение в протокол такому требованию не удовлетворяло. Речь шла о том, чтобы была ссылка на принятый судом документ.

— Что произошло с поправками, вписанными в Устав „Солидарности” воеводским судом? Остались ли они?

— Устав принят, отвечает представитель, в версии, первоначально представленной НСПС „Солидарность” /но с приложением, упомянутым выше/.

Кто-то из журналистов хочет еще знать, предусматривается ли в ближайшее время новая встреча премьера с Л. Валенсой. Представитель правительства сообщает, что до сих пор ни одна из сторон не заявила о такой необходимости. Конференция близится к концу. В зале, до отказа наполненном журналистами, чувствуется ослабление напряженности. *Слышатся голоса, что победил здравый смысл и высокое чувство ответственности поляков за свою страну.*

Анджей Вишневский

МЫ ЧУВСТВУЕМ ГРАЖДАНСКУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА БУДУЩЕЕ ПОЛЬШИ

Пресс-конференция представителей „Солидарности”
(Собственная информация и Польское агентство печати)

В понедельник после полудня в Варшаве состоялась пресс-конференция с участием представителей НСПС „Солидарность”. На нее прибыли многочисленные представители польской и иностранной печати, радио и телевидения. Во время конференции было сделано заявление от имени Национальной Комиссии НСПС „Солидарность”.

„10 ноября с. г. Верховный Суд изменил решение воеводского суда в Варшаве от 24/X с. г. и совершил регистрацию НСПС „Солидарность” согласно нашему заявлению. Внутренняя жизнь союза регулируется Уставом такого содержания и такой формы, какие придали ему учредители НСПС „Солидарность”, согласно намерениям и всеобщей воле членов нашего союза. К Уставу, представленному Верховному Суду, мы присоединили приложение, содержащее тексты упоминаемых в первом параграфе нашего Устава конвенций №№ 87 и 98 Международной Организации Труда, а также части 1 Гданьского соглашения от 31/VIII 1980 г. Мы неоднократно подчеркивали свою верность Гданьскому соглашению и повторяем это сегодня со всей силой. Соглашение определяет взаимные обязательства государственных властей и трудящихся.

Наш союз сознает свои обязательства и полон решимости их последовательно выполнять.

Постановление Верховного Суда позволило устранить опасность чрезвычайно серьезного общественного конфликта. Найдено решение, в котором победил рассудок и чувство ответственности за судьбу страны.

Преодоление напряжений, возникших в связи с регистрацией НСПС „Солидарность”, создает для союза возможность приступить к нормальной работе. Мы надеемся, что со стороны государственных властей будут созданы все необходимые для этого условия...¹ Внутренний закон союза, которого мы добились с таким трудом и которым мы обладаем в силу правомочного решения Верховного Суда, требует с нашей стороны полного уважения. Это значит, что мы должны формировать наши организации и выборные учреждения в соответствии с Уставом. Точно так же в нашей борьбе за материальные и социальные права трудящихся мы должны руководствоваться Уставом. Устав определяет формы действий для осуществления наших требований и в их числе подробно указывает, в каких условиях и каким образом

¹ Многоточие добавлено нами. — Р е д.

профсоюзная организация может прибегать к забастовке как к последнему средству. Эти принципы мы ни в коем случае не должны нарушать.

Положение нашей страны очень трудное. Не мы несем ответственность за экономический и общественный кризис, нараставший в течение ряда лет. Мы чувствуем, однако, гражданскую ответственность за будущее Польши. Мы считаем, что правильное использование наших естественных и технических ресурсов в городе и деревне, а также квалификации и рабочей силы, может сделать Польшу страной, отвечающей нашим потребностям и стремлениям.

В соглашениях, заключенных после забастовок, правительство приняло на себя обязательства с целью исправления положения, на пути к фундаментальным реформам экономики и общественной жизни. Мы ожидаем, что будут приняты действия для выполнения этих обязательств. Мы стоим на страже интересов трудящихся и в этом духе будем защищать материальные и социальные интересы людей труда. Будущее нашей страны находится в руках людей труда. Польша — страна разумных людей, способных хорошо думать и хорошо работать. Надо, чтобы можно было верить, что усилия людей не пропадают зря из-за некомпетентности, плохой политики, злоупотреблений и коррупции. В этом направлении и с этой программой будет действовать Независимый Самоуправляющийся Профсоюз „Солидарность”, призывая миллионы своих членов и всех людей труда к патристическому действию в заботе о высшем благе отчизны.

Национальная Комиссия отменяет состояние забастовочной готовности, назначенное на 12 ноября этого года”.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Затем Л е х В а л е н с а сделал краткое заявление, в котором, в частности, сказал: Формально и юридически утверждено то, что мы постановили 31 августа. Отменяя забасто-

вочную готовность, мы начинаем теперь второй этап — организацию наших союзов. Здесь нет проигравших. И нельзя говорить о чьей-то победе. Лех Валенса ответил также на вопросы журналистов.

Вот некоторые из вопросов и данных на них ответов.

Вопрос. Каков будет следующий этап вашей деятельности?

Ответ. Сейчас важнейший этап — это этап организации союзов на предприятиях.

Вопрос. Означает ли решение Верховного Суда победу „Солидарности“? (Иностранный корреспондент.)

Ответ. Оно означает победу здравого смысла. Мы еще раз договорились, как поляк с поляком.

Вопрос. На предыдущей встрече с представителями печати вы сказали, что для того, чтобы зарабатывать, надо производить?

Ответ. Полагаю, что теперь нас не надо будет уговаривать делать это, как до сих пор, при помощи разных лозунгов и плакатов.

Вопрос. Предшествовали ли сегодняшнему решению Верховного Суда переговоры ваших представителей с правительством? (Представитель американской телевизионной компании ABC.)

Ответ. Таких переговоров не было. Ведь суды у нас независимы. Мы и не рассчитывали, что это у нас так легко пройдет.

Вопрос. Намерены ли вы активно включиться в действия с целью улучшения экономического положения?

Ответ. Как я уже сказал, прежде всего мы должны приступить к организации наших союзов. У нас много предложений.

Вопрос. Действительно ли возможен рост производительности труда на 100%?

Ответ. Об этом надо будет говорить во время выборов в руководящие органы наших союзов на предприятиях.

Вопрос. Как будет в точности выглядеть Устав?

Ответ. Устав мы все знаем. Есть приложение. Оно содер-

жит полный текст обеих конвенций, а также первую часть Гданьского соглашения, то есть пункты с 1 по 7.

Вопрос. Ваши представители участвовали в заседании Комиссии по вопросам экономической реформы. Как вы оцениваете состав этой комиссии?

Ответ. Наши наблюдатели были на этом заседании в первый раз. Они просто знакомились с работающими в ней людьми. Ничего конкретного мы об этом сказать не можем.

Вопрос. Как выглядит ваше сотрудничество с отраслевыми профсоюзами, которые, по-видимому, идут рука об руку с вами?

Ответ. Пока такого сотрудничества нет. Мы подумаем, сотрудничать или нет.

Вопрос. Сохранен ли пункт Устава, касающийся забастовки? (Представитель „Нью-Йорк таймс“.)

Ответ. Повторяю еще раз: Устав сохранен таким, как был. В нем нет никаких изменений.

Вопрос. Каков текст обоснования, с которым суд изменил приговор?

Ответ. Оно будет опубликовано.

Вопрос. Есть ли внутри „Солидарности” расхождения?

Ответ. Бывают серьезные споры, во время которых мы набрасываемся друг на друга. Крайних различий нет.

Если нет больше конкретных вопросов, благодарю всех за внимание.

Мечислав Гаевский¹

КОНЦЕРТ В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ

10 ноября на сцене Большого Театра в Варшаве состоялся концерт, организованный НСПС „Солидарность” области Мазовше, в котором выступили ведущие варшавские артисты. Доход от концерта, в который входило чтение произведений

¹ Имя и фамилия добавлены нами. — Р е д.

выдающихся польских поэтов и сатириков, а также выступления музыкантов и исполнителей популярных песен, предназначался в пользу фонда НСПС „Солидарность”. Присутствовало руководство „Солидарности”, в том числе Лех Валенса.

14/XI¹ состоялась первая встреча Л. Валенсы с Каней, о содержании которой ничего не было сообщено.

16/XI² правительство объявило, что будет разрешен Независимый Союз Студентов — не в качестве профсоюза, но в виде общественной организации. Министр науки и высшего образования Горский заявил, что его министерство имеет полномочия зарегистрировать эту организацию. „Мы присутствуем, — сказал он, — при нарастающем процессе вузовского самоуправления, в чем особенно активную роль играют студенты. Я поддерживаю и буду содействовать этому самоуправлению”.³

Сотни студентов присутствовали в Большой Аудитории Варшавского университета на докладе одного из основателей КОРа, историка Адама Михника, под названием „Август 1980 года и современная история Польши”.⁴ В докладе был произведен сравнительный анализ „польского Октября” 1956 года и событий прошедшего лета.

На следующий день⁵ Лех Валенса, выступая перед металлами в Варшаве, выразил осторожный оптимизм⁶ по поводу своих переговоров с Каней. Это был, сказал он, „разговор человека с человеком, в котором не был обойден ни один вопрос...”⁷ „У меня впечатление, что мы поняли друг

1 В тексте „14/IX” — опечатка.

2 В тексте ошибка; след. читать „13/XI” (ПАП, 20.11.80).

3 ПАП, 15.11.80.

4 О выступлении А. Михника 14.11.80 см. „Die Presse”, 17.11.80.

5 Т. е. 15.11.80 (Рейтер, 16.11.80).

6 Выражение „осторожный оптимизм” — почти буквальный перевод выражения в авторском тексте указ. сообщения Рейтер.

7 Многоточие добавлено нами. — Р е д.

друга". Как заявил Валенса, он сказал Кане, что сделает все возможное для решения постоянно возникающих в Польше трудовых споров, и призвал профсоюзы действовать как организация, достойная уважения, прибегая к забастовке лишь в крайнем случае. „Теперь, — сказал Валенса, — когда мы добились полной легализации, нам незачем прибегать к партизанской тактике. Если даже есть справедливые претензии, можно решить наши споры другим путем, без забастовок”.

Валенса сказал, что он многим обязан КОРу: „Они помогали мне, как и другим уволенным рабочим. Они помогали нам бесплатными юридическими консультациями и деньгами”. /О другой помощи еще нельзя было сказать./ Он прибавил, что никакая группа советников никогда не будет указывать „Солидарности”, что ей надо делать.¹ /Ответ на обвинения властей в том, что КОР направляет рабочее движение в собственных, „антисоциалистических” целях./ „У „Солидарности”, — сказал он далее, — есть еще советники, предоставленные в ее распоряжение примасом польской католической церкви и кружком светских католиков”.²

Как мы увидим дальше, оптимизм Валенсы вряд ли был основателен; можно предполагать, что в глубине души он все время опасался вероломства партийного аппарата, его неспособности ни к какому честному соглашению. Как раз в это время произошел инцидент в Ченстохове, где воевода Вежбицкий приказал конфисковать в отделении „Солидарности” пишущие машинки и другое оборудование. Местные бюрократы не умели скрывать свои настроения и изображать должную готовность к „национальному соглашению”. Воеводу сняли,³ но напряжение осталось. Оно было и внутри

1 От слова „призвал” (3 строка сверху) до слова „делать” (включая кавычки) — почти буквальный пер. указ. сообщения Рейтер.

2 От слов „есть еще советники” до слова „католиков” — почти буквальный перевод указ. сообщения Рейтер (где кавычки отсутствуют).

3 Подал в отставку 17.11.80.

партии. Вот что писал в тот день¹ в газете „Жиче Варшавы” представитель Высшей школы общественных наук В. Ламентович, выражая точку зрения партийных „радикалов”:

„Необходимо создать дискуссионные клубы и центры, которые соединили бы различные секторы партии и привели бы к появлению большего числа идей, большей солидарности и подлинным дебатам о программе партии.² Пока это внутренний процесс, но „горизонтальность” полезна также и для контактов между группами разных мнений и, если можно так выразиться, разного образа действий, между социальными идеями и силами. Пришел конец старой монолитности сталинского пошиба, но деятельность Леха Валенсы и церкви, прежде всего католического правого крыла, при всем бесспорном стремлении к равновесию, которое они проявляют, может создать впечатление, что они подготавливают другой вид монолитности — национально-религиозный. Правильный путь между этими двумя заблуждениями для марксистского движения — это возобновление партийных дебатов в масштабе всей страны, чтобы нанести поражение и догматизму, и церковному максимализму”.

Термин „горизонтальность” означает здесь свободное общение и дискуссии в партии и в обществе, а также образование союзов и коалиций без инструкций, спущенных „по вертикали” партийной верхушкой. Внутри партии слова „горизонтальные структуры” стыдливо прикрывали первый признак возрождения внутренней жизни — образование ф р а к ц и й.

21/XI был произведен обыск в варшавском отделении „Солидарности” и арестованы два его сотрудника. Целью этой — тогда уже необычной — меры была конфискация „сверхсекретного” документа, оказавшегося в распоряжении профсоюза. Речь шла о секретной инструкции прокура-

1 См. сн. 2.

2 До слова „партии” — цитата из ст. „Partia — kierownik czy przywódca”, опубл. 14.11.80. Дальнейшая часть цитаты в указ. ст. отсутствует.

туры местным представителям „правосудия”, где подробно перечислялось, как следует беспокоить и запугивать политических противников власти — кратковременными, но частыми арестами, обысками, изъятиями бумаг и т. д.¹ Под угрозой забастовки „виновных” пришлось выпустить.² По-видимому, в Польше уже трудно было хранить секреты от народа; власти сделали из этого выводы, используя в дальнейшем каналы армии и ГБ.

В ночь с 27 на 28/XI Валенса призвал рабочих прервать на месяц все забастовки. Это был жест примирения перед предстоящим VII Пленумом ЦК.

1-2/XII заседал VII Пленум. Аппаратчики решились, наконец, изгнать из ЦК ряд деятелей старого руководства. Окончательно сошли с политической сцены Э. Герек, Т. Пыка, бывший премьер П. Ярошевич, бывший глава пропаганды Е. Лукашевич и несколько министров. Но они все еще оставались в партии и, несмотря на злоупотребления, так и не были привлечены к суду. В Политбюро были введены 1 секретарь гданьского воеводского комитета Т. Фишбах³ и, к общему удивлению, лидер лакейски-националистического направления в партии и организатор антисемитской травли в 68 году М. Мочар. Как видно, Каня пытался опереться на все силы, какие еще могли его поддержать.

16 декабря в Гданьске состоялось торжественное открытие памятника рабочим, расстрелянным в декабре 1970 года. Приводим официальный отчет об этом событии, помещенный в „Трибуне люду”.⁴ Фотография в газете изображает оркестр военного флота и официальных представителей: вы-

1 Текст, под назв. „Замечания о действующих принципах преследования участников нелегальной антисоциалистич. деятельности”, см. в сб. „Польша: 1980...”, с. 203-215.

2 Ошибки в тексте: обыск был произведен 20.11, 21.11 арестован сотрудник отделения Ян Нарожняк, 2-й арестованный — сотр. пр-ры Петр Сапело, оба были освобождены 26.11 (ТЛ, 22-23 и 27.11.80, „Kurier Polski”, 27.11.80, АП, 23.11.80).

3 Точнее: Т. Фишбах избран канд. в члены (ТЛ, 3.12.80).

4 17.12.80

брали такое направление объектива, чтобы не было видно ни памятника, ни рабочих!

В 10 ГОДОВЩИНУ ДЕКАБРЬСКИХ СОБЫТИЙ

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА В ГДАНЬСКЕ

(Собственная информация и Польское агентство печати)

16 декабря, в десятую годовщину декабрьских событий на Побережье, у ворот № 2 Гданьской верфи им. Ленина состоялось торжественное открытие памятника, поставленного в память павших в трагические дни декабря 1970 года.

Внушительный памятник — три суровых стальных креста, сплетенные сверху якорями, с изображенными снизу сценами из жизни и труда рабочих верфи — возносится над окружающей местностью. Памятник этот создан руками работников Гданьской верфи и их коллег из ряда предприятий Побережья и металлургических заводов Силезии на общественных началах.

За памятником в ограду верфи встроена стена, на которой сверкают тем же металлическим блеском слова: „Они отдали свою жизнь, чтобы ты мог жить достойно”, и затем: „Честь их памяти”.

Панораму за памятником составляют краны верфи и конструкции стапелей для спуска на воду судов — символ повседневного труда, столь необходимого Отчизне.

НАЧАЛО ЦЕРЕМОНИИ

Около 17.00 часов к памятнику подходят официальные гости, делегации из разных частей страны. У ступеней памятника — почетный караул. Присутствуют представители выс-

ших партийных и государственных органов во главе с членом Политбюро ПОРП, председателем Государственного Совета Генриком Яблоньским /этот Государственный Совет, под председательством того же Яблоньского, в ночь на 13 декабря 1981 года ввел военное положение, а затем начались новые расстрелы рабочих/, 1 секретарем Гданьского ВК ПОРП Тадеушем Фишбахом, секретарем ЦК Здзиславом Куровским, Министром культуры и искусства Юзефом Тейхмой;¹ делегация Епископата Польши в составе архиепископа, митрополита Краковского кардинала Францишека Махарского /поскольку Каня не явился на покаяние, Вышиньский прислал вместо себя второе лицо польской церкви/, секретаря Епископата епископа Бронислава Домбровского и епископа Гданьской епархии Леха Качмарека; члены руководства НСПС „Солидарность” во главе с председателем Национальной Координационной Комиссии Лехой Валенсой /рабочие и з д е с ь на последнем месте, и упомянут один Валенса/.

Председатель Государственного Совета принимает рапорт почетного подразделения Охраны Побережья.

17.00 — протяжный сигнал заводских и корабельных сирен, колокольный звон оповещает о начале церемонии. Собравшиеся затихли, сплоченные сознанием необходимости мира, конструктивных действий для воссоздания взаимного доверия.

Собравшиеся поют „Роту” /„Присягу”/ под аккомпанемент оркестра Военного Флота и гданьских хоров. Затем исполняется с магнитофонной записи специально написанное для этой церемонии сочинение Кжиштофа Пендерецкого „Лакримоза” /„Плачущая” (Богоматерь)/.² Даниэль Ол-

1 В тексте пропуск; след. читать: „секр. ЦК Здзиславом Куровским, вице-премьером Ежи Оздовским, Мин-ом культуры... Тейхмой”.

2 В тексте ошибка: указ. соч. Пендерецкого написано на слова лат. поэмы 13 в. „Dies irae”, а точнее той части ее, которая начинается словами „Lacrymosa dies...” (в рус. переводе — „День плача...”); оно является частью планируемого Пендерецким „Польского реквиема” (см. интервью Н. Кениона с К. Пендерецким в газ. „Таймс”, 30.7.83).

брыхский прочел имена павших. Присутствующие почтили их память минутой молчания. От имени семей погибших памятник открыл Тадеуш Насталы. Лех Валенса зажигает факел. Произносит краткую речь. /Краткость речи не помешала ее сильно сократить./

Сегодняшний день, — говорит он, — должен быть днем молчания и размышления. Памятник вызывает вопросы и ответы. К этому памятнику обращено много мыслей, которые мы запомним.

В этом месте /продолжается сокращенное изложение газеты/ председатель „Солидарности” сослался на мысли, высказанные о делах Родины папой Иоанном-Павлом II, а также напомнил слова Чеслава Милоша, высеченные на памятнике, и слова акта о воздвижении памятника. /Чеслав Милош — польский поэт, эмигрант с 1951 года, награжденный за несколько дней до того Нобелевской премией; ни слова на памятнике, ни содержание акта не приводились в польской печати./ Он сказал, что воздвижение памятника было долгом оставшихся в живых перед теми, кто придет после нас. Он должен свидетельствовать о прошлом и указывать путь в будущее. Памятник воплощает право на уважение человеческого достоинства, право на порядок, законность и справедливость. Надо перенести в будущее, — сказал он, — и память о жертвах, которую мы сегодня чтим.

Лех Валенса выразил благодарность всем, чьи руки привели в действие краны, двигатели, всю технику, чтобы этот великолепный памятник возник в столь короткое время. Он выразил радость, что с этим памятником связывается солидарность мыслей и чувств всей нашей Отчизны.

Затем оратор привел слова из обращения Епископата Польши, выражающие глубокую озабоченность будущим нашей Родины: „Нельзя предпринимать таких действий, которые могли бы поставить под угрозу свободу и государственность нашей Родины /вызвать вмешательство Москвы/. Усилия всех поляков должны быть направлены на то, чтобы способствовать начавшемуся процессу обновления и создать условия для выполнения соглашений между властью и обще-

ством...” „Мы должны жить надеждой, что имеет смысл сознательно предпринимать эти усилия во имя лучшего будущего в свободной Отчизне. Нужна решительная воля противодействовать любым попыткам задержать процесс национального обновления, расколоть общество и использовать имеющиеся трудности в целях, чуждых благу народа и государства. Наша страна прежде всего нуждается во внутреннем мире, чтобы заложить основы общественной жизни в атмосфере возрождающегося взаимного доверия”.

Поэтому, — сказал Лех Валенса, — я хотел бы призвать с этого места, во имя патриотизма, солидарности и мира, всех присутствующих и всех поляков, людей доброй воли к полной ответственности за судьбы нашей Родины, я призываю вас сохранять спокойствие, порядок, уважать права и достоинство всех. Я обращаюсь к вашему разуму и вашему здравому смыслу и призываю руководствоваться ими во всех начинаниях на благо нашей Родины. Призываю вас хранить бдительность в защите безопасности и суверенитета нашей Родины.

Призываю вас помнить, что этот родной дом, наша Отчизна, зовется Польшей. Призываю вас к тому, чтобы Польша все больше становилась жилищем для людей, чтобы в ней одержали победу справедливость, свобода, мир, любовь и солидарность. /Конечно, имеется в виду не только чувство солидарности, но и „Солидарность” в кавычках с большой буквы!/
Затем слово берет Тадеуш Фишбах.

Нас собрал здесь, — сказал оратор, — особый долг. Мы отдаем честь памяти жертв трагических событий декабря 1970 года.

Мы знали, что с мыслью о мертвых и во имя надежд живых мы должны воздвигнуть символ, выражающий наши чувства, братскую связь и единство целей, освещающих нам создание ценностей, определяющих лицо нашей Родины — Польской Народной Республики.

Напомнив, что этот монумент, переносящий память о павших в настоящее и будущее, воздвигнут по инициативе ра-

бочих верфи, Т. Фишбах сказал: Память о декабрьских событиях, хотя это горькая память, не должна разделять нас. Она должна объединять народ, рабочий класс, государственную власть в общем действии, чтобы никогда больше не было таких трагедий.

Именно поэтому, — продолжает он, — около четырех месяцев назад мы сделали правильные выводы из протеста рабочего класса и избрали единственно правильный путь решения августовского конфликта. Это путь соглашения. Трудный, полный напряжений и усилий, но дающий шансы избежать трагических последствий. Мы хотим, чтобы раз навсегда было обеспечено полное согласие между благородной идеей социалистического развития страны и способом выполнения властью лежащих на ней обязанностей, в соответствии с волей граждан.

Поэтому мы устраняем из нашей жизни то, что противоречит принципам социализма, чувству справедливости и нравственности нашего народа. Одновременно мы должны противодействовать всему, что угрожает покою наших домов, что может создать опасность для интересов народа и государства /т. е. не провоцировать „первую страну победившего социализма” напасть на трижды обновленный польский социализм/.

Еще раз, — сказал Т. Фишбах, — со всей силой проявилась та истина, что присущее нашему общественному строю единство целей тем больше усугубляется и закрепляется, чем сильнее связь между властью и обществом, партийными и беспартийными, верующими и неверующими, между всеми людьми, для которых благо Отчизны составляет наивысшую ценность. Лишь на этой основе могут наилучшим образом проявить себя патриотические силы народа, лишь на этой основе их стремления могут приносить результаты, обогащающие государство и служащие благосостоянию его граждан.

Мы все должны сегодня особенно отчетливо уяснить себе значение этой истины, чтобы быть в состоянии преодолеть препятствия, возникшие перед нами. И когда мы говорим, что Польша нуждается не только в лучших условиях мате-

риальной жизни, но и во внутреннем мире, во взаимном уважении и укреплении принципов общественной морали, то мы выражаем этим сущность происходящего процесса обновления.

Необходимость этого процесса вырастает из стремлений рабочего класса, всех людей труда. Программу социалистического обновления наметила и будет осуществлять¹ наша партия — Польская Объединенная Рабочая Партия.

Есть еще в нашем родном доме, — сказал далее Т. Фишбах, — немало забот и нехваток, но это наш дом. Здесь мы пребываем и останемся, здесь проходит наша жизнь...² здесь протекает наш труд. Поэтому наш патриотический долг — глубоко понимать все, что в нем происходит, не прекращать усилий, чтобы дело шло как можно лучше. Чтобы никогда больше не нарушили его спокойствия никакие драматические события, принесшие нам в прошлом столько боли и горя.

Мы должны добросовестно выполнить этот долг, хотя есть еще много нерешенных проблем и неудовлетворенных нужд. Мы должны делать это со взаимопониманием и взаимным доверием, умножая тем самым все, что нас соединяет, а не разделяет, сближает, а не отдаляет, что составляет сущность дела исправления Народной Республики.

/Тадеуш Фишбах, который был первым секретарем в Гданьске во время революции, производит впечатление человека, уверовавшего в „обновление“. Такой человек был удобен на этом посту правящей клике, но уже в июле 1981 года, на IX Съезде, он не был переизбран в Политбюро, а после военного переворота был снят со своего поста./

1 В тексте пропуск; след. читать „будет последовательно осуществлять“.

2 Многоточие добавлено нами. — Р е д.

ВОЗЛОЖЕНИЕ ВЕНКОВ

После торжественного открытия памятника, под звуки оркестра Военного флота, у мемориальной плиты памятника возлагаются три венка; их возлагают семьи погибших, представители властей и делегация НСПС „Солидарность”. Последней частью церемонии была месса во благо Отечества, отправленная архиепископом митрополитом Краковским кардиналом Францишеком Махарским.

Во время мессы епископ Бронислав Домбровский прочел присланную по случаю церемонии телеграмму Иоанна Павла II.

„Откликаясь на особую просьбу епископа Гданьского и жителей Побережья, — гласит телеграмма, — я присоединяюсь в этот день к вам, дорогие братья и сестры, у памятника, который напоминает о трагических событиях, происшедших десять лет назад, и велит нам думать о всех, принявших тогда смерть. Предаю их милосердию Отца Предвечного и благодарю Бога за то, что нынешние события на Побережье имели совсем иное течение. Прошу Его, чтобы Он даровал моим соотечественникам силы, нужные для достижения общего блага любимой Отчизны в мире и взаимном уважении, непрерывно молясь за Польшу и все ее дела. От всего сердца благословляю участников церемонии и всех соотечественников”.

Затем секретарь Епископата прочел письмо примаса Польши, кардинала Стефана Вышиньского.

Говоря о форме памятника, напоминающего о трагедии, примас Польши пишет:

Этот знак Креста Христова является вместе с тем знаком примирения, прощения и мира, которых мы столь горячо желаем нашей общей и единственной Отчизне.

Все мы знаем, что путем к миру является справедливость, основа мирной жизни и сотрудничества всех слоев народа. Истина в любви, мир в справедливости пробуждают доверие, чувство ответственности и обязательности — эти

необходимые условия здоровой общественной и национальной жизни.

Благословляя — в конце письма — памятник и тех, кто его воздвиг, кардинал Вышиньский пишет:

Пусть знак тройного креста будет источником вдохновения в труде и в жертве.

Во время мессы епископ Гданьской епархии Лех Качмарек произнес проповедь, связанную с местом и духом церемонии.

Во время мессы был освящен Памятник Павшим Рабочим Верфи. Освящено было также знамя НСПС „Солидарность”.

По окончании церемонии собравшиеся спели национальный гимн и разошлись с достоинством и спокойствием. Церемония почтения памяти павших 10 лет назад подтвердила волю поляков к социалистическому обновлению страны, к нормализации жизни, к укреплению сил нашей Родины.

В этот же день в Гданьске открылась выставка фотографий — документов декабрьских дней 1970 г., а в опере и Балтийской филармонии хор из нескольких сот человек с солистами исполнил произведение Вольфганга Амадея Моцарта „Реквием”.

Рождество 1980 года прошло в Польше в обстановке носительного „смягчения напряжения”, в чем публика давно уже нуждалась. Жители Варшавы (а может быть, и других польских городов) получили по введенным к тому времени карточкам некоторое количество мясных изделий: было объявлено точное распределение каждого сорта мяса, колбасы и ветчины. Средняя норма мяса на польского горожанина составляла 3 килограмма в месяц, но промышленные рабочие получали 4 кг, а шахтеры — 5. Польские и иностранные газеты пытались создать впечатление, что в этих трудных условиях поляки могут смотреть в будущее с некоторой надеждой.

Вечером 24/XII, после телевизионного журнала в 19.30, телевидение передало рождественское послание Папы поль-

скому народу, записанное в его личной капелле. Утром 25-го транслировалась по радио месса, которую служил кардинал Махарский. Послание Папы содержало общие пожелания мира и благополучия. Кардинал Вышиньский выразился в своем послании более определенно. „...Национальное сознание, — сказал он, — пробуждается теперь в польском народе, призывая его к чувству ответственности за нацию, к осознанию всеми ответственности за нацию, своих прав и обязанностей... Нация переживает возрождение и сознает ответственность за свое будущее на этой земле. Никто не вправе думать, что нас может спасти кто-нибудь, кроме нас самих... /Кардинал не заметил цитату из „Интернационала”./ Величайший результат этих последних месяцев, — сказал он в заключение, — состоит в том, что мы смогли выразить любовь к родине, привязанность к родине и ответственность за родину”.¹

По окончании мессы группы молодых людей, выйдя из собора, перевели эту проповедь на совсем уже понятный польский язык. Полуночные улицы Варшавы слышали возгласы: „Да здравствует Польша без Москвы!”, „Да здравствует Иоанн-Павел, король Польши!”.

В это же время в нескольких шагах от собора, в церкви св. Иакова, слушали полуночную мессу деятели КОРа, „Солидарности” и КИКа (Кружок католической интеллигенции). Верующие и неверующие собрались здесь потому, что у Польши не было другого пути, кроме единства.

Никто не предвидел, каким будет следующее Рождество.

¹ Цитата не проверена.

11. МАСКА АНАРХИИ

Восемьдесят первый год должен был стать годом борьбы за власть. Это понимали обе стороны, но обе действовали нерешительно: правительство — потому что потеряло всякий авторитет в стране и могло опираться лишь на растерявшихся чиновников и ненадежную армию; „Солидарность” — потому что опасение вмешательства Москвы не позволяло ей использовать свое преимущество в силе и влиянии для прямого захвата власти. Таким образом, возникло тянувшееся до конца года двоевластие, а по существу — состояние анархии, когда правительство все больше теряло контроль над жизнью страны, в то время как „Солидарность”, не решаясь собрать все свои силы для вынуждения структурных изменений (хотя бы прикрытых от Москвы каким-нибудь партийным маскарадом), растрачивала их на отдельные кампании по частным вопросам. Эта нерешительность, в значительной степени обусловленная осторожными советами и предостережениями церкви, и была главной политической ошибкой Независимого Профсоюза, приведшей его к поражению — несомненно, в р е м е н н о м у поражению.

Подробное последовательное изложение событий этого года заняло бы много места и, более того, при нынешнем состоянии информации свелось бы в большинстве случаев к регистрации отдельных плохо понятных фактов. Летопись польской революции писать рано — она будет написана поляками в свободной Польше. В следующих далее очерках я попытаюсь изобразить главные этапы этой изнурительной борьбы, затянувшейся только из-за внешней причины.

14/I¹ Валенса направился по приглашению Папы в Италию. В действительности его поездка выходила за рамки встречи в Ватикане: Италия наряду с Польшей представляет собой интереснейшее в общественном смысле место Европы, и если Валенса не мог встретиться с политическими деятелями страны (ведь профсоюз „Солидарность” не занимается политикой!), то его ждали с нетерпением итальянские профсоюзы. Посетив вначале места, пострадавшие от землетрясения, Валенса был принят 15/I „польским папой” Иоанном-Павлом II. Провиденциальный выбор этого Папы — или удачное стечение обстоятельств — дали возможность Валенсе говорить с Папой на родном языке. Делегации „Солидарности” были оказаны в Ватикане почести, предусмотренные ватиканским протоколом для глав государств и первоначально введенные для императора Священной римской империи. В 11 часов утра Папа принял Валенсу в своей библиотеке, где они беседовали с глазу на глаз. После этой беседы, длившейся 25 минут, в библиотеку были допущены жена и отец Валенсы, а затем все члены делегации, которых Папа приветствовал с большой любезностью. Вместе с ними Папа прошел в зал Консистории, где присутствовали многочисленные представители польской католической общественности, официальный уполномоченный польского правительства при Ватикане² и свыше ста журналистов. Папа произнес на этом торжественном приеме речь, призывавшую обе стороны

1 В тексте ошибка; след. читать „13/1” (ТЛ, 17-18.1.81).

2 Казимеж Шаблевский (ЮПИ, 15.1.81).

к умеренности и осторожности, к мирному соглашению. „Не должно быть противоречия, — сказал он, — между самостоятельной, самодеятельной инициативой¹ людей труда и общественной структурой, провозглашающей человеческий труд основной ценностью в общественной и государственной жизни”. В конце приема делегация „Солидарности” вручила Папе ларец с землей, собранной в Вестерплатте, где поляки дольше всего сопротивлялись гитлеровским захватчикам, на месте немецкого концентрационного лагеря Штуттоф близ Гданьска и на месте расстрела рабочих в 1970 году, где теперь установлен памятник. Папа подарил делегации медали своего понтификата, тексты своих речей и в заключение благословил Польшу.

На следующий день Валенса встретился в одном из римских кинотеатров с представителями итальянских профсоюзов всех направлений. Горячий прием, оказанный ему публикой, вызвал у Валенсы слова благодарности: „В этом зале я не чувствую, нахожусь ли я в Риме или в Польше”.² В своей речи Валенса сказал: „Было много разговоров о моей религиозной вере. Конечно, я верующий, но это мое личное, интимное дело. Это не имеет ничего общего с „Солидарностью”, которая не является конфессиональным профсоюзом и объединяет атеистов и верующих, католиков и людей других исповеданий. Мы представляем собой движение, возникшее от толчка снизу и насчитывающее сейчас 10 миллионов трудящихся из общего числа 12 миллионов. Движение это вышло из заводов и фабрик, остающихся его главной опорой; но затем оно распространилось на целые районы страны, выбравшие членов Национальной комиссии. Нашей целью стала тогда организация профсоюзов во всех отраслях и специальностях: для служащих, преподавателей, медицинских работников, интеллигентов. Мы изучили иностранный

1 В тексте ошибка; след. читать „самостоятельной общественной инициативой” (см. „L'Unita”, 16.1.81; см. также „Таймс”, 16.1.81, ДПА, 15.1.81).

2 См. „L'Unita”, 17.1.81.

опыт, в том числе итальянский, но не следуем никакой модели: мы хотим приспособить структуры к польской действительности. Например, нам не очень подходят ваши советы делегатов, потому что у нас один хозяин — государство, и мы не хотим, чтобы государство оплачивало профсоюзную работу делегатов. Наши кадры должны оплачиваться самим движением за счет членских взносов. Иначе попадем в такое же подчинение, как официальные профсоюзы”.¹ Перед вылетом на родину, 18/I, Валенса провел пресс-конференцию.² Он заявил, что „Солидарность” не является и никогда не будет политической партией. Избегая скользких вопросов, он сказал, что его профсоюз высказывается за социализм и, следовательно, нет причин для внешнего вмешательства. Что касается Папы, то нельзя отрицать, что он поляк и что польский народ очень предан католической вере, но „это не значит, что наш профсоюз зависит от Папы и от церкви”.³ Валенса заверил, что „Солидарность” не требует ничего сверх заключенных соглашений. Эксперт Мазовецкий, директор журнала „Солидарность” и бывший католический депутат Сейма, сказал: „Мы действуем в рамках определенных и длительных политических и географических условий; в пределах этих условий мы хотим изменить представительство трудящихся. „Солидарность” — важный фактор общественного контроля, большая сила, не существовавшая ранее. И лишь в этом смысле можно говорить о смене модели”.⁴ В заключение Валенса сказал: „Я — вовсе не альфа и омега: вокруг меня необыкновенные люди. „Солидарность” — это не Валенса. На этой стадии наша цель — иметь законное признание, что существует независимый, автономный профсоюз. А для этого недостаточно обещаний”.⁵

1 „L’Unita”, 17.1.81.

2 В тексте ошибка: пресс-конференция состоялась 17.1, делегация „Солидарности” вылетела в Польшу 19.1.81 (там же, 18.1.81, 20.1.81).

3 Там же, 18.1.81.

4 Там же.

5 Там же.

В Польше продолжалась борьба. Кроме все время предъявлявшихся местных требований, выделилось два вопроса общенационального значения. Одним из них был вопрос о „свободных субботах”, т. е. о гарантированном Гданьским соглашением выходном дне в субботу; второй — наболевший крестьянский вопрос, по настоянию правительства обойденный в соглашении. В сущности, вся проблема „свободных суббот” была искусственно создана властью. Правительство обязалось постепенно ввести 40-часовую рабочую неделю с пятью рабочими днями, но ввиду тяжелого экономического положения собиралось делать это постепенно: в 1981 должно было быть 42,5 рабочих часа в неделю, с тремя свободными субботаами в месяц. „Солидарность” настаивала на рабочей неделе в 41,5 час. Упрямство, с которым Каня и его аппарат отстаивали этот лишний час работы, никоим образом не отвечало важности дела по сравнению с гораздо более насущными заботами польской экономики. Правительственная пропаганда без конца повторяла обычную в таких случаях арифметику — сколько угля, чугуна, стали и т. д. можно было бы произвести за лишний час или полчаса; аргументация этого рода рассчитана на людей, не отличающих относительной величины от абсолютной. В действительности это был вопрос престижа: Каня и в дальнейшем проявлял бессмысленное упрямство в защите позиций, которые рано или поздно приходилось уступать. Как все бесхарактерные люди, он доводил дело до крайности, пытался запугать людей драматическими угрозами, а затем уступал. Это очень плохая политика: власть, желающая сохранить к себе уважение, не должна связывать свой престиж со случайными вопросами, но выбирает заранее позицию, которую будет решительно защищать, и удерживает такую позицию. Историческая кампания вокруг „свободных суббот” очень повредила Кане.

Среди аргументов, выдвигавшихся официальной пропагандой, некоторые были очень забавны. Например, приводились сведения о рабочей неделе в западных странах и объяснялось, что там, конечно, давно уже есть и сорокачасовая ра-

бочая неделя, и свободные субботы, но страны эти куда богаче Польши, там лучше умеют работать, а поляки не умеют и не любят работать, не отдавая себе отчет в собственной лени и распущенности. В то же время польская печать всячески старалась скомпрометировать саму идею забастовки, восхваляя профсоюзы западных стран за их миролюбие, их готовность к переговорам с капиталистами и тому подобные проявления реформизма и оппортунизма. Предельной демонстрацией безмыслия этой пропаганды была перепечатанная из одной австрийской газеты карикатура, появившаяся в „Трибуне люду” в конце января.¹ На ней изображена баржа в открытом море, почти до бортов наполненная водой, с надписью: „польская экономика”; на корме трепыхается привязанная веревкой тряпка, почему-то с советским серпом и молотом, а не с польским орлом, а у штурвала стоит по пояс в воде невозмутимый капитан с физиономией Кани. На борту работает несколько босяков, вычерпывающих воду ведрами, под командой усатого мужчины, похожего на Валенсу. Внизу подписано обращение этого предводителя к своей команде: „Кончайте, ребята! Сегодня суббота, а мы ведь по субботам не работаем!” Такое изображение польской действительности было, конечно, куда вреднее для престижа правительства, чем полчаса рабочего времени, о которых не удалось еще к тому времени договориться.

Пока общее внимание было привлечено к „свободным субботам”, назревал гораздо более важный вопрос о „крестьянском профсоюзе”. Польские крестьяне, которым запрещались все формы самодеятельности и взаимопомощи, решили сами себе помочь и организовали „Крестьянскую Солидарность”. Во главе ее стал очень молодой (двадцатитрехлетний) крестьянин Ян Кулай. Власти ответили робкими, как всегда, репрессиями, мешая этой опасной для них организации, задерживая и опять выпуская ее лидеров. Крестьяне, позабывшие к этому времени страх перед начальством, ответили на это хорошо продуманной кампанией. На северо-вос-

1 24.-25.1.81

токе Польши, в Устжыхах Дольных, они устроили сидячую забастовку в помещении сельсовета и позаботились привлечь внимание к этой акции польской и мировой печати. Место было выбрано не случайно: в этих лесах, вблизи советской границы, новейшие польские феодалы устроили себе охотничьи угодья, возвели роскошные виллы, где они, кстати, нередко принимали своих советских коллег. Крестьяне потребовали прекращения преследований, начала переговоров с правительством о признании их организации, а заодно расследования по поводу охотничьих замков и передачи этих помещений детским учреждениям. Поляки вообще невежливый с ворами. Дело Мацея Щепаньского, начальника польского радио и телевидения, было вытащено на страницы мировой печати как раз в те дни, когда Герек пытался сохранить свое положение „конституционного короля”. Герек покровительствовал этому деятелю. Не знаю, бывал ли он сам на виллах этого вельможи, но министры его бывали; там происходили разного рода увеселения, не исключая и таких, которые в древности именовали оргиями. Без сомнения, Герек был огорчен столь бесцеремонной критикой своего любимца, ежедневно объяснявшего полякам по радио и телевидению, что хорошо и что плохо. Может быть, от этого и случился с Герексом инфаркт. Вполне возможно, что и Кania охотился в Устжыхах Дольных: ввиду его близости к Герексу он просто не мог этого избежать. А тогда нетрудно понять, какую бесчеловечную травлю затеяли польские крестьяне против миролюбивого Кани, крестьянского парня, раздобывшего на партийных харчах.

Вдобавок ко всему были еще студенты. Они требовали признания своего независимого Союза и для начала забастовали в вузах Лодзи, заняв 27/1 учебные помещения. Это был не стихийный студенческий бунт, какие происходят на Западе, а сознательное политическое движение. Профессора и преподаватели полностью поддерживали студенческое движение: за исключением очень небольшого числа приставленных к вузам партийных надзирателей и начетчиков, в польских университетах и институтах все хотели восстановления

естественной академической жизни. К счастью, в Польше традиция была еще достаточно сильна, и навязанные бюрократами порядки воспринимались как патологические извращения.

Больше всего повредили эти извращения польской школе, где точно так же, как у нас, прямое воспитательное влияние учителя на учеников вытеснялось формальными мероприятиями, а серьезное изучение предметов — натаскиванием на готовые ответы и зубрежкой. И все же, хотя старые учителя, помнившие другие порядки в школе, оставались уже в небольшом числе, влияние их на учительскую среду было, по-видимому, достаточно сильно. В школе также возникло движение протеста против бюрократической регламентации и политического принуждения, и в ряде случаев в этом движении участвовали и ученики. Конечно, правительство использовало каждый такой случай, чтобы обвинить учителей в недопустимом подстрекании школьников к политическим демонстрациям.

Общий паралич власти, падение ее авторитета, исчезновение страха перед ее представителями привели к тому, что „поддержание порядка” на улицах польских городов стало крайне неблагодарной задачей. Гебисты могли, конечно, переодеться в штатское, но мундиры милиции вызывали при каждом своем появлении бурную реакцию публики. Для милиции стало небезопасным делом не только разгонять демонстрации, что уже было почти невозможно, но даже препятствовать расклеиванию листовок и объявлений различных общественных организаций, выросших повсюду, как грибы после дождя. Стоило прохожим увидеть милиционера, пристающего к каким-нибудь уличным активистам, как собиралась толпа, отбивавшая задержанных и обращавшая в бегство „блюстителей порядка”. На станции Отвоцк, близ Варшавы, избиение в милицейском участке двух задержанных прохожих привело к настоящей осаде участка многотысячной толпой, непонятно откуда взявшейся в этом крохотном поселке, и только выступления срочно вызванных из столицы деятелей „Солидарности” и КОРа несколько

успокоили население. Задержанных выпустили, толпа разошлась, но на следующее утро неизвестные лица все-таки сожгли этот участок.

Конечно, таким ослаблением власти воспользовались также уголовные элементы, как это всегда бывает во время общественных потрясений, — а милиция боялась даже задерживать хулиганов и карманных воров. Партийная пропаганда винила во всем этом „Солидарность” и КОР, а те возражали, что не могут отвечать за естественные последствия воровской системы. В некоторых местах „Солидарность” создавала свою службу порядка, и растерявшееся начальство обращалось к ней за помощью. Власть разлагалась на глазах.

Для Кани все это было слишком трудно, и он решил прибегнуть к тому же трюку, на котором сломал себе шею Герек: разыграть конституционного короля, сменяющего непопулярных министров. Козлом отпущения должен был послужить Пиньковский, казалось, нарочно выбранный с этой целью; сам Кани не вмешивался в хозяйство и администрацию, оставив за собой общее руководство, и теперь было на кого свалить вину. Приемы чиновников всегда одни и те же! Но на Западе заметили слабость Кани и начали говорить об упадке его власти.

31/1 было достигнуто, наконец, соглашение о „свободных субботах”: остановились на 42 рабочих часах в неделю с тремя свободными субботами в месяц в течение 1981 года. Кроме того, наметился первый шаг в области массовой информации: „Солидарности” предоставили несколько минут в день на телевизионных экранах, разрешили ей издавать еженедельный журнал тиражом 500.000 экземпляров и сохранить газеты, уже выходившие к тому времени в городах. Представитель „Солидарности” Кароль Модзелевский заявил, впрочем: „Если два положительно решенных вопроса могут положить конец напряженности, то остается еще опасность в связи с отказом в регистрации профсоюза крестьян”¹.

¹ См. „L'Unita”, 1.2.81.

Каня уже придумал, на кого свалить эту опасность. Состоялся пленум ЦК, и 10/II¹ премьером стал генерал Войцех Ярузельский (58 лет) — с сохранением за ним поста военного министра. Ярузельский прочел свою программу из 10 пунктов,² где было сказано, что надо улучшить в польской экономике, но не было ни слова о том, как это сделать. Есть основания полагать, что генерал не имел в этой области собственных идей, но он проявил внимание к нуждам населения. Вскоре генерала можно было увидеть в газетах на фотографии среди покупателей продовольственного магазина: сообщалось, что он решил лично ознакомиться с трудностями снабжения.³ В другой раз описывалось, как генерал посетил кондитерскую фабрику и благожелательно беседовал с работницами об их жизни и труде. Выяснилось, — пишет корреспондент, — что фабрика не может работать из-за отсутствия каких-то продуктов, корицы или ванили, и генерал обратился к сопровождавшим его офицерам, предложив им заняться этим вопросом. Может быть, в этот момент и пришла ему в голову идея о военном управлении: никаких консультаций, каждый получает приказ!

Конечно, Ярузельский тоже не обременял себя хозяйственными делами: он обзавелся новыми министрами, проведя очередную реорганизацию кабинета. Мало того, он уменьшил число министерств. Все эти перемены должны были, наконец, сдвинуть с места экономические реформы. До сих пор ничто вообще не двигалось с места; один журналист сокрушался об этом в фельетоне, напечатанном в „Трибуне люду”: он сравнивал министерскую бюрократию с кристаллической решеткой, где атомы так плотно упакованы и сцеплены друг с другом, что ни одного нельзя оттуда вынуть. Для экономических вопросов генерал создал особый комитет, а для переговоров с профсоюзами — другой. Этот последний возглавил уже известный нам партийный

1 В тексте ошибка; след. читать „11/II” (ТЛ, 12.2.81).

2 См. там же, 13.2.81.

3 См., напр., там же, ТЛ, 2.3.81.

либерал Раковский, ставший заместителем премьера; ему предстояло сделаться в этой роли самым непопулярным человеком в Польше.

Новому премьеру пришлось пойти на дальнейшие уступки. 19/II¹ окончилась самая долгая в истории забастовка польских студентов в Лодзи (они побили рекорд, ранее принадлежавший французским). Надо было идти на соглашение, поскольку студентов Лодзи поддерживали их товарищи в других городах, и видна была перспектива полной блокады польских вузов. Тот же министр Горский, который на словах приветствовал Независимый Студенческий Союз, теперь должен был примириться с ним на деле. Переговоры в Лодзи привели к замечательному соглашению. Было, прежде всего, признано право студентов создать свой независимый союз с национальным руководством и правом на забастовку с занятием учебных помещений (для забастовки на факультете требовалось голосование студентов). Была восстановлена „университетская автономия”, т. е. самоуправление вузов, свободные выборы ректоров и деканов, право самостоятельно разрабатывать программы и учебные планы и т. д. Студенты добились тридцатипроцентного представительства в ученых советах (без права участия в присуждении ученых степеней), увеличения стипендий и других видов помощи. Им обещали даже валютные ассигнования на иностранную литературу и оборудование. Наконец, без явной публикации им обещали освобождение от „марксизма” и обязательного русского языка. Польские вузы, сохранившие понимание смысла высшего образования, были теперь свободны и принялись устраивать свои дела — прежде всего выбирать ректоров и деканов, как это всегда делалось со средних веков до „социализма”. К моменту переворота вновь выбранные ректоры уже составляли самостоятельную силу: они созвали свою конференцию. Зачем нужен был после этого министр Горский со своим министерством?

Крестьянский вопрос зашел в тупик. Каня и Ярузельский

1 В тексте ошибка; след. читать „18/II” (ТЛ, 20.2.81).

понимали, что им угрожает вовсе не „крестьянский профсоюз“, а настоящая крестьянская партия, которая будет находиться под решающим влиянием церкви. 11/II¹ Верховный Суд отклонил апелляцию „Крестьянской Солидарности“ и отказался зарегистрировать ее в качестве профсоюза. Вместо этого суд постановил, что крестьяне могут организовать свои „производственные ассоциации“ в отдельных воеводствах, но без права на общенациональную организацию. У Верховного Суда собралось около 5000 представителей крестьян из всех частей страны. Лех Валенса, присутствовавший на заседании, вышел к крестьянам и произнес краткую речь, призывая их к спокойствию. Он утверждал, что крестьяне добьются своей цели законным путем. Но ближайшие действия властей показали, что правительство решило проявить твердость. В газете было опубликовано предупреждение прокуратуры, что „профсоюз индивидуальных крестьян“ не разрешен и что участие в его деятельности будет преследоваться как нарушение закона.² Вряд ли это было логично после того, как все требуемые права были уже предоставлены рабочим, но с политической точки зрения упрямство власти можно было понять.

Крестьяне устраивали различные действия протеста, в особенности в трех небольших городах — Бельско-Бялой, Жешуве и Быдгощи. Долгая история этих демонстраций не может быть здесь рассказана: достаточно сказать, что крестьяне ни разу не прибегали к забастовке в прямом смысле этого слова — к прекращению поставок сельскохозяйственных продуктов, — сознавая положение городского населения. Дело ограничивалось занятием помещений различных учреждений. Уже 11/I власти начали посылать милицию для изгнания протестующих крестьян,³ но, по-видимому, те вели себя достаточно покладисто: не было жалоб на избие-

1 В тексте ошибка; след. читать „10/II“ (ТЛ, 11.2.81).

2 Ср.: „Как сообщает представитель Министерства юстиции, всякие действия по созданию крестьянского НСПС нелегальны“ (ТЛ, 11.2.81).

3 Более подробно об этом см., напр., АП, 13.1.81.

ния. Тем более потрясло поляков то, что произошло в Быдгощи 19/III.¹

В Быдгощском воеводстве были проведены выборы в казенную крестьянскую организацию „Кулка Рольниче” („Крестьянские Кружки” — нечто вроде сельских кооперативов в руках местного начальства). Поскольку при создавшихся настроениях нельзя было и в этих выборах добиться требуемых результатов, власти применили различные формы мошенничества. Тогда крестьяне, игнорируя „съезд” казенных кооперативов, собравшийся в Быдгощи, устроили новые выборы и созвали в том же городе параллельный съезд, считавший себя единственно законным. Делегаты этого нового съезда пытались занять областное правление „Кулек Рольничих”, но безуспешно. Тогда они устроили „окупационную забастовку” в здании ЗСЛ („крестьянской” партии официального блока). Такова была обстановка в Быдгощи 19/III.

Конечно, „Крестьянская Солидарность” и поддерживавшая ее рабочая оказывали давление на правительство, добиваясь для крестьян той же свободы, что и для рабочих. Это был н а с т о я щ и й „союз рабочих и крестьян”! Вспомните „диктатуру пролетариата”, которую не хотел усмотреть в Польше г-н Фалин.² „Солидарность” приняла средства протеста, обычные на Западе: оккупационные забастовки, иногда голодовки отдельных групп. На Западе такие действия, не всегда законные, но освященные обычаем, часто вызывают вмешательство полиции с применением силы. В сущности, то, что было в Быдгощи, не слишком отличалось от этих западных образцов: били так же, как бьют при таких обстоятельствах во многих странах. Но поляки были особенно чувствительны к этому предмету. На Западе бьют всем известные полицейские в мундирах, и их надо еще до этого довести: чаще всего они это делают для самозащиты или поте-

1 Официальную хронологию событий в Быдгощи с 23.2 по 20.3.81 см. в ГЛ, 23.3.81. В тексте „19/II” — опечатка.

2 См. с. 183.

ряв нервное равновесие, так что и полицейских можно по-человечески понять. В Польше били переодетые в штатское агенты „безпеки”, били намеренно и по тайному приказу; все это знали, а чувства поляков к этим людям заметно отличались от обычного отношения англичан или французов к своим полицейским, тоже трудящимся, входящим в другой профсоюз. Не принимая во внимание эти особые польские чувства, невозможно понять силу реакции, вызванной событиями в Быдгощи. Конечно, эта реакция была очень на руку „Солидарности”: она позволила союзу организовать мощную политическую кампанию. Те, кто приказывает бить рабочих и крестьян, не должны жаловаться на такие методы борьбы — даже если это „рабочая” и „крестьянская” партии вместе с „демократической”.

Лишь 30/III, под угрозой всеобщей забастовки, правительство решилось опубликовать в газетах¹ протест „Солидарности” — в виде замечаний к отчету правительственной комиссии, расследовавшей события в Быдгощи. Ниже приводятся эти замечания. Что касается правительственного отчета, то о подходе наемных юристов свидетельствует удивительное признание: они установили, что лица с телесными повреждениями, т. е. побитые в Быдгощи, *не могли сами себе нанести эти повреждения!* Кто может после этого сомневаться в объективности и доброй воле этих законников?

ЗАМЕЧАНИЯ ДЕЛЕГАЦИИ ККП* „СОЛИДАРНОСТЬ”

Ознакомившись с отчетом Правительственной Комиссии, учрежденной для расследования событий 19 марта 1981 г. в помещении Воеводского Правления в Быдгощи, представители ККП „Солидарность” заявляют следующее:

¹ Напр., ТЛ.

* Крайова Комисья Порозумевавча — Национальная Координационная Комиссия.

1. Заключение¹ Правительственной Комиссии по поводу событий, предшествовавших сессии ВРН /Воеводской Рады Народовой, аналогичной нашим областным советам/, требует следующих опровержений:

НСПС² „Солидарность” оказывал поддержку стачечному комитету НСПСИК /Независимого Самоуправляющегося Профсоюза Индивидуальных Крестьян/³ прежде всего в том смысле, что от властей воеводства добивались возможно более скорого разрешения конфликта, связанного с занятием здания ВК ЗСЛ в Быдгощи. Внесение в порядок дня проблемы „Оценка общественно-юридического положения сельского хозяйства...⁴ и питания народа в свете нынешней ситуации в стране” никого не могло заставить врасплох. Тема эта была предложена Президиуму ВРН, и именно для ее представления делегация МКЗ /местного правления „Солидарности”/ в Быдгощи была приглашена на сессию ВРН. Публичный характер этой сессии давал МКЗ право обратиться к некоторым организациям „Солидарности” на предприятиях, заинтересованным в жгучей проблеме питания, с предложением прислать своих представителей на заседание в качестве наблюдателей. Такого рода действия МКЗ, вполне соответствующие уставу союза, не могли оправдать распоряжения об усилении сил порядка.

2. Закрытие заседания председателем ВРН /по фамилии Бергер/ 19 марта 1981 г. в 13.45 не было результатом голосования членов совета по предложению „закрыть первую часть заседания”, но произвольным решением председателя. Голосование на заседании ВРН касалось только предложения отложить обсуждение плана и бюджета, составлявших лишь один из пунктов порядка дня.

1 В тексте пропуск; след. читать: „1. Содержащееся в отчете представление о происшедших событиях и их оценка требуют в ряде пунктов исправлений и дополнений. Вот наиболее важные из них: 1. Заключение...”

2 В тексте „1. НСПС” – ошибка.

3 В тексте пропуск; след. читать „НСПСИК /.../ „Солидарность”.

4 Многоточие добавлено нами. – Р е д.

3. Заккрытие заседания составляло нарушение соглашения, гарантировавшего обсуждение в рамках свободных предложений проблемы крестьян, заявленной представителями НСПС „Солидарность”. Поэтому МКЗ был вправе заявить по этому поводу протест. Чтобы успокоить общественное мнение и не допустить дальнейшего роста напряженности, необходимо было выработать и издать соответствующее коммюнике, по возможности с участием части членов ВРН. Выработка коммюнике затянулась примерно на 6 часов, прежде всего из-за препятствий, чинимых воеводскими властями. Вице-воевода Пшибыльский многократно пытался изменить содержание подготавливаемого коммюнике „Солидарности”. В отдельное помещение (комната № 145) вызвали членов ВРН, в том числе входивших в рабочую группу, вырабатывавшую общее коммюнике. Серьезные затруднения причинило также вмешательство районного прокурора, а затем сотрудников милиции, требовавших от присутствующих освободить зал и назначавших жесткие сроки окончания выработки коммюнике.

4. Не соответствует действительности содержащееся в отчете утверждение, что последнее вмешательство милиции произошло уже после подписания коммюнике. Представители „Солидарности” были насильно удалены из зала во время подписания коммюнике, что неопровержимо доказывается отсутствием части подписей.

5. В отчете утверждается, что „местные власти были убеждены, что они стоят перед угрозой занятия конференц-зала Воеводского Правления”. Убеждение это не находит подтверждения в каких-либо реальных фактах. Не было каких-либо технических приготовлений к оккупационной забастовке (запасы продовольствия, одеяла, спальные мешки и т. п.). В этих условиях предположения о мнимом намерении оккупации составляют линию защиты, принятую лицами, ответственными за возникшую ситуацию. /Были звонки в Варшаву. Так и не удалось выяснить, кто давал указания — скорее всего, эту „линию защиты” удерживали весьма высокие лица./

6. Следует поставить под вопрос юридическое основание решения вызвать силы порядка с целью освобождения зала. Этого решения не оправдывала затягивающаяся дискуссия, поскольку это была дискуссия членов ВРН с приглашенными представителями их избирателей. Одни лишь члены ВРН могли установить момент окончания дискуссии, в то время как препятствование им в их действиях, связанных с выполнением общественного мандата, по решению служащего, хотя бы и в ранге вице-воеводы, было совершенно недопустимо в юридическом отношении. /Если с ч и т а е т с я, что это выбранные народом представители, то чиновники не вправе выгонять их из здания народного представительства./

7. Особый вопрос составляет форма выполнения сотрудниками милиции распоряжений вице-воеводы Бонка. /Обоими вице-воеводами пришлось пожертвовать — их выгнали./ В этом вопросе отчет Правительственной Комиссии обходит молчанием ряд обстоятельств, существенно способствовавших обострению положения. А именно: характерно, что последнее вмешательство сил порядка произошло в тот момент, когда подходили к концу действия, в связи с которыми группа представителей „Солидарности” еще оставалась в зале. Некоторые представители „Солидарности”, ранее пытавшиеся по собственной воле покинуть помещение Воеводского Правления, не были выпущены из здания. Наряду с милиционерами в мундирах было использовано некоторое число служащих в гражданской одежде. /Вероятно, ГБ не полагаются запасные милицейские мундиры./ По сообщению свидетелей, именно эти служащие избили Я. Рулевского /руководитель МКЗ „Солидарности” в Быдгощи, один из наиболее радикальных руководителей Союза/, М. Лабентовича /рабочий, член „Солидарности”/ и М. Бартоше /престарелый крестьянин, у которого было тяжелое повреждение мозга. Другие двое также получили серьезные травмы, потребовавшие госпитализации/. Избиение это произошло уже после освобождения зала, т. е. после достижения цели мероприятия. Избитых Рулевского и Лабентовича сотрудники милиции снова втащили в зал (чему были свидетелями некото-

рые члены ВРН), а затем, хотя их состояние требовало оказания немедленной медицинской помощи, их вынесли из здания через двор и бросили у ворот. Все эти обстоятельства могут указывать на намеренное действие, направленное на возбуждение общественного негодования. /Т. е. провокацию, чтобы создать предлог для большой расправы./

МКЗ НСПС „Солидарность” в Быдгощи 20 марта 1981 г. представил группе правительственных экспертов под председательством заместителя генерального прокурора ПНР¹ подробное сообщение о действительном ходе событий на сессии ВРН 19.03.81 г. Как видно из отчета, этот материал не нашел полного отражения в письменном отчете Правительственной Комиссии /доложили начальству и получили указания, что надо скрыть/.

II. Выводы, сформулированные в отчете Правительственной Комиссии, требуют отдельного обсуждения:

1. Прежде всего, достойно сожаления поведение некоторых лиц, ответственных за необоснованное прекращение заседания ВРН, а также за введение в действие сил порядка и способ проведения этого мероприятия.

2. Быдгощские происшествия трудно рассматривать в отрыве от подобных же случаев нападения сотрудников милиции на членов „Солидарности”, работников городского транспорта в Варшаве. Знаменательно, что эти явления совпали по времени. Такие же случаи, как в Варшаве, имели место и в других местах. Выводы в пунктах 3-5 вполне согласны с позицией „Солидарности” /обещание наказать виновных и все исправить в милиции/. Что касается выводов 6-7 /обвинение „Солидарности” в намеренном нарушении спокойствия/, то мы заявляем, что НСПС „Солидарность” последовательно стремится к повышению культуры общественной жизни посредством отказа от любых методов насилия, что лучше всего доказывается рекомендациями по этому поводу местным организациям и организациям на предприятиях. Нельзя, однако, оставить без внимания тот

1 Казимеж Кукавка (ТЛ, 30.3.81).

факт, что со стороны властей не было никаких сигналов, направленных ККП, по поводу якобы неправильного образа действий местных органов Союза в Быдгощи в период нараставших, как сказано в отчете, общественных напряжений. Напротив — в самый трудный момент нараставшего конфликта, 19.03.81 г., председателю ККП Леху Валенсе не дали возможности установить телефонную связь с представителями „Солидарности” в здании ВРН. Игнорировали также неоднократное вмешательство д-ра Романа Кукуловича и городских властей, направленное к ликвидации конфликта.¹ Делегация ККП нашла правильным п. 8 выводов Правительственной Комиссии /призыв к ККП предотвращать совместно с правительством такие случаи/ и видит потребность найти институциональные формы осуществления этого вывода /юридические права для „Солидарности” по отношению к „органам порядка”/.

Комиссия „Солидарности” во главе с Валенсой сразу же прибыла в Быдгощ. Как можно было предвидеть, избиение вызвало бурю возмущения во всей стране, и еще до отъезда ККП разослал телеграммы всем местным отделениям „Солидарности” с призывом воздержаться от стихийных действий, ждать результатов расследования и действовать только согласованно, в масштабах всей страны. Глупые правители вложили в руки „Солидарности” великолепную политическую возможность, а неуклюжие маневры с целью укрыть виновных еще ухудшили положение власти. Впрочем, у нее не было выхода. Партийные бюрократы знали, что ГБ — их последний оплот, потому что уж этим наемникам некуда было деться, и они должны были служить режиму для спасения собственной шкуры. Но наемники должны быть уверены в том, что их хозяева в трудную минуту не выдадут их на расправу. Конечно, агенты ГБ в штатском, бывшие Рулев-

1 В получ. копии ошибка; след. читать „Игнорировали... неоднократные о б р а щ е н и я... к городским властям, направленным... конфликта”.

ского с товарищами, имели приказ. Если бы этих людей наказали за выполнение приказа, то ГБ перестала бы выполнять приказы и только делала бы вид, что выполняет их, как поступали уже все другие органы польской администрации. Надо было любой ценой сохранить послушание и исполнительность этого избранного корпуса насильников. Вот почему следствие по Быдгощскому делу, затянувшееся на несколько месяцев, так и не привело к отысканию виновных: оказалось, что на улице было уже темно, когда Рулевского с товарищами вытащили из здания, и нельзя было различить, что за люди их били.

Это была та же глухая стена, что и в случае расстрела на Побережье. Теперь, после военного переворота, т о л ь к о ГБ и часть армейских офицеров поддерживают то, что осталось от режима. Можно понять, почему аппаратчики готовы были жертвовать своими братьями — первыми, вторыми и третьими секретарями, воеводами и вице-воеводами, — но берегли своих гебистов. Это была их последняя линия обороны.

Делегация „Солидарности” начала переговоры с Раковским. Назревала в с е о б щ а я забастовка без ограничения времени. Речь шла уже не столько о событиях в Быдгощи, сколько о вызвавших их причинах. 29/III переговоры, казалось, зашли в тупик и были прерваны.¹ Внезапно были прекращены полеты с варшавских аэродромов, и на улицах столицы появились танки. Это была война нервов, и у рабочих нервы оказались крепкими. 30/III Раковский подписал с ними соглашение по двум пунктам: признание „Крестьянской Солидарности” и (очень ограниченный) доступ к массовой информации. 4/IV вышел первый номер журнала „Солидарность”,² тиражом в 500.000 экземпляров.

3/IV³ заключенный в Варшаве компромисс рассматривал-

1 В тексте неточно: 28.3 переговоры были отложены на 30.3.81, т. к. 29.3 состоялся IX Пленум ЦК ПОРП (ТЛ, 30.3.81).

2 В тексте неточно: дата 1 номера еженедельника „Солидарность” — 3.4.81.

3 В тексте опечатка или ошибка; след. читать „31.III” (ТЛ, 2.4.81).

ся в Гданьске Координационной Комиссией. Заседание шло всю ночь. Валенса, сторонник и участник соглашения, подвергся ожесточенным нападкам со стороны радикалов, негодовавших, как мало удалось извлечь из столь благоприятной ситуации. Ближайшие соратники по августу — Анджей Гвязда, Анна Валентынович и, конечно, Ян Рулевский — ополчились против „харизматического вождя” (корреспондент „Шпигеля” был неправ, Валенса никогда не был „вождем” в этом сомнительном смысле: на него больше всего нападали в собственном Союзе!).

В эту ночь¹ ушел со своего поста представитель „Солидарности” по вопросам печати Кароль Модзелевский, делегат от Познани и один из лидеров КОРа. Его сменил предельно вежливый, но непреклонный Януш Онышкевич. Ушел из руководства Целиньский. Люди „Солидарности” были не бюрократы, они дорожили своим делом, а не своим местом. Валенсе удалось добиться своего: компромисс был одобрен. Был ли он прав? Я имею в виду не моральную правоту — умеренность и миролюбие делают его почти неуязвимым в отношении морали, и Нобелевский комитет слишком уж долго колеблется, не решаясь присудить ему премию Мира. Есть и другой вид правоты: правильно ли было это решение с политической стороны? Не был ли это момент, когда для победы необходима была не осторожность, а решительный прыжок? Ответ на этот вопрос зависит от той же неизвестной величины — поведения Москвы. Я думаю, что Москву удовлетворяла любая видимость „польского социализма”. Осторожность церкви, к которой Валенса всегда обращался за советом, сослужила, как мне кажется, дурную службу польской революции. Кардинал Вышиньский был в это время тяжело болен и знал, что умирает. Впрочем, нельзя представить себе кардинала, консультирующего революцию. Революция — это всегда прыжок в неизвестность, а церковь не умеет прыгать.

Дело здесь не в одной церкви. Мы живем в мещанском

1 Т. е. 1.4.81 (ТЛ, 2.4.81).

двадцатом веке, считающем главной ценностью — б е з о п а с н о с т ь. И в нынешней Польше распространено убеждение, что безопасность отечества — высочайшая ценность, перед которой должны отступить все другие. Самый храбрый человек трепещет, когда надо рискнуть не собственной жизнью, а безопасностью своей страны. Но свобода не дается безопасно. И рисковать приходится чем-то большим, чем собственная жизнь.

Когда-то в Польше это понимали. И если эти мысли покажутся вам возмутительными, то я скажу в свое оправдание, что нельзя писать польскую историю, не проникнувшись польским духом.

По-видимому, дело в Быдгощи и соглашение 30/III были высшей точкой движения; затем энтузиазм постепенно убывал, и нарастала усталость. Партийная верхушка ждала этого момента и рассчитывала одолеть противника измором. Этот противник был польский народ. Простая правда, касающаяся революций, состоит в том, что народ быстро устает. Отдельные люди могут сколь угодно долго находиться в состоянии духовного подъема, могут всю жизнь проявлять нравственную и физическую энергию, но масса после периода возбуждения снова впадает в апатию, приходит в состояние равновесия с внешними условиями жизни. Важнейшим из этих условий является государственный строй. Поэтому главная задача революционеров всегда состояла в том, чтобы использовать волну массового энтузиазма для *изменения государственного строя*: тогда новое равновесие народной массы уже отлично от прежнего, а это и значит, что революция свершилась. Отличие революции от мятежа заключается именно в том, что после нее устанавливается новое, а не прежнее равновесие: например, массы могут снова повиноваться государственной системе, но это уже д р у г а я система. Революционное правительство может потребовать от народа очень продолжительных жертв и лишений, но только небольшая часть нации будет приносить их с прежним энтузиазмом, главная же масса ее будет опять пассивна — во власти новой системы. Поэтому успех революции зависит от

достаточно быстрого изменения системы власти. Как мы видели, Яцек Куронь пытался объяснить корреспонденту „Шпигеля” — и, несомненно, более заинтересованным людям в Польше, — насколько важно создать как можно скорее политические структуры, необходимые для построения революционной власти.¹ Такие организации дали бы массам новые линии ориентации, новые навыки повиновения, а это необходимо для общества, потому что общество устроено иерархически. Длительный процесс воспитания может сделать эту ориентацию масс более сознательной, но в условиях польской анархии, когда исчез всякий авторитет власти, когда власть никто не принимал больше всерьез, надо было дать народу эти новые линии ориентации. Это не мог сделать профсоюз, слишком долго пытавшийся остаться только профсоюзом, и не только потому, что пассивная установка требований к правительству не могла решить экономических проблем, но и по более важной причине: профсоюз мог бороться за материальные интересы народа, но не мог предложить ему новых духовных идеалов. Церковь говорила о честности, нравственности, добросовестном труде, но идеал подразумевает нечто большее, чем добропорядочное поведение. Свобода требует жертв, а приносить жертву — значит давать, а не получать. Между тем польская профсоюзная революция была слишком ориентирована на получение разных вещей, оказалась слишком материальной. Недооценка духовной стороны революции есть важная практическая ошибка!

Партийная верхушка, все эти ольшовские, грабские и ярузельские понимали, что народный энтузиазм выдыхается, что в условиях анархии время работает на тех, у кого сохранились какие-то орудия власти. Они сознательно изматывали рабочих, а рабочие разочаровывались, видя, что после всех переговоров и соглашений, при всем великолепии их профсоюза, их материальное положение не только не улучшается, но становится все хуже. И многие отходили от „Со-

1 См. сс. 194-196, 199.

лидарности”, теряли веру в нее. В Польше было распространено убеждение, что правители организуют голод, ухудшая и без того отчаянное продовольственное положение. Не думаю, чтобы они решились на это: явные доказательства такой политики имели бы убийственный политический эффект. В действительности все разрушалось само собой, а пассивность власти перед лицом экономической катастрофы была для нее вполне приемлемым (и единственно выполнимым) политическим курсом. Предприятия не могли работать вовсе не из-за стачек: официальная пропаганда все сваливала на „Солидарность”, умалчивая, что главной причиной простоев были не забастовки, а распад промышленной системы, невыполнение запутанных, без конца перекраиваемых планов, вследствие чего ни один завод не мог получить от других заводов необходимые для работы материалы и компоненты изделий, зачастую не мог получить даже достаточно топлива и энергии. Рабочие приходили на свои предприятия и сплошь и рядом сидели там без дела. В это время их жены теряли целые дни в очередях у продовольственных магазинов, где и по карточкам мало что можно было получить, потому что нельзя было обеспечить обещанные нормы. Карточная система, введенная уже почти на все продукты, превратилась в еще один источник злоупотреблений. Все это продолжается и по сей день.

Как всегда бывает во время революций, разруха и голод сопровождались бурной политической активностью. Готовились два съезда: IX чрезвычайный съезд ПОРП в июле и первый съезд „Солидарности” в сентябре. Хотя правящая партия состояла на 2/3 из чиновников и лишь на 1/3 из рабочих, в ней было перед съездом большое возбуждение. Молодые члены партии возмутились против бюрократов, и партийные собрания, практически прекратившиеся в начале революции, стали для власти еще одним источником беспокойства. Партийные организации, выйдя из повиновения ЦК, объединялись в „горизонтальные структуры”, т. е. возникали фракции. 16/IV¹ состоялась первая конференция этих „горизон-

1 В тексте ошибка; след. читать „15/IV” (ТЛ, 16.4.81).

тальных” сил в Торуни, и Кане пришлось сделать вид, что такая инициатива снизу может быть полезна для партии. Главной неприятностью было выдвигавшееся повсюду требование свободных выборов в партийные органы: массы членов партии настаивали, чтобы кандидатов можно было выдвигать не только по заранее спущенным спискам, но также „прямо из зала”. Это требование пришлось принять, и оно имело сокрушительные последствия: трудно было протолкнуть на съезд старые „руководящие кадры”. Хотя, конечно, руководящие товарищи выдвигали свои кандидатуры в нарочно отобранных партийных организациях, удалось провести в делегаты съезда даже не всех членов Политбюро! Главный партийный „консерватор” Грабский (которому была поручена комиссия по расследованию злоупотреблений „старого режима”) был решительно отвергнут партийной конференцией в Познани при трижды повторявшемся голосовании. Только нажим и остатки личного влияния Кани, вступившегося за своего личного врага, помогли протолкнуть Грабского на съезд. Долго унижался Ольшовский: он прошел все-таки незначительным большинством голосов в Варшаве (в столице чиновники составляли главную часть партийной организации). В общем, это была нелегкая задача — навязать вдруг ожившей партии „старые кадры”, ввести их в руководящие органы, используя сохранившиеся привычки и демагогию. Кани справился с этой задачей — как мы увидим, лично для него это была пиррова победа.

IX съезд открылся 14/VII. В предшествовавшей съезду избирательной кампании сменилось 50% руководителей первичных организаций, на уровне райкомов и горкомов руководство сменилось на 70%, а на уровне воеводств — на 90%: из 49 первых секретарей воеводских комитетов уцелело всего 4! Одним из них был гданьский секретарь Тадеуш Фишбах, популярный „реформатор”. Из 1954 делегатов съезда лишь 20% составляли рабочие, а 61% — „служащие”. Это значит, что провалился план аппаратчиков заполнить съезд „рабочими от станка”, которыми легче было бы манипулировать. На съезд попала лишь п я т а я ч а с т ь чле-

нов старого ЦК; впрочем, из 16 членов и кандидатов в члены старого Политбюро удалось провести 12.

При выборах нового ЦК получился такой же скандал: из 16 членов старого Политбюро в ЦК прошли только четыре. Это были Каня, Ярузельский, Барщиковский и Ольшовский, причем наибольшее число голосов из всех членов нового ЦК (1615 из 1954) получил Ярузельский, а на втором месте оказался никому не известный рабочий.¹ Каня получил 1335 голосов, Барщиковский — 1269, а Ольшовский едва прошел с 1010 голосами. Не прошли в ЦК отъявленные консерваторы Грабский и Мочар, председатель Государственного Совета Яблоньский (что не помешало ему сохранить свой пост), гданьский герой Ягельский (замешанный, как обнаружилось, в злоупотреблениях клики Герека), Жабиньский, Ней, Крук и Фишбах. Варшавский 1 секретарь, „консерватор” Коциолек,² понес сокрушительное поражение (его сделали послом в СССР). Фишбах и Ней обвинялись в чрезмерной уступчивости по отношению к „Солидарности” и были предметом особенно ожесточенных нападок „догматиков”. Но в общем результаты выборов в ЦК были вполне однозначны: „старые кадры” почти не прошли, 90% нового ЦК составляли новые люди, не входившие в старый ЦК. Это означало, что партия в старом смысле уже не существует, что в новых условиях невозможно положиться на послушание самого партийного аппарата. Если бы не был избран в ЦК Ярузельский, на этом и кончилась бы его карьера: по правилам партийной игры он не мог бы остаться премьером. Но делегаты съезда считали генерала сильным человеком партии, способным провести „обновление”! Большие карьеры почти всегда предполагают лицемерие и предательство. Ярузельский положил конец польской правящей партии, превратив ее в жалкий придаток военной диктатуры. „Старые кадры”, согласные, разумеется, на любое унижение, сохранили свое привилегированное снабжение, но лишились вла-

1 Тадеуш Витославский — 1610 голосов („L'Unita”, 19.7.81).

2 В тексте „Кочолек” — ошибка.

сти. IX съезд был существенным шагом к устранению партийной бюрократии и замене ее военной: партийная перестала действовать, а военная еще держалась.

Дебаты съезда и его решения не представляют особого интереса: партия в старом смысле была мертва, а в новых общественных процессах должны были возникнуть новые виды организации. Все же делегаты съезда были озабочены „демократизацией”. Были „точно сформулированы” права и обязанности первого секретаря, чтобы он ими не злоупотреблял, и выборы первого секретаря были проведены не на пленуме нового ЦК, а необычным способом, непосредственно на съезде. Ясно было, что выберут Каню, но для видимости демократии выдвинули Барциковского в качестве „конкурента”, и он получил меньшую часть голосов. Кania мог принять все случившееся за свою победу и, кажется, впал в это заблуждение: после бурной деятельности перед съездом он почил на лаврах, по-прежнему переложив хозяйственные дела на министров и верного генерала, а на Раковского — неприятную обязанность выслушивать рабочих.

Важнее был съезд „Солидарности”, который должен был открыться 5/IX. В центре внимания польской общественности стояли в это лето три законопроекта: закон о цензуре, закон о рабочем самоуправлении и закон о профсоюзах. Все три вызвали ожесточенные споры: „Солидарность” боролась за эти законы так, как если бы власть и в самом деле собиралась их выполнять. Предполагалось, что давление на власть будет достаточно сильным, чтобы заставить эту власть уважать принятые обязательства. Но такое давление могло быть возможно лишь в условиях относительной свободы, завоеванной в августе 80 года, и относительной законности, к которой поляки привыкли с 56 года. По-видимому, деятели „Солидарности” не представляли себе, что возможно возвращение к полному беззаконию, к грубому насилию, какого вообще не видело младшее поколение поляков. Если бы руководство „Солидарности” это понимало, оно меньше бы занималось обсуждением законов и позаботилось бы о предотвращении переворота, сразу снявшего все эти юри-

дические вопросы. В этом смысле съезд „Солидарности” напоминает наше злополучное Учредительное Собрание, верившее во всеислие принятых им законов.

Закон о цензуре был принят Сеймом 31/VII. Достигнутый компромисс состоял в том, что „Солидарность” получила право издавать без контроля цензуры свои „внутренние профсоюзные бюллетени”. Впрочем, если в каком-нибудь из них „раскрывалась государственная тайна”, то он в течение шести месяцев подлежал цензуре. На практике „Солидарность” свободно распространяла свои бесцензурные издания на предприятиях, хотя их нельзя было продавать вместе с газетами в киосках, раздавать на улице и т. п. Заводские радиоузлы находились, как правило, в руках комитетов „Солидарности”, игнорировавших права дирекции. Для заводского вещания ККП рассылала во все части страны магнитофонные пленки. Не удалось добиться ответственности цензоров перед судом и права заменять пробелами запрещенные статьи.

Закон о профсоюзах так и не был принят. Правительство хотело ограничить право на забастовку, изъяв из этого права военные предприятия, железные дороги и т. д., пыталось навязать принудительный арбитраж. Оно настаивало, чтобы работники профсоюза оплачивались не самим союзом из членских взносов, а из государственной кассы, что должно было создать условия для подкупа и запугивания. Наконец, оно хотело еще ввести в закон возможность роспуска профсоюза. Все это было неприемлемо, и не получилось никакого компромисса.

Перед открытием съезда „Солидарности” был достигнут компромисс по поводу „рабочего самоуправления”. Главным спорным вопросом был здесь порядок назначения директоров: „Солидарность” требовала, чтобы директора назначались в порядке открытого конкурса рабочим самоуправлением, правительство же настаивало, чтобы, при соблюдении видимости консультаций, окончательное назначение их зависело от министерств. Компромиссный закон устанавливал, что директора предприятий, „имеющих особо

важное значение для народного хозяйства”, будут назначаться министерствами, а остальные — рабочим самоуправлением. Список „особо важных предприятий” не был включен в закон и должен был составляться правительством; это значило, что предстоит борьба по поводу каждого отдельного предприятия, так что закон „о рабочем самоуправлении” лишь открывал поле для дальнейших столкновений с властью. Конечно, правительство не принимало этот закон всерьез и вовсе не думало уступать „Солидарности” директорские кабинеты. Валенса решился на такой компромисс. Члены его делегации большею частью уклонились, так что в ней осталось четыре человека. Три из них поддержали компромисс, один (Рулевский) голосовал против. Проект был представлен на утверждение съезду профсоюза.

Съезд „Солидарности” собрался в Гданьске 5/IX после торжественной церемонии в годовщину Гданьского соглашения. В съезде участвовало 900 делегатов. По замыслу организаторов съезд был разделен на два этапа, между которыми делегаты должны были встретиться со своими избирателями и отчитаться перед ними. Не удалось добиться трансляции съезда по телевидению: правительство, предлагая для вида щедрое время (три с половиной часа в каждый день заседаний), хотело сохранить за собой контроль над содержанием передач.

Валенсе пришлось выдержать трудное сражение с радикальным большинством съезда, считавшим компромисс о „самоуправлении” недопустимой уступкой. Ему удалось все же добиться одобрения компромисса, и Сейм принял наконец „закон о рабочем самоуправлении” накануне открытия второй половины съезда, 26/IX.¹

В течение первой фазы съезда, продолжавшейся шесть дней, были приняты поправки к уставу с целью укрепления централизованного руководства и создания „промежуточных звеньев”; эти меры должны были упорядочить проведе-

1 В тексте ошибка; след. читать „25/IX”. Текст закона см. в ТЛ, 29.9.81.

ние различных действий и, в частности, помешать „диким” забастовкам. Была принята также принципиальная декларация, которая должна была лечь в основу программы „Союза”. Делегаты должны были представить эти документы своим избирателям и вернуться на съезд, выслушав их мнения.

Съезд направил послание народам Восточной Европы,¹ где содержалось разъяснение мирных целей „Солидарности” и заверение в том, что она не посягает на систему польских союзов и внешнеполитические интересы союзников Польши. Правительственная пропаганда, и советская вслед за ней, подняли вопль о недопустимом вмешательстве „Солидарности” во внутренние дела „социалистических стран”; о содержании послания не было сказано ни слова.

1/IX² Лех Валенса произнес одну из своих самых замечательных речей. Выступая в Гнезно, древней столице Польши, по случаю вступления на должность примаса Польши архиепископа Юзефа Глемпа,³ Валенса сказал:

„Мы не хотим брать власть, но должны быть уверены в том, что власть будет нам служить... Перед нами острая борьба. Мы можем победить мирными средствами, если будем едины. Вот почему я сражаюсь за единство, несмотря на расхождение в точках зрения... Наше движение выросло настолько, что мы можем чувствовать себя хозяевами нашей страны. Мы обнажили все ошибки власти и должны поставить вопрос: что делать? Мы не должны позволить обкрадывать нас, не должны позволить снова надеть на себя намордник. Но мы все должны взяться за дело”.⁴

По поводу возможной перемены социальной и политической системы Валенса выразился уклончиво: он сказал, что можно построить „хорошую Польшу”,⁵ и прибавил: „Мы не

1 Существует русский перевод.

2 В тексте опечатка или ошибка; след. читать „12/IX” (ЮПИ, 13.9.81).

3 Глемп вступил на должность 13.9.81 (ТЛ, 14.9.81).

4 См. „L’Unita”, 14.9.81.

5 Там же.

сторонники ни капитализма, ни какой-нибудь другой системы, потому что мы особенная нация”.¹

По поводу средств массовой информации Валенса заявил: „Надо ясно сказать, что телевидение и радио принадлежат нам, принадлежат нации... „Солидарность” хочет говорить собственным голосом. Если мы не добьемся соглашения о предоставлении нам раз в неделю телевизионного времени, мы разоблачим это телевидение. Мы устроим собственную станцию, у нас есть свои установки и съемочные аппараты”.²

Вторая половина съезда открылась 27/IX.³ Поскольку не удалось договориться с правительством о трансляции, на съезде действовала собственная телевизионная служба Союза, а корреспонденты государственного телевидения не были допущены в зал заседаний. На съезде присутствовало множество иностранных делегаций, но профсоюзы „социалистических” стран не приняли приглашения, а председатель Американской федерации труда Л. Керклэнд не получил визы на въезд в Польшу. КОР объявил о самороспуске организации и влился в „Солидарность”, мотивируя это тем, что рабочие уже не нуждаются в чьей-либо защите. Съезд вернулся к закону о „самоуправлении”. В конечном счете Валенсе удалось настоять на одобрении закона, поскольку съезд не хотел демонстрировать перед властью свой раскол; но особым постановлением было признано, что „действия руководства были неправильны и не должны повторяться в дальнейшем”. Была принята программа „Солидарности”,⁴ обходящая вопрос о „социализме”: самое слово встречается в программе о д и н раз, в косвенной форме: сказано, что „права трудящихся не должны нарушаться в социалистическом государстве”. Политической целью Союза (хотя и без упоминания о политике) программа объявляет превращение

1 См. „L’Unita”, 14.9.81.

2 Там же.

3 В тексте ошибка; след. читать „26/IX”.

4 Опубликована в приложении к еженедельнику „Солидарность”, 16.10.81.

Польша в „самоуправляющуюся республику”. Программа требует свободных выборов в Сейм и местные советы, с правом выдвижения независимых кандидатов, и создания второй палаты Сейма — палаты самоуправления, для рассмотрения социальных и экономических вопросов. Самоуправление на предприятиях должно заменить соответствующую бюрократическую систему управления промышленностью; таким образом, предусматривался экономический порядок, не имеющий ничего общего ни с капитализмом, ни с „реальным социализмом”. Наконец, съезд переизбрал председателем Союза Валенсу, но популярность его на самом съезде заметно уменьшилась, и в новый состав Координационной Комиссии вошли в основном радикалы. В конце концов радикалы добились принятия еще одной резолюции по поводу „закона о самоуправлении”: было решено провести на предприятиях референдум о спорных статьях этого закона, а затем предложить Сейму внести в закон соответствующие поправки. В сущности, это опять ставило под вопрос достигнутый компромисс. Съезд закрылся 7/X речью Леха Валенсы.

Вскоре после съезда „Солидарность”, убедившись, что переговоры с правительством ни к чему не ведут, а экономика быстро разрушается, решила наконец перейти к более энергичным действиям. Предполагалось провести референдум на предприятиях, о чем уже была речь на съезде, но обсуждался вопрос, не следует ли расширить предмет референдума, включив в него вопрос о реформе избирательной системы. Наконец, на отдельных предприятиях предполагалось провести „активные забастовки”. Это выражение означало фактический захват в свои руки управления предприятием и распределения произведенной продукции. В ряде мест раздражение рабочих достигло такой степени, что они выбрасывали с заводов партийные комитеты, а иногда вывозили на тачках особенно ненавистных партийных бюрократов. Бюрократы вопили о помощи, обращаясь к своему ЦК, и собравшийся 19/X IV Пленум принял очень странное решение, резко противоречившее всем мерам демократизации, выра-

ботанным на IX съезде: пленум снял Канию с должности 1 секретаря и назначил на его место Ярузельского,¹ сосредоточив в его руках три должности — 1 секретаря, премьера и военного министра. Отставка Кани была принята 104 голосами при 79 против; Ярузельский был избран 180 голосами при 4 против. Всего в польском ЦК было двести человек; отсюда видно, что почти половина ЦК не хотела менять Канию на Ярузельского, несмотря на несомненно существовавшее предварительное решение Политбюро.

Итак, Ярузельский сосредоточил в своих руках всю власть и, конечно, сейчас же заверил страну в своем миролюбии, предложив большую коалицию из трех партнеров: партии, „Солидарности” и церкви. Ясно, что это был маневр с целью выиграть время. Трудно сказать, решился ли генерал на переворот уже в это время, или позже. Польские партийные бюрократы нашли себе диктатора и в отчаянии вверили ему свою судьбу.

В стране продолжались забастовки, демонстрации и голодные марши.

1 В тексте неточности: Пленум открылся 16.10.81, отставка Кани и назначение Ярузельского — 18.10.81.

12. ИХ ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

„Это будет их последний бой” — таков был лозунг „Солидарности” в последние дни. Лозунг бросил Кароль Модзелевский в Радоме на совещании 3/XII.¹ Совещание руководства было закрытым, но власти ухитрились его подслушать и опубликовали отрывки из дискуссии в доказательство злонамеренности врага.

За день до этого Координационная Комиссия сделала в Варшаве решительное заявление.²

„События последних недель свидетельствуют, что правительство выбрало путь насилия, отбросив возможность диалога с обществом... Правительство решило сохранить прежнюю систему управления экономикой, вызвав одновременно резкое снижение жизненного уровня населения... Дальнейшие переговоры о национальном соглашении беспредмет-

1 См. Teresa Grabczyńska, Jerzy Bielecki, „Od 'Olivii' do Radomia”, ч. 7 (далее „Od 'Olivii'...”) (ТЛ, 11.1.82).

2 Там же.

ны..."¹ Если Сейм предоставит правительству чрезвычайные полномочия, ответом будет „24-часовая забастовка протеста... В случае применения этих полномочий правительством все предприятия начнут всеобщую забастовку... Обществу велят платить за реформу, которой нет”.²

Координационная Комиссия выдвинула „минимальные требования”:³

- 1) Неприменение репрессий.
- 2) Допущение деятельности Союза в милиции и армии.
- 3) Немедленное введение самоуправления по принципу „сети”.
- 4) Новый избирательный закон, с выдвижением кандидатов от гражданских групп, и немедленные выборы.
- 5) Контроль „Солидарности” над хозяйством, особенно над продовольственным делом.
- 6) Придание „Общественно-экономическому совету” /орган, созданный „Солидарностью”/ компетенций, дающих ему реальное влияние на решения правительства и контроль над общественно-экономической политикой государства.
- 7) Полное и бесконтрольное пользование средствами массовой информации.

Это было объявление войны — к несчастью, без подготовки к войне. А вот что говорили в Радоме на следующий день:

Валенса: „Конфронтация неизбежна и конфронтация будет... Не будем обманываться, это было с самого начала надувательство, и я об этом хорошо знал, но не говорил об этом, потому что хотел играть в эту игру, но теперь у меня уже нет выхода, дело зашло так далеко, что надо кое-что людям открыть и сказать, во что мы играли... Никакая перемена системы не может произойти без мордобоя — ну что ж, надо только его выиграть...”⁴

1 Закр. кавычки добавлены нами. — Р е д.

2 Откр. кавычки добавлены нами. — Р е д.

3 Там же.

4 См. Ryszard Świerkowski, „Solidarnościowie” filozofia strajku. Fałszywa karta” (ТЛ, 16.17.1.82).

Антони Копачевский: „Нечего ждать, „Солидарность” слабеет день ото дня, у людей исчезает вера в окончательную победу”.¹

Владислав Фрасинюк: „Надо строить и разворачивать профсоюзный аппарат, который в будущем займет место в администрации”.²

Решительнее всех высказался Збигнев Буяк, 27-летний председатель варшавской „Солидарности” (950.000 членов) и первый организатор вооруженных отрядов:

„Подготовить Союз к всеобщей забастовке, а затем найти настолько существенный повод, чтобы это подействовало на людей... Охрана, которую мы создадим, прежде всего атакует Радиокомитет”.³

(Буяк сумел ускользнуть от ареста и ушел в подполье.)

5-6/XII в Варшаве было решено провести 17/XII демонстрацию на площади Победы (предложение внес Северин Яворский).⁴

10/XII в Гданьске состоялось заседание президиума ККП, предшествовавшее последней сессии Координационной Комиссии. Вот что сказал на этом заседании один из молодых лидеров „Солидарности”, ассистент университета Гжегож Палка:

„Солидарность” имеет перед собой три пути: во-первых, она может выбрать пассивный путь, ограничиваясь протестами и, самое большое, забастовками. Во-вторых, она может действовать методом совершившихся фактов, например, путем создания рабочей охраны и объявления активной забастовки. В-третьих, может пойти на общее политическое и системное решение — всеобщую забастовку под лозунгом свободных выборов в Сейм”.⁵

11/XII в Гданьской верфи открылось заседание Координационной Комиссии⁶ в составе 107 человек, в присутствии

1 См. „Od 'Olivii'...” , ч. 7 (ТЛ, 11.1.82).

2 Там же.

3 Там же.

4 В тексте „5-6/I”, „17/I”, „Северын” — опечатки (см. там же).

5 См. „Od 'Olivii'...” , ч. 8 (ТЛ, 12.1.82).

6 Там же.

советников и экспертов. Гжегож Палка и Яцек Меркель сделали отчет о переговорах с правительством: переговоры были бесплодными. Ежи Ястжембовский обратился к Координационной Комиссии с просьбой поддержать забастовки на радио и телевидении и образовать совет для обобществления средств информации. В качестве общественных контролеров он предложил Януша Онышкевича и Ежи Кропивницкого. Последний потребовал „расчета с властями за хозяйственное и политическое наследство”.¹

Говорит Анджей Словик (Лодзь): „Мы теперь не готовы скомандовать „в атаку”, но можем дать власти понять, что сумеем обойтись без нее. Этого можно было бы достичь активной забастовкой. Наш район готов объявить ее 21/XII. Это даст нам возможность обойти окаменевшие государственные структуры”.²

Северин Яворский подчеркивает, что в активной забастовке важную роль должен сыграть Общественный Совет Народного Хозяйства (орган „Солидарности”). „Мы возьмем власть на предприятиях уже не с помощью медлительных самоуправлений „Солидарности”, а просто методом совершившихся фактов — активной забастовкой...³ Ведь экономика наша, а кто управляет благами, тот и диктует условия”.⁴

Выступает Ян Рулевский: „Мы не можем говорить, что устроим всеобщую или активную забастовку, а потом возьмем власть. Мы должны провести референдум, поставив вопрос о доверии нынешней системе представительства. Вооружиться голосом масс — это тоже конфронтация. Надо создать временное правительство, состоящее из специалистов, ввести своего рода временный политический режим, гарантирующий временность этого правления до введения верховной власти представительных органов”.⁵

1 См. „Od 'Olivii'...”, ч. 8 (ТЛ, 12.1.82).

2 Там же.

3 Многоточие добавлено нами. — Р е д.

4 Там же.

5 Там же.

Говорит Лех Валенса: „Мы рассматриваем теперь очень важные политические вопросы. Лишь вместе можем мы обсудить, как обращаться с людьми, чтобы они были с нами, и как с властями, чтобы мы могли победить... Нельзя забывать, что люди хотят есть”.¹

Гжегож Палка предлагает провести референдум о выборах в Сейм, заявив, что, „если партия его не допустит, это будет равносильно ликвидации системы”.² В референдум надо включить вопрос, должна ли „Солидарность” гарантировать военные интересы СССР. Палка согласен на такие гарантии.

Слово предоставляется экспертам. Доцент Стефан Куровский считает, что „с коммунистами можно говорить, но нельзя договориться”. Он противопоставляет „Фронту Национального Соглашения” (прикрывающая демагогия Ярузельского) идею „независимого самоуправляющегося союза национальных сил, который должен привести, даже в условиях конспирации, к образованию временного правительства”.³

Ежи Ольшевский полагает, что „Солидарность” не может победить власть, потому что ей нечем эту власть заменить”,⁴ и предлагает проводить уличные демонстрации.

Бронислав Геремек рекомендует референдум: „Этим оружием можно было бы постоянно пользоваться, когда нет реакций со стороны правительства”.⁵

Профессор А. Стельмаховский советует: „Утвердить радомское постановление как официальный документ Союза, принять программу охраны Союза (например, аварийной системы связи) /только теперь — и одной лишь связи?/, принять программу наступательных действий /?/ и решение по поводу закона о профсоюзах”.⁶

1 См. „Od 'Olivii'...”, ч. 8 (ТЛ, 12.1.82).

2 Там же.

3 Там же.

4 Закр. кавычки добавлены нами. — Р е д.

5 Там же.

6 Там же.

Последнее решение принимается единогласно: эти люди все еще надеются, что власть будет соблюдать законы! Постановление должно быть вынесено на следующий день — в субботу 12/XII.

12/XII члены Комиссии спорили, какие пункты должен содержать задуманный ею всенародный референдум.¹ Предлагается обсудить вопросы о сроке образования временно-го правительства, о новом положении о выборах и о принципах составления избирательных списков.

(Решительно, это — польское Учредительное Собрание! Недостает только матросского караула, но за этим дело не станет.)

Анджей Гвезда, председатель комиссии по постановлениям и предложениям, рекомендует принять „радомскую позицию” и назначить на 15/I 82 г. профсоюзную кампанию перед выборами в рады народо-вы (местные советы).

Выступает Яцек Куронь: „Лучше всего — радомский проект, дополненный референдумом и требованием выборов в Сейм. Это конфронтация — и, как каждая конфронтация, она ставит в борьбе за программу жесткие политические условия. Думая о политике, мы должны предпринять также соответствующие пропагандистские действия... но если должна быть конфронтация, то наша пропаганда не может писать „завтра возьмем Москву”, не надо топать ногой”.²

Говорят делегаты с мест, выражающие настроения своих людей. Мечислав Лах (Петркув): „Мы не можем быть в положении побитой собаки. Мы должны быть храбрыми. Если не пойдем храбро в бой — Союз потерпит поражение. Не испытанное еще оружие активной забастовки надо применить... лучше всего в оборонной промышленности или на предприятиях, работающих на экспорт в социалистические страны, это их больше всего заденет”.³

Зигмунд Завойский (Прикарпатье) /об активных забастовках/: „Надо же, наконец, попробовать! Лучше всего в

1 Об этом см. „Od 'Olivii'...”, ч. 9 (ТЛ, 13.1.82).

2 Там же.

3 Там же.

типографиях. Заберем у них бумагу и будем печатать, что нам нужно".¹

Збигнев Янас („Урсус", Варшава) : „Предприятие на 90% готово к активной забастовке, люди хотят конфронтации. Тактика действия проста, главные требования — образование общественного совета народного хозяйства, референдум о выборах, изгнание комитетов ПОРП с предприятий, выборы в Сейм и местные органы власти".²

Антони Пенткевич (Южная Велькопольша) : „Официально мы должны говорить, что мы заинтересованы в национальном согласии... Мы должны политически спровоцировать власть; наилучший способ — это изгнание ПОРП с предприятий. Это должно быть сделано как можно скорее. Чем дальше мы отодвигаем конфронтацию, тем больше они выигрывают. Теперь мы должны объединить вокруг себя все слои — средством для этого будут свободные выборы".³

Януш Онышкевич (один из лидеров „Мазовше") говорит, что есть две концепции — либо заключить с ПОРП соглашение на... радомских условиях, либо изолировать ее, обращаясь с призывами к членам партии, отрывать массы от руководства, „выдвигать острые политические лозунги".⁴ Одновременно он предлагает начать политические переговоры с ЗСЛ (Объединенная Крестьянская партия), СД (Демократическая партия) и с католическими организациями.

Кароль Модзелевский, занятый подготовкой решения Координационной Комиссии, находит время для выступления. Он — за решительные меры, хотя и без формального „объявления войны": „Мало протестовать — надо приказывать... Что делать в начале января? Если будут выдвинуты требования, ведущие к свержению власти, это будет шаг в направлении войны. Возросли сопровождающие требования, нам нужны сейчас политические гарантии. Надо бить по партии... Ре-

1 „Od 'Olivii'...", ч. 9 (ТЛ, 13.1.82).

2 Там же.

3 Там же.

4 Откр. кавычки добавлены нами. — Р е д. (там же).

шившись начать войну, надо так сформулировать требования Союза, чтобы они были убедительны. Во-первых, уточнить срок всеобщей забастовки в ответ на чрезвычайные меры, заявить, что закон о профсоюзах в нынешнем виде уничтожает и закрывает путь к соглашению, потребовать очередных изменений принципов управления, например, выборов в Сейм”.¹

Ян Лужный (КПН – Конфедерация Независимой Польши, о т к р о в е н н о требующая разрыва с Москвой) говорит на диалекте карпатских горцев: „Мы должны сказать себе: хотим власти! Хотим!.. Коммунисты – это такие редкостные звери, что их надо запереть в золотые клетки и показывать в зоопарках”.² Он поддерживает идею временного правительства, призывает отстранить тех деятелей, которые ставят интересы рабочего самоуправления выше интересов „Солидарности”.

Говорит Збигнев Буяк (председатель отделения „Мазовше”): „Мы должны создать непосредственный фронт борьбы, широкий фронт политической борьбы за структурные изменения. Надо заключить соглашение со всеми... Это нелегкий путь, союз может не выдержать, может войти в конфликт, но из конфликта он не может выйти разбитым, разбита должна быть власть”.³

Заключение делает Богдан Лис: „Никаких переговоров. Для возможного нового правительства с нашим участием основной деятельности будет радомская позиция”.⁴

Лех Валенса не участвует в дискуссии. В этот последний вечер он проводит время в кулуарах. Его отсутствия не замечают.

По данным Центра исследований общественного мнения профсоюза „Солидарность”, 51% его членов не поддерживает конфронтации, а около 1/3 членов „определенно отходит от

1 „Od 'Olivii'...”, ч. 9 (ТЛ, 13.1.82).

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же.

движения „Солидарности” и в принципе принимает взгляды властей”. После года возбуждения, разочарований и голода — удивительно боевое настроение! 49% членов Союза *все еще хотят „конфронтации”*, а это слово означает на польском политическом жаргоне прямое столкновение с применением силы.

22¹ часа 32 минуты. Постановление, выработанное Рулевским, принимается. Против 5 голосов, 4 воздержались. Теми же голосами принимается „позиция ККП” (авторы Рулевский и Модзелевский). Лех Валенса во время голосования одиноко стоит в боковом зале.

В решении сказано, что радомские постановления стали согласованной позицией Союза. ККП высказывается за проведение общенародного референдума „на принципиальные темы, касающиеся оценки и проверки методов осуществления власти центральными и местными органами государственной администрации”.² ККП „рекомендует назначить комиссара для выработки способа проведения референдума и содержания вопросов”.³

Еще раз подтверждается и уточняется техника и срок немедленной всеобщей забастовки в случае принятия Сеймом закона о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий.

Заседание оканчивается в 0 ч. 50 мин. 13/XII. Делегаты и наблюдатели направляются в гостиницу, чтобы утром разъехаться по местам и приступить к выполнению принятых решений.

Збигнев Буяк торопится в Варшаву, он идет с товарищем на вокзал. Гостиница недалеко от вокзала, и он видит, как ее окружают внутренние войска.

Они сами начали свой последний бой.

1 В тексте „23” — опечатка („Od 'Olivii'...”, ч. 9 (ТЛ, 13.1.82).

2 Закр. кавычки добавлены нами. — Р е д. (там же).

3 Откр. кавычки добавлены нами. — Р е д. (там же).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Андерс (Владислав, 1892–1970) 18, 19
Аугштейн Рудольф 176
Бабюх Э (двард) 115, 116, 119, 210
Барецкий Юзеф 216–217
Бартоше (Михаил) 253
Барциковский К (азимеж) 116, 125, 164, 210, 262–263
Белецкий (Ежи) 270, сн.
Беньковская Алина 146
Бергер (Эдвард) 251
Берия (Лаврентий) 15, 24, 59
Берман Якуб 59
Берут (Болеслав, 1892–1956) 21, 39, 46, 62
Бондковский Лех 146
Бонк (Роман) 253
Братковский Стефан 212
Брежнев (Леонид) 78, 84, 170, 176, 185, 212
Будзановская Мария 159
Буковский Ромуальд 161, 162
Бур-Комаровский (Тадеуш, 1895–1866) 21
Буяк Збигнев 272, 277–278
Валенса Лех 106, 110, 113, 114, 120, 126, 146, 153, 193, 202, 209–211, 218, 219, 222, 224–227, 229–231, 238–240, 242, 248, 265–268, 271, 274, 277, 278
Валентынович Анна 146, 257
Вашук Е (жи) 119
Вежбицкий (Мирослав) 225
Вжащик Т (адеуш) 119, 210
Вильд Дитер 176
(Витославский Тадеуш) 262, сн.
Вишневский Анджей 219
Вишневский Флориан 146
Войташек Э (миль) 119
Войтецкий Е (жи) 164
Выджиньский Здзислав 154
Вышиньский Стефан, кард. 40, 50, 122, 202, 211, 229, 234–236, 238, 239, 240, 257
(Гаевский Мечислав) 223

Гвязда Анджей 146, 257, 275
Геббельс (Иозеф) 19, 46
Герек Эдвард 35, 37, 52, 60, 65, 71–75, 78, 79, 84, 87, 88, 89, 91, 92, 95, 96, 99, 100, 102, 106, 109, 114–116, 118, 119, 122, 125, 138, 153, 157, 158, 163–166, 169, 210, 211, 227, 243, 245, 262
Геремек Бронислав 274
Гитлер (Адольф) 11–13, 16, 22, 23, 44, 63
Глемп Юзеф 266
Гомулка (Владислав) 18, 25, 34, 35, 37, 39, 40, 42, 43, 46, 48–57, 60–71, 73, 74, 95, 100, 103, 116, 161
Горбач Катерина 176
Горский (Януш) 224, 247
Грабский Т (адеуш) 118, 119, 164, 261, 262
(Грабчинская Тереса) 270, сн.
Грудзень З (дзислав) 212
Грушевский Войцех 146
Грюневальд А (рмин) 152
Гусак (Густав) 39
Домбровский Бронислав 229, 234
(Дрылл Ирена) 109, сн.
Жабиньский А (нджей) 119, 164, 262
Жандаровский З (дзислав) 119, 210
Жеромский (Стефан, 1864–1925) 32
Заблоцкий Януш 159
Завойский Зигмунд 275
Задрожиньский Эдмунд 134
Зелиньский Збигнев 146
Зольденгоф Станислав 149
Золя (Эмиль) 112
Издебский Стефан 146
Иоанн-Павел II 177, 230, 234–236
Кадар (Янош) 39
Каня Станислав 106, 107, 116, 118, 125, 161, 163–165, 169, 178, 181–183, 185, 187, 188, 202, 203, 210, 212, 224, 227, 229, 241–243, 245–247, 255, 257, 261–263, 269
Капусьцинский Р (ишард) 149
Качмарек Лех 229, 235
Квечик Ежи 146
(Кенион Н.) 229, сн.
Керклэнд Л (ейн) 267

(Кжак Мариан) 123, сн.
Кледецкий Збигнев 159
Кобылинский Здзислав 146
Когельфранц Зигфрид 176
Козловский Марек 134
Козловский Ян 134
Колодзей Анджей 146, 209
Колодзейский Ежи 146
Копачевский Антони 272
Копец А (лександр) 127
Костюшко Тадеуш (1746–1817) 211
Коциолек (Станислав) 262
Кропивницкий Ежи 273
Крук (Владислав) 210, сн., 262
Кубит Ян 155, 156, сн.
(Куавка Казимеж) 254, сн.
Кукулович Роман 255
Кулай Ян 242
Куровский Здзислав 164, 229
Куровский Стефан 274
Куронь Яцек 102, 175, 176, 188–200, 209, 159, 275
Кшивонос Хенрика 146
Лабентович М (ариуш) 253
Ламентович В (ойцех) 226
Лак Мечислав 275
Левандовский Стефан 147
Ленин (Владимир) 185
Лец (Станислав Ежи) 99, 106
Лис Богдан 146, 277
Лужный Ян 277
Лукашевич Е (жи) 116, 119, 210, 227
Люксембург Роза 68
Мазовецкий (Тадеуш) 240
Май Тадеуш 157
Макиавелли (Никколо) 70
(Малышев В.) 117, сн.
Маркс (Карл) 104, 105
Маршалл 179
Махарский Францишек, кард. 229, 234, 236
Мейер Фритьоф 176

(Менцлевский Эдмунд) 156, сн.
Меркель Яцек 273
Миколайчик (Станислав, 1901–1966) 24
Милош Чеслав 230
Михник Адам 102, 224
Мицкевич (Адам) 67
Модзелевский Ежи 206
Модзелевский Кароль 102, 245, 257, 270, 276, 278
Моравский Казимеж 159
Моцарт Вольфганг Амадей 235
Мочар М (ечислав) 66, 69, 210, 227, 262
Надь Имре 57
Наполеон 49, 90
(Нарожняк Ян) 227, сн.
Насталы Тадеуш 230
Ней (Роман) 210, сн., 262
Новотко (Марцелий, 1893–1942) 17
(Оздовский Ежи) 229, сн.
Олбрыхский Даниэль 229
Ольшевский Ежи 274
Ольшевский 214
Ольшовский С (тефан) 118, 119, 261, 262
Онышкевич Януш 257, 273, 276
Оруэлл (Джордж) 49
Палка Гжегож 272–274
Пендерецкий Кжиштоф 229
Пенткевич Антони 276
Петр Великий 30
Пилсудский (Юзеф, 1867–1935) 32, 114
Пиньковский Ю (зеф) 119, 162–163, 205, 212, 245
Португалов (Николай Сергеевич) 176
Потапович Тадеуш 214
Пшибыльский (Владислав) 252
Пшибыльский Юзеф 146
Пыка Т (адеуш) 116, 117, 119, 210, 227
Раковский Мечислав 160, 161, 247, 255, 263
Рейман Станислав 214
(Рибникар Дарко) 209, сн.
Рокоссовский (Константин, 1896–1968) 24
Рузвельт (Франклин) 22

Рулевский Ян 253, 255–257, 265, 273, 278
 (Сапело Петр) 227, сн.
 (Сверковский Ришард) 271, сн.
 Сета Антони 157
 Сикорский (Владислав, 1881–1943) 22
 Сикорский Ежи 146
 Словик Анджей 273
 Собешек Лех 146
 Спыхальский (Мариан, 1906–1980) 69
 Сталин (Иосиф) 12, 15–23, 25, 27, 39, 40, 43–45, 55, 59, 60, 63,
 83, 101
 Станный Тадеуш 146
 Стельмаховский А (нджей) 274
 Тейхма Юзеф 229
 Трускер Эфроим см. Фидлер Францишек
 (Тютчев Федор Иванович) 9, сн.
 Фалин Валентин 175–188, 249
 Фидлер (Францишек, наст. имя и фам. – Эфроим Трускер; парт.
 псевд. – Берент, Джек, Келлер и др., 1880–1956) 17
 Фишбах Тадеуш 146, 227, 229, 231–233, 261
 Форманьский Витольд 214
 Франко (Франсиско) 75
 Фрасинюк Владислав 272
 Хжановский Веслав 214
 Хрущев (Никита) 42, 57, 66, 70, 164
 Целиньский (Анджей) 257
 Церковская Галина 207–208
 Циранкевич (Юзеф) 60, 73
 Черчилль (Уинстон) 22
 (Шаблевский Казимеж) 238, сн.
 Шидляк Я (н) 119, 123, 210
 Шиманек Тадеуш 214
 (Шиманьский Марек) 203, сн.
 Шмидт (Хельмут) 186
 Щепаньская Янина 158
 Щепаньский Мацей 119, 153, 154, 210, 243
 Щепаньский Ян 153
 Энгель Иоганнес К. 176
 Энгельс (Фридрих) 104, 105
 Юзвяк Ежи 159

Яблоньский Генрик 116, 229, 262
Яворский Северин 272–273
Ягельский Мечислав 117, 125, 126, 146, 152, 262
Янас Збигнев 276
(Янковский Ромуальд) 123, сн.
Ярошевич П (етр) 227
Ярузельский (Войцех) 69–71, 116, 118, 161, 163, 246, 247, 262,
269, 274
Ястжембовский Ежи, районный пр-р в Быдгощи 273

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	I
1. Что происходит в Польше?	9
2. Польское наследство	11
3. Польский характер	28
4. Механизм растреления	42
5. Механизм разорения	72
6. Мясо и свобода	108
7. Гданьское соглашение	127
Протокол соглашения, заключенного между правительственной комиссией и Объединенным стачечным комитетом 31 августа 1980 года на Гданьской верфи	128
8. Смена власти	149
Врачебное коммюнике о состоянии здоровья Эдварда Герика	163
9. Рука Москвы	174
Вы недооцениваете наши возможности. Деятель советского ЦК Валентин Фалин о кризисе в Польше и его последствиях для советской системы	176
Не выманивать волков из лесу. Интервью „Шпигеля” о польском кризисе с варшавским оппозиционным политиком Яцеком Куронем	189
	285

10. Солидарность	201
Регистрация Независимого Самоуправляющегося Профсоюза „Солидарность” в Верховном Суде. Во имя общественных интересов	213
Заседание Верховного суда	213
Заявление представителя правительства	216
Вопросы и ответы	217
Мы чувствуем гражданскую ответственность за будущее Польши. Пресс-конференция представителей „Солидарности”	219
Вопросы и ответы	221
Концерт в Большом Театре	223
В 10 годовщину декабрьских событий. Открытие памятника в Гданьске	228
Начало церемонии	228
Возложение венков	234
11. Маска анархии	237
Замечания делегации ККП „Солидарность”	250
12. Их последний бой	270
Именной указатель	279